В этом номере

ИЗ БИОГРАФИИ СОВРЕМЕННИЦ

Очерки, корреспонденции, зарисовки

90 лет со дня рождения С. М. КИРОВА

А. ХАРЬКОВСКИЙ

ХИМИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. ЦИПКО

ОПТИМИЗМ ИСТОРИИ

Т. ПРИХОДЬКО

ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

3 • 1976

Л. А. Иванова. Свадьба

З. И. Казакова. Веселая молодежь

Г. И. Баранова, А. В. Кузьминых. Водоноски

Дымковсная игрушка побывала в Монреале и Женеве, Лондоне и Будапеште. Она украшает Русский музей в Ленинграде, Музей народного искусства в Москве, Музей игрушки в Загорске.

Много работ сегодняшних дымковских мастериц можно было увидеть на выставке «Советская Россия» в разделе «Народное искусство».

См. стр. 27.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 3 1976

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания семнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ—

МЫ ВСТУПИЛИ в десятую пятилетку...

Почти полстолетия отделяют нас от тех далеких дней, когда родилось это радостное, звонкое, как удар молота по наковальне, слово — п я т и л е т к а. Оно родилось в гуще народных масс, в трудовом энтузиазме миллионов, поднятых ленинской партией на строительство новой жизни. Слово п я т и л е т к а стало символом жизненной силы, решающих преимуществ социалистического общественного строя, воплощением мощи и динамичности Страны Советов.

Девять пятилетних планов воплотил в жизнь советский народ, и с каждым из них поднимаемся мы на новую вершину — перед страной и народом открываются еще более широкие перспективы, новые дали на пути к коммунизму.

Формула нашего движения по этому пути определена Программой КПСС: «Все во имя человека, для блага человека». Этой идеей пронизаны и планы нынешнего пятилетия: «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства».

Итак, благо народа — вот главная цель и движущая сила нынешней пятилетки, как и всего коммунистического строительства. Этой цели подчинены все планы дальнейшего подъема народного хозяйства, совершенствования общественных отношений, развития науки и культуры, умножения духовных богатств. А планы эти поистине грандиозны.

Вдумаемся лишь в некоторые цифры, характеризующие развитие социалистической экономики — той прочной основы, на которой зиждится социальный прогресс, рост народного благосостояния и духовного потенциала общества.

В девятой пятилетке объем промышленного производства возрос на 43 процента. В десятой он возрастет еще на 35—39 процентов Это значит, что в завершающем году пятилетки — 1980-м — наша промышленность даст почти вдвое больше продукции, чем было произведено в 1970 году.

Возьмем энергетику — этот двигатель всех отраслей народного хозяйства. Знаменательным для развития электроэнергетики был минувший, 1975 год: впервые наши электростанции перешагнули заветный рубеж — 1 000 000 000 000 киловатт-часов. Не каждый даже сумеет назвать такую цифру: это триллион — тысяча миллиардов. А к концу пятилетки этот показатель возрастет до 1 340—1 380 миллиардов киловатт-часов. Чтобы понять масштабы нынешней пятилетки, напомним, что ленинским планом ГОЭЛРО предусматривалось довести выработку электроэнергии до 8,8 миллиарда киловатт-часов — и это была подлинная революция в энерговооруженности народного хозяйства. А теперь такое количество энергии наши электростанции дают менее чем за 4 дня! Если же взять для сравнения более близкие времена, то на конец пятилетки уровень производства электроэнергии 1960 года будет превзойден почти в 5 раз, 1965-го — почти в три раза, 1970-го — почти вдвое. Причем характерная деталь: все большую долю в энергетическом балансе приобретает энергия атома — энергия будущего, энергия коммунизма. В европейской части страны атомные электростанции развиваются опережающими темпами: они дадут примерно 20 процентов всего прироста электроэнергии. За пятилетку вступят в строй новые мощности на Ленинградской, Нововоронежской, Смоленской, Курской АЭС в РСФСР, на Чернобыльской, Ровенской, Южно-Украинской — на Украине, будут строиться Друкшяйская АЭС в Литве, атомная электростанция в Армении.

Подобные цифры можно приводить и по металлургии (производство стали достигнет 160—170 миллионов тонн, превысив уровень 1970 года почти в полтора раза), и по машиностроению, выпуск продукции которого увеличится за пятилетку в 1,5—1,6 раза, и по химической промышленности, где эта прибавка достигнет 60—65 процентов, и по другим отраслям, которые диктуют темпы научно-технического прогресса, обеспечивают устойчивый рост всего народного хозяйства.

Нынешняя пятилетка — время решительного подъема сельскохозяйственного производства, осуществления комплекса крупномасштабных мероприятий, надежно гарантирующих наши поля от случайностей и капризов природы. 171,7 миллиарда рублей — никогда еще сельское хозяйство не получало таких гигантских капиталовложений; они дадут возможность резко увеличить техническую вооруженность, химизацию сельскохозяйственного производства, широко развернуть мелиоративные работы. Намеченные на пятилетку мероприятия позволят поднять производительность труда в колхозах и совхозах примерно на 30 процентов и довести в 1980 году валовой сбор зерна до 215—220 миллионов тонн, производство мяса до 15 —15,6 миллиона тонн, молока — до 94—96 миллионов тонн, хлопка — до 9 миллионов тонн, сахарной свеклы — до 95—98 миллионов тонн и т. д. Вот ресурсы для более полного удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, а промышленности, производящей предметы народного потребления,—в сырье, для создания необходимых резервов сельскохозяйственной продукции.

Мы привели здесь некоторые цифры нового пятилетнего плана, его количественные показатели. Цифры эти грандиозны, но не только они характеризуют нынешнюю пятилетку. Ее определяющей особенностью является то, что это — пятилетка эффективности, пятилетка качества. А это значит, что повсюду, в каждом коллективе должен царить дух коммунистического отношения к труду, дух соревнования за достижение наивысших результатов при наименьших затратах, дух хозяйской заботы об отличном качестве работы во всех звеньях, на каждом рабочем месте.

Мощным ускорителем развития народного хозяйства в нынешней пятилетке является наука, ставшая в социалистическом обществе непосредственной производительной силой. Пятилетний план направляет усилия ученых на развитие тех исследований, которые откры-

БЛАГО НАРОДА

вают принципиально новые пути и возможности для преобразования производительных сил страны, для создания техники и технологии будущего. В области естественных и технических наук это — атомная энергетика, ядерная физика, физика плазмы, синтез химических соединений, молекулярная биология, генетика, изучение космического пространства и другие отрасли.

Делу коммунистического строительства активно служат и общественные науки. Здесь важнейшими направлениями пятилетний план определяет исследование теоретических проблем развитого социализма, закономерностей перерастания его в коммунизм, разработку теории создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, формирования нового человека, развития социалистического образа жизни, проблем научно-технической революции, прогнозирование социально-экономических процессов и т. д.

На основе оплодотворенного научной мыслью подъема социалистической экономики в нынешней пятилетке будет осуществлена обширная программа социальных мероприятий, направленных на дальнейший подъем материального благосостояния народа, расцвет культуры, более полное удовлетворение духовных потребностей людей.

Существенно улучшатся социально-экономические и производственные условия труда, он приобретет еще более творческий характер. Средняя заработная плата рабочих и служащих повысится за пятилетие на 16—18 процентов и достигнет 170 рублей в месяц; доходы колхозников возрастут на 24—27 процентов. Однако благосостояние советского человека определяется не только заработной платой. Великим социальным завоеванием социализма являются общественные фонды потребления, средства которых идут на народное образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и на другие выплаты и льготы, которые уже сейчас составляют примерно третью часть общего объема потребления населения нашей страны. За пятилетку эти выплаты и льготы возрастут еще на 28—30 процентов.

Среди намеченных пятилетним планом мероприятий, направленных на более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей, — увеличение продукции пищевой и легкой промышленности на 26—28 процентов, товаров культурно-бытового назначения — в 1,6 раза; рост розничного товарооборота на 27—29 процентов, причем прежде всего за счет высококачественных товаров, пользующихся повышенным спросом; расширение бытовых услуг населению в полтора раза, а в селах — в 1,7 раза; жилищное строительство общей площадью 545—550 миллионов квадратных метров (если считать на 40-метровые квартиры — новое жилье получат почти 14 миллионов семей); дальнейшее улучшение здравоохранения, пенсионного обеспечения, повышение заботы о матерях и детях (будут, в частности, построены новые детские сады и ясли на 2,5—2,8 миллиона мест); развитие системы народного образования; улучшение отдыха трудящихся, развитие туризма; дальнейший прогресс социалистической культуры и искусства.

В десятой пятилетке еще полнее раскроются преимущества и творческие силы развитого социализма, органичнее сольются интересы общества, коллективов, каждого человека, повсеместнее и прочнее утвердится деловая, здоровая атмосфера, на новый уровень нравственной зрелости поднимутся люди — станут духовно богаче, идейно убежденнее, деятельнее, активнее, непримиримее ко всему, что мешает нашему движению вперед, к проявлениям чуждой нам идеологии и морали, ко всем и всяческим пережиткам прошлого.

Как не вспомнить здесь замечательные, исполненные глубокого научного предвидения слова Маркса, сказанные им почти сто лет назад: **«Религия будет исчезать** в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития...» Основоположники научного коммунизма не раз подчеркивали: для того чтобы из сознания людей окончательно устранить «мистическое туманное покрывало» религиозных иллюзий, необходимо «общественное действие», необходима коренная переделка всего «строя общественного процесса», необходим «свободный общественный союз людей» и «определенная материальная основа общества». Строительство материально-технической базы коммунизма в нашей стране как раз и есть создание такой «материальной основы» социального прогресса общества, одним из звеньев и следствий которого будет полное угасание религии, утверждение материалистического, научного мировоззрения в сознании всех советских людей.

Но процесс этот идет не самотеком, не сам по себе. Обратимся еще раз к приведенным выше словам Маркса. Свою мысль об угасании религии в результате общественного развития он закончил тем, что подчеркнул: в этом процессе «крупная роль принадлежит воспитанию». Да, намеченные пятилетним планом упрочение материальной основы развитого социализма, программа социального развития и культурного строительства создают благоприятные условия и возможности для дальнейшего вытеснения религиозных пережитков из жизни нашего общества. Но для претворения этих возможностей в действительность нужна еще и систематическая, планомерная, всеохватывающая атеистическая воспитательная работа, органически вливающаяся в общее русло всей проводимой партией идеологической работы, всего комплекса мероприятий по воспитанию нового человека.

И все мы, кто причастен к нелегкому, но благородному и благодарному делу борьбы за духовное освобождение людей, воспитания у них атеистической убежденности, сверяем сейчас свою работу со всенародными задачами пятилетки, думаем, как повысить эффективность, действенность нашего слова и нашего дела, как поднять на новый уровень качество — содержательность, доходчивость, убедительность — атеистической пропаганды. Как и для всех советских людей, для пропагандистов атеизма новый пятилетний план — предмет живой патриотической гордости, источник творческой энергии, вдохновляющий стимул к самоотверженному труду на благо дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

ДОРОГАЯ ЖЕНЩИНА

Фото
Г. Зельмы

РОССИИ

Т. МЕЛЬНИКОВА

Александра Максимовна Черкасова... Вся жизнь ее прошла здесь, в этом столько раз неузнаваемо менявшемся за одну человеческую жизнь городе, и там, за Волгой, в степи, где девчонкой-сиротой упрямо выбирала единственный свой путь.

А знают ее далеко за пределами родного города. Знают не в лицо. По делам знают. Которые начала она, а подхватили сотни тысяч людей.

— Вот совсем недавно, — рассказывает Александра Максимовна, — приехала с туристским поездом в Севастополь. И неожиданно увидела на дождливом перроне стайку встречающих меня ребят в пионерских галстуках.

— Александра Максимовна, знаете, сколько домов в нашем городе называют черкасовскими?..

Севастополь, Киев, Ленинград, Смоленск, Воронеж, Ростов — не сразу перечислишь города, где стоят «черкасовские» дома. Называют их так не потому, что строила их лично Александра Максимовна. Она и строителем-то раньше никогда не была. Но имя этой женщины подняло и сплотило патриотов по всей стране. Движение добровольцев, пришедших на помощь строителям, чтобы скорее восстановить разрушенные войной города, было начато ею в Сталинграде в сорок третьем году.

— Как это было?..— Александра Максимовна замолкает на миг. — Сердце подсказало. Так же, как и всем, кто пришел позднее. Только в нашем городе от первых восемнадцати человек ряды добровольцев выросли до ста тысяч.

Когда жители вышли на разборку развалин, иные гости из-за рубежа советовали бросить все и строить город на новом месте. Это, дескать, и легче, и разумнее.

— Может быть, и легче,— задумчиво говорит Александра Максимовна. — Руины-то какие в Сталинграде были! На самолете приходилось подниматься градостроителям, чтобы определить хотя бы направление прежних улиц. Но вот что касается — «разумнее»... Нет, не могли мы бросить и уйти! Расчищаем завалы, а сами только об одном мечтаем: чтобы луна раньше взошла, чтобы работать подольше можно было. Чужому человеку такого не понять. А нас каждый камень словно звал. Откуда и силы брались, — наверное, от боли за свой город, от совести.

А. М. Черкасова

Кто же, если не мы? Мужья наши на фронте. Кто придет, а кто уже не вернется. Детишки с нами. Кто ж в их глазах на свете самый сильный, как не мы, матери? У Мартыновой Александры Васильевны из бригады нашей пять сынов на защите Родины, а остальные трое — с нами, в бригаде. Нина Кремлюкова в Сталинград специально приехала помочь, теплый Ашхабад оставила. Люсе Мартыновой едва четырнадцать лет, а работает не уступая взрослым. У Таракановой Анастасии Федоровны пенсионный возраст, а не о годах, о работе думает. Вот так, друг на друга глядя, и набирались сил.

Один раз, помню, в газету письмо пришло. Движение наше уже широко развернулось. А тут американский журналист написал. Ответьте, мол, какая она — мадам Черкасова. Наверное, очень сильная, большая женщина. Как выглядит, какие платья носит, какие прически делает.

Я аж разозлилась. Ответьте, говорю, что во мне пятнадцать лошадиных сил и прически делаю у лучшего парикмахера. В модельных туфлях хожу. А сама все пятки в духовке пожгла — на ночь ноги в духовку совала, чтоб не замерзнуть. И как раз в такую пору, помню, пришли к нам ребятишки из школы. За помощью. У нас другой объект по плану был, но разве откажешь? У них от школы только название и осталось. Сквозь нее с одной улицы видно было, что на другой делается. Вот

и стали мы им школу восстанавливать. А они в дырявых стенах отзанимаются и нам же помогать идут вместе с учителями, с директором. Как сейчас я их всех помню, особенно директора — Николаева Николая Николаевича. Весь простреленный, рукав гимнастерки за армейский ремень заткнут... И ребятишки зазябшие, ручонки кирпич еле держат — осень, холод, цементный раствор стынет.

Вот так и строили, на усталость не жаловались. А что жаловаться, если все вокруг давно уже от войны усталые. Отдыхать некогда — жизнь налаживать надо... И с радостью узнавали, что все больше становится добровольческих бригад...

Помолчав и словно вернувшись откуда-то издалека, Александра Максимовна повторяет:

— Да, может быть, на новом месте город было бы легче строить. Только как бы мы тогда в глаза друг другу глядели? Ведь это все равно, что раненого без помощи бросить. Мужей-братьев своих предать...

Мы рассматриваем с Александрой Максимовной старую фотографию. Бригада Черкасовой вместе с Героем Советского Союза Яковом Павловым снята у самого первого восстановленного ею дома. Сам дом так и называется: дом Павлова. Кто не знает его в современном Волгограде, кто из гостей пройдет мимо? Простой четырехэтажный дом стал неприступной крепостью для врага. «58 дней в огне» — начертано ныне на стене-барельефе. Столько дней и ночей в самую тяжелую пору битвы сражалась здесь горстка бойцов 13-й гвардейской дивизии генерала А. И. Родимцева. И именно сюда пришла с подругами Александра Максимовна 13 июня сорок третьего года, положив начало массовому движению. За два месяца добровольцы восстановили героический дом.

Из далекого сибирского госпиталя получили черкасовцы в те дни письмо. Пристально следили люди за возрождением Сталинграда, как следили они перед тем за его героической обороной.

«Лежу без света, — писал из госпиталя ослепший от ранения защитник дома Павлова И. Ф. Афанасьев. — Но как хочется сердцем увидеть, как там наш Сталинград, наш дом...»

Лучше всяких лекарств помогали трудовые рапорты черкасовцев в ответ на подобные письма. Только за один год бригады отработали на больших и малых стройках города 1 миллион 260 тысяч часов. 2400 человек, помимо основной, приобрели профессии каменщиков, плотников, штукатуров.

Много можно рассказывать о бригаде Александры Максимовны, о других черкасовских бригадах. Почти десять лет самоотверженно работали они, начиная с расчистки подвалов, которые приспосабливали тогда под временное жилье, и кончая участием в сооружении новых прекрасных зданий на набережной Волги. И всюду они вкладывали труд не просто одухотворенный, а воистину святой, не побоимся высокого этого слова.

Набережная. Здесь, со старенького баркаса сошла в тридцатых годах на берег деревенская девчонка Шура Журова. Что осталось позади? Сиротское детство в многодетной семье. С шести лет ее отдали в няньки, потом батрачила, на целые месяцы уходя с отарой овец в степь. Хотелось учиться, а надо было зарабатывать на хлеб. Религиозные праздники, которые широко справляли в селе, были для маленькой батрачки единственными днями, когда удавалось поесть досыта.

Поначалу не понимала первых сельских комсомольцев, поднявшихся на борьбу со старым, рутинным. Верила, что будет им «божья кара». Но именно от комсомольцев получила букварь, впервые прочла: «Мы — не рабы». Убедилась, на чьей стороне правда. Подговорили кулаки за кусок хлеба такого же, как она, подпаска-батрачонка стрелять из-за угла в уполномоченного из района. Запугали, что, если проговорится, суда не минует. Но судили не его, а подстрекателей, это на многое раскрыло Шуре глаза.

А потом заболела черной оспой. В деревне звали болезнь гнилой. Измученное, покрытое сплошной коростой тело просило хоть какой-нибудь помощи. А увидела у своей постели священника, пришедшего с причащением. Люди заходили прощаться, священник сказал, что приговорена — так желает господь.

— Была бы старше, — говорит Александра Максимовна, — действительно смирилась бы, перестала сопротивляться болезни.

Но Шуру спасли приехавшие из города врачи.

Первый колхоз; и уже комсомолкой, увидела она, что только сами люди, своим трудом могут победить извечное неравенство и нищету.

Переехав в Сталинград, работала сначала в нефтесиндикате. потом, до самой войны, на мясокомбинате. Пришла любовь. Электрик Иван Ерофеевич Черкасов стал ее мужем, отцом двух дочек — Лиды и Нины.

Но деятельная, живая Александра Максимовна, тогда еще просто Шура, не хотела замыкаться в рамках дома. Разве не может

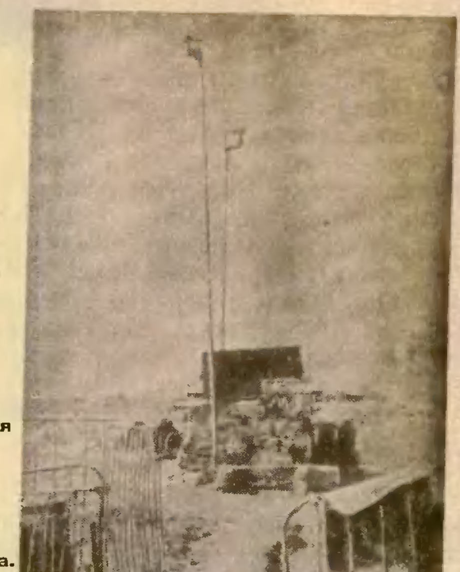
стать краше родная улица? Черкасова — активный член уличного комитета, ее вскоре хорошо узнали в исполкоме райсовета. В числе первых пришла сюда Александра Максимовна и в первые дни войны. Вместе с другими сталинградками встречала воинские эшелоны, принимала раненых, готовила отведенные под госпитали здания.

Вскоре простилась с мужем — он ушел на фронт. А сама осталась в городе. На набережной в дни обороны была переправа. По крутому откосу, под бомбами и снарядами, женщины спускали носилки с ранеными, прикрывая их от огня собственным телом.

А Мамаев курган? Здесь, у подножья, стоял маленький домик Александры Максимовны. Во время боев этот клочок земли стал передовой 284-й стрелковой дивизии полковника Н. Ф. Батюка. Вместе с бойцами мирные жители зарылись в землянки, щели. Уйти было некуда. На руках Александры Максимовны были две больные дочки (однажды, когда она еще дежурила в госпитале, дети, потянувшись за едой, опрокинули на себя кастрюлю с горячим супом). Трое детей было и на руках соседки — Лели Долгополовой, дети у Веры Подосинниковой, у Моти Карагодиной. Сообща, чем могли, питались. Ходили за водой, пробираясь оврагами к Волге или к маленькому родничку на кургане. Поклялись, что, если погибнет одна, другие не оставят сиротами ребятишек, сберегут, вырастят.

Все чаще в землянке Александры Максимовны появлялись раненые. Приносила на себе, привозила на саночках с главным своим помощником — 11-летним Вовой Долгополовым. Обстирывали бойцов, приспособились печь для них хлеб в оставшихся среди сожженных домов печках. Сколько раз бывало, что эти печки сносило снарядом вместе с недопеченным хлебом.

А едва отодвинулась на запад канонада, Александра Максимовна вместе с подругами стала собирать по подвалам и щелям осиротевших ребятишек. Потом их отвезли в детдома, но надо было подумать и о тех малышах, которым предстояло жить в разрушенном городе. Непрерывной лентой тянулся по льду через Волгу людской поток: сталинградцы возвращались в город. Александра Максимовна с теми же женщинами, с которыми пережила битву, пришла работать в один из первых детских садов. Собирали по развалинам посуду, куски жести — все шло в ход. Однажды нашли чудом уцелевшее пианино, сволокли по разбитой лестнице, притащили детям. Летом засадили двор подсолнухами. Они заменяли



Так жили сталинградцы после окончания битвы.

Фото А. Брянцева.

Александра Максимовна Черкасова (справа) с женской бригадой, восстанавливавшей город.

Бригада А. М. Черкасовой (третья слева в первом ряду) за чтением писем, которые шли к ним со всех концов Советского Союза.

Фото А. Орла.

ребятишкам деревья, сгоревшие вместе с городом. Коллектив этого детсада, начиная от заведующей, тогда уже 50-летней Александры Филипповны Семилетовой, и кончая 17-летней воспитательницей Машей Велячкиной, теперь учительницы, и составил первую черкасовскую бригаду. Воспитательница Вера Михайловна Игнатова, ныне отличник народного просвещения, 40 лет отдавшая работе с детьми, стала у Черкасовой бригадиром.

Они и теперь нередко собираются вместе. Поговорить, отметить праздник, выступить по приглашению рабочих или школьников, а то и погрустить по-бабьи: многие, как и сама Александра Максимовна, не дождались мужей с фронта. И, как и раньше, вспомнить неразлучную спутницу бригады — песню.

В записях волгоградского журналиста П. Ульева сохранилось письмо, написанное в сорок четвертом году сталинградкой Марфой Васильевной Власенко на фронт сыну:

«Дорогой наш, родной, ненаглядный. Спешим поделиться с тобой большой радостью: сегодня мы перебрались из блиндажа в хороший, теплый, очень светлый и уютный домик. 70 лет я прожила, сынок, на белом свете, а такой заботы о себе никогда не видывала. Домик для нас построила черкасовская бригада. Ты, может, слышал, есть у нас в Сталинграде много таких бригад. Они строят город и помогают семьям фронтовиков. Так что живем мы теперь с внучком в тепле и уюте. Поэтому о нас не беспокойся, бей там проклятых иродов...»

Во второй половине сороковых годов, когда черкасовское движение уже широко распространилось по стране, земляки избрали Александру Максимовну депутатом Верховного Совета РСФСР. К ней, зная ее по газетам, обращались люди из разных уголков страны. А она по-прежнему днем работала в детском саду, вечерами — на стройке. Даже когда однажды случилось несчастье — рухнула стена разбитого дома и Александра Максимовна попала в больницу, поправившись, с бригадой не рассталась.

Шли годы. Добровольцев сменили профессиональные строители. Но черкасовцы всегда первыми выходили на воскресники. Даже сейчас, уже на пенсии, Александра Максимовна немало делает для красоты и благоустройства родного города. Недавно она награждена орденом «Знак Почета».

«Дорогая женщина России», — так начиналось одно из писем, полученное Александрой Максимовной. Его авторы не знали Черкасову лично. Но ее дело стало для них личным, близким, понятным. Многие, очень многие люди по сию пору бережно хранят рядом с самыми дорогими документами скромные «книжки черкасовцев».

Лестно стать творцом, создателем чего-то неповторимого. Но, может быть, важнее начать то, что потом повторят тысячи. Повторят, сердцем восприняв и сердцем отозвавшись.

И всегда, когда думаю о судьбе и делах Черкасовой, на память приходят строки волгоградской поэтессы Маргариты Агашиной:

Огляди края родные,
Стань на волжском берегу:
Этой доли по России —
Как ромашек на лугу...

г. Волгоград

ДОБРАЯ ДУША

Письмо читателя

Как часто можно слышать, что вера в бога делает человека добрее, сострадательнее, миролюбивее. Если, мол, ходишь в храм божий молиться, то уж непременно наберешься там милосердия столько, что его хватит раздавать не только самым близким родственникам, но и чужим людям. Вот и я так думала раньше, и когда мне говорили о какой-нибудь старушке, что она верующая, что ходит в церковь, то невольно проникалась симпатией, предполагая, какая это, должно быть, отзывчивая, добрая душа.

Не так давно я покинула общежитие и впервые получила собственную комнату в коммунальной квартире, где живет еще две семьи. Дом старинный, кирпичный, квартира большая, но теперь жильцы поразъехались и на огромной кухне стоят вместо восьми всего три столика. Чего бы, кажется, нам, трем хозяйкам, делить? Места хватает всем. Но с первого дня не взлюбила меня одинокая старушка. Чуть что не по ней, поднимает крик. В чем же моя вина? А ни в чем. Просто я должна ее слушаться, потому что она живет в этой самой квартире еще с царских времен.

И вот она заболела, не выходит. Жаль мне ее стало, согрела я чай, сварила каши, понесла к ней в комнату. И что я увидела! Много, очень много икон, а перед ними горит лампадка. Я и предположить не могла, судя по ее характеру, что эта бабка верующая.

— Кроме бога, нет у меня никого, — говорит она мне, а сама плачет. — Вырастила сыночка, а его на войне убили, а он ушел на фронт молодым, неженатым и не осталось у меня ни внуков, ни снохи. Добрая ты, ангельская душа, Машенька. Спасибо, что зашла.

Заходила я к ней все дни, когда она болела, а она ждет не дождется, пока я с работы приду. И я спешу домой. Кто же о ней позаботится? Это мой долг, соседский и человеческий. И никакая я не ангельская душа. Я неверующая и теперь уж точно знаю, что не от веры или безверия поселяется в душе человека сострадание и доброта.

М. ЦВЕТКОВА

г. Москва

Камшат Доненбаева у именного трактора.

КАМШАТ

В. ФРАНЮК,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Есть в Кустанае старый двухэтажный дом, во дворе которого тщательно сохраняется испещренная выбоинами кирпичная стена. Летом девятнадцатого года в этом здании, где теперь областной исторический музей, помещалась белогвардейская контрразведка, а у стены колчаковцы расстреливали людей.

Ходишь под тяжелыми сводами темноватого зала, смотришь из окна в продолговатый дворик, невольно сравниваешь прошлое с настоящим здешних мест — края неоглядных тургайских степей, где водил когда-то свои отряды легендарный Амангельды Иманов, где давно уже ладится новая жизнь.

Среди музейных экспонатов — оружие Амангельды и макет именного трактора Камшат Доненбаевой, о которой знают теперь далеко за пределами области, даже республики. Вещи, может, неравнозначные по исторической ценности, но, безусловно, связанные одна с другой.

Рядом с макетом трактора на фотоснимке сама Камшат. В окружении детей, молодая, со звездой Героя Социалистического Труда и значком депутата Верховного Совета СССР. Здесь же текст ее обращения к женщинам родного Казахстана.

От Кустаная до райцентра Боровского около ста километров бетонной автострады. Телеграфные столбы чуть склонены к северу — вероятно, затем, чтобы надежнее противостоять зимним ветрам. Чем дальше на север, тем чаще степь перемежается березовыми и осиновыми колками, у горизонта то возникает, то исчезает кромка леса.

Руководители района и совхоза говорят о Доненбаевой сдержанно: слишком уж много ездит к ней корреспондентов.

Места здешние, что называется, исконно целинные. Множество хозяйств создано двадцать лет назад приезжими добровольцами. Совхоз «Харьковский» — типичный. Раздольно, по-степному разбросанный, с традиционной, посаженной первоцелинниками, осиновой аллейкой, но в остальной части открытый ветрам.

Новая школа. Недавно отстроенный детский комбинат. Обширные мастерские. Много кирпичных домов. На улицах утепленные к зиме водопроводные колонки. Стаи гусей, уток возле покрытых льдом луж. Первый снег ложится на сухую землю, и его метет косыми белыми полосами. Старожилы говорят: плохая примета — опять к засушливому лету. Что это — предрассудок или многолетний опыт?

В совхозном общежитии много командированных шоферов — второй месяц возят из других областей солому на корм скоту. Вечером за фанерной перегородкой кто-то громко рассказывает:

— Мулла тут у них есть. Летом, значит, приказывает своим: тащите мне барана, я вам дождь организую. Только обязательно черного.

— А зачем черного? — спрашивает молодой голос.

— Я почем знаю? Мулла тебе, что ли? Ну, барану секир башка, помолились, бишбармак съели — нету дождя. Ладно. Приказывает мулла: ведите корову, обязательно черную...

За фанерной стенкой смех, незлобивая перебранка. Завтра шоферам в рейс, совхозным механизаторам в поле. Люди делают все, чтобы прошлогодняя засуха не отразилась на хозяйстве, чтобы лучше подготовить землю к следующему сезону.

Директор совхоза Александр Анисимович Гаранин считает, что многое, в общем-то, зависит от обработки земли. Вовремя проведенные полевые работы позволяют сохранить в почве больше влаги, полезных веществ. А Доненбаева, говорит, как раз и доказала: делать можно гораздо больше и лучше того, к чему привыкли.

Она оказалась совсем небольшого росточка, почти круглой от пушистого серого платка, стеганой куртки, брюк, заправленных в сапоги. Лицо гладкое, белое. При разговоре и в улыбке открывается верхний ряд золотых зубов. Ничего от образа механизатора.

Выглядит не моложе своих тридцати двух, может, даже потяжелее иной ровесницы. Чувствуется: мать, домовитая хозяйка. Наверное, потому и махина желтого трактора на огромных толстых колесах с ребристыми шинами выглядит не по ней. А трактор тот самый — оригинал модели из музея.

Ощущение несоответствия между машиной и водителем не проходит поначалу и в кабине, высоко над землей. Руки на баранке маленькие, ноги почти в упор на педалях.

Мощный «Кировец» ходко движется по краю борозды. Сметаемый ветром снег цепляется за стерню, липнет к сырым комьям вспашки. Плуг оставляет похожий на черный бурун длинный-длинный след. Его почти на глазах выбеливает, и когда Камшат ведет трактор по загонке в обратную сторону, борозда уже плохо различима.

Трактористка вытирает скомканной варежкой потеющее стекло. Щелкающий снаружи «дворник» не успевает счищать белые хлопья, а загонке конца не видно. Камшат оглядывается в заднее окно на плуг. Почвы, как бы ни прославляли целину, встречаются тут тяжелые, иногда только успевай лемеха менять. Но это не самое трудное.

Труднее бывает наверстывать простои. Приходится ведь частенько отлучаться из совхоза. Кроме депутатских обязанностей, Доненбаева выполняет партийные поручения. Она член Кустанайского обкома, Боровского райкома, парткома хозяйства. А личные производственные обязательства из-за поездок никто не пересматривает. Да она и сама не согласилась бы. Вот и вспыхивают под вечер яркие фары «Кировца», чтобы допоздна маячить среди темной степи.

В просторной кабине тепло, мерцают на щитке приборы. Под ровный гул двигателя думается о детях, нескончаемых домашних делах.

О старшей дочери, Гульжан, мать не беспокоится. В шестом классе, а уже первая помощница. И в магазин пойдет, и птице корм даст, и учится хорошо. С младшей, Гульшат, сложнее, характер другой. Вот и сыновья разные. Первоклассник Сарым, пожалуй, чересчур простой, мягкий. Меньший, Аскар, не в меру подвижный. И в каждом из четверых — она сама.

Бесконечны материнские думы, заботы. Трактор встряхивает на неровностях борозды. Плуг в свете задней фары бурунит черную землю. Далеко впереди сквозь косые линии снега появляются две светлые точки. Камшат выключает и включает фары. Далекие огни мигают в ответ. Пока трактор приближается к полевой дороге, прикидывает, сколько потребуется времени, чтобы закончить загонку.

Потом она, отдыхая от гула и тряски, сидит с мужем в машине — обсуждают предстоящие на вечер домашние дела. Тимербек выходит из машины, наклоняется к пахоте — проверяет... Когда он возвращается, жена с улыбкой спрашивает:

— Ну как, товарищ агроном, качество вспашки?

Тимербек кивает и, помолчав, предлагает:

— Может, все-таки поедешь домой? Я добил бы загонку.

— А напортачишь? — смеется Камшат.— Меня же перед всеми и отчитаешь. Хитрый какой!.. Нет, Тимка, не уговаривай. И не устала я. Трудней ведь приходилось, вспомни.

Теперь уже и не скажешь, когда было труднее всего. Работать пошла с шестого класса. Тяжело болела мать, требовалось помогать семье. Ходила на элеватор, подгребала деревянной лопатой зерно. Замуж вышла рано, в двадцать с небольшим имела уже двоих детей. Судьба складывалась традиционно: с грядущей многодетностью, с укладом жизни маленького глинобитного домика и тесного двора.

Но Камшат нравилось ходить к мужу в поле, сидеть за рычагами трактора. Тимербек, незаметно для нее и для себя, многому научил жену. Так что профессию она выбрала задолго до поступления на вечерние курсы.

Среди многочисленной родни желание Камшат стать трактористкой вызвало разные толки. Одни говорили примерно так: мы

хоть и не верим в Аллаха, но порядок надо соблюдать. Женщина должна знать свое место. Ее дело заниматься детьми, а не управлять машинами. Другие рассуждали иначе: оно и трактористкой можно работать, но плохо, что чумазой всегда будет ходить. Никто вроде особенно не перечил, а за глаза осуждали. Что, мол, ни говорите, а не женское это дело.

Первый «Беларусь» достался Камшат потрепанный, не столько ездил, сколько стоял на ремонте. И отношение трактористов к себе ощущала неприязненное. Остановится, бывало, из-за неисправности — никто не подъедет помочь. Один парень, осталось в памяти, насмешливо посочувствовал:

— С пеленками управляться небось проще. Как, Камшат? А тут прокол, колесо надо снимать, размонтировать. Кликнула бы, подсобили.

— Ничего,— сердито ответила Камшат.— С пеленками, кастрюлями управляюсь, уж с колесом как-нибудь совладаю.

Хотя в семье Доненбаевых живет бабушка Аже, работы дома хватает с избытком. Уход за детьми, стирка, дойка и чистка коровы — все лежит на Камшат. Пока Тимербек заочно учился в техникуме, нередко делала в доме и мужскую работу.

Но всегда, при любых обстоятельствах, она твердо придерживалась принципа: совхозная работа должна быть выполнена, даже если для этого требовалось, уложив детей спать, снова выезжать на тракторе в поле. И сколько так выезжала!

Поля третьего отделения соседствуют с лесом. Ночью он выглядит устрашающе. Говорят, в округе водятся волки. Камшат их боится, даже очень. Поэтому можно представить, с какой поспешностью она разворачивала трактор у леса, спускалась из кабины регулировать или менять лемеха. А преодолевала же страх, пахала по ночам, чтобы больше сделать, помочь совхозу скорее управиться с подъемом зяби.

И еще она, чисто по-женски, убеждена, что работа на тракторе такая же хлопотная, как по дому.

В 1972 году Камшат Доненбаева вспахала за сезон больше тысячи трехсот гектаров. Ее наградили орденом Ленина. Камшат стеснялась появляться на людях с орденом. Ей казалось, что ничего особенного не совершила. Да, много работала, а как же иначе?

И сейчас встречаются люди, с улыбкой поясняющие причину успехов Доненбаевой. Ее трудоспособность, дескать, зависит от того, что женщина не перекуривает, подолгу не раскачивается после праздников. В этом, конечно, есть доля истины. И все же имеется у Камшат Доненбаевой и профессиональный «секрет».

Камшат и бабушка Аже.

Фото Т. Жайлянбаева.

Свой К-701 она часто подгоняет к дому, моет горячей водой, смазывает, с аккуратностью хозяйки подтягивает гайки, протирает до блеска стекла. И не только потому, что желтый гигант персонально прислан ей рабочими ленинградского завода имени Кирова. Трактора, на которых Камшат доводилось ездить, всегда отличались поистине домашней ухоженностью. Это тоже помогло выполнить личный пятилетний план за три с половиной года. Камшат Доненбаева стала Героем Социалистического Труда.

Минула пора осуждающих взглядов, теперь многие односельчане гордились землячкой. И все же Камшат видела, как чураются иные молодые казашки работы на машинах, тракторах, комбайнах.

Встретила как-то давнюю подругу — вместе росли. В разговоре та вдруг с грустью вспомнила:

— Надо было и мне тогда идти на курсы. Может, теперь по-другому жила бы.

Думала потом Камшат над ее словами. Казалось, всем должна быть довольна: муж, дети, достаток. Но вот не хватало же чего-то. И Камшат хорошо ее понимала. Обидно, наверное, сознавать, что вся твоя жизнь ограничена домашними стенами. А кто мешал выйти за них? Боязнь людской молвы? Осуждения родственников? До чего все-таки глубоко вьс-

лись во многие души извечные поверья, запреты адатов.

И Доненбаева обратилась через газету к женщинам республики с призывом осваивать профессии сельских механизаторов.

Вот тогда-то в совхоз и зачастили корреспонденты, фоторепортеры, режиссеры, операторы. Весной, в разгар полевых работ, дом Доненбаевых заполнила целая кинобригада. Двор превратился в съемочную площадку. Киношники, выискивая подходящие ракурсы, выставляли окна, в неурочное время сажали семью за стол, днем укладывали детей в кровати. Сценарий предусматривал езду знатной трактористки верхом, и Камшат множество раз приходилось садиться в седло. Киноэпопея продолжалась две недели. Камшат охватывало отчаяние: уходили драгоценные рабочие дни.

Всякое случалось в работе. Бывало, с усталости проклинала долю тракториста, вынужденного долгими часами трястись за рулем, глохнуть от рева мотора, в холод, в дождь заниматься ремонтом. А вот пришлось помаяться дома, когда ухо ловило отдаленный рокот, и затосковала по своему «Кировцу».

Позже, дорвавшись до своей машины, она торопливо наверстывала упущенное время и наслаждалась собственным умением вести культивацию на повышенной скорости, без долгих простоев менять культиваторы на сеялки, сеялки — на прицепы для перевозки удобрений, сена, снова — на плуг, бороны, снегопахи.

Это заблуждение, будто на современном тракторе легко работать. Легкой работы, если к ней относиться добросовестно, не бывает. От человека она всегда требует усилий, преодоления усталости. Вот и «Кировец» — всем хорош тягач, а за смену на полевых колдобинах вытрясет-таки душу. От долгого сидения устает спина, затекают ноги. А предложи уйти с трактора — ни за что не согласится.

Человек нашел себя. Свое место в жизни, свое призвание. У Камшат Доненбаевой внешне это ничем не выражается. После работы она выглядит осунувшейся. Тыльной стороной ладони, чтобы не испачкать платок, устало поправляет выбившуюся черную прядь.

Вечером совхозный поселок светится огнями, возле школы мальчишки играют в хоккей. Мать на ходу вглядывается, не видать ли ее ребят? У Сарыма нужно проверить чтение, посмотреть тетрадь — никак, сорванец, не отвыкнет писать буквы с конца.

В прихожей Камшат снимает сапоги и, ступая в белых шерстяных носках по вымытому полу, проходит в комнату.

На столе среди свежих газет кипа писем. Развязывая платок, искоса читает обратные адреса: Алтайский край, Винницкая область, Омск... А еще на прошлые не ответила.

Муж говорит, что звонил секретарь парткома. Камшат умывается, приводит себя в порядок. Пока бабушка Аже готовит на стол, она набирает номер телефона квартиры секретаря.

Тимербек приглушает звук телевизора, смолкают дети, бабушка Аже старается не стучать тарелками. Каждый хочет угадать, о чем телефонный разговор. Домашние привыкли, что нередко после таких звонков Камшат срочно уезжала на пленум, конференцию, слет. Тимербек понял: речь не об отъезде. Заметно повеселел.

Не успели поужинать — стук в дверь. Пришла доярка с другого конца поселка. Что-то долго слезливо говорила в соседней комнате и, выходя, продолжала:

— ...А то сладу прямо нету. Ты, Камшат, с ним построже. Он тебя уважает, послушается быстрее милиции...

С какими только просьбами не обращаются к депутату! И Доненбаева берется всем помогать. Горой стоит за совхоз, за район. Добивается строительных материалов, запасных частей. На недавней сессии Верховного Совета СССР она участвовала в заседании промышленной комиссии. Голосовала за принятие правительственных постановлений. Коммунисты области избрали ее делегатом на XXV съезд КПСС.

В те дни ей вспомнилось почему-то, как давным-давно отец резал овцу. Маленькой Камшат было страшно, но она крепко держала овцу за ногу в ожидании кормана. Отец по древнему казахскому обычаю мазнул кровью лицо дочки и сказал: «Будь счастливой».

Об этом старом обычае она однажды написала незнакомой женщине в город Лысьву Пермской области. Женщина прислала письмо — прочитала где-то про Доненбаеву, не верит, что Камшат чувствует себя счастливой.

В судьбах обеих много сходного. Женщина из Лысьвы работает на заводе водителем автокара, растит троих детей, муж руководит цеховым участком. И горький вывод всего письма: какое уж там счастье, какой смысл в этой беспрестанной с утра до вечера круговерти. Видно, так уж определено судьбой, и ничего с этим не сделаешь.

Камшат долго не могла сесть за ответ. На другие письма отвечала сразу или пересылала

их в разные учреждения. А с тем, лысьвенским, откладывала. Затруднялась объяснить, в чем же, по ее мнению, заключается счастье. Ведь для одного человека оно — хорошая семья, для другого — достаток в доме, для третьего — увлечение делом

Заговорила о письме с Тимербеком. Муж усмехнулся:

— Напиши, чтоб зарезали овцу, может, корман принесет счастье.

И Камшат действительно взяла и написала в Лысьву о памятном с детства казахском обычае. И дальше — обо всей своей жизни. Как замуж вышла, как родила Гульжан, потом Гульшат, как подгребала деревянной лопатой на элеваторе зерно и завидовала управлявшему трактором Тимербеку. Когда дома резали овцу, мазали теплой кровью личики дочерей. До сих пор подгребала бы деревянной лопатой зерно и уповала на чудодейственный корман, если бы не...

Как лучше объяснить человеку, что его судьба зависит не от чудодейственных сил, что главное — воля и настойчивость самого человека? Нужно всеми силами добиваться поставленной перед собой цели. И обязательно большой, важной не для одной тебя.

Камшат не знает, убедило ли то письмо женщину из далекого уральского города. Возможно, что и нет. Если так, говорит Камшат, то жаль ее, по-человечески жаль. А если чему и стоит поклоняться, добавляет она,— так это всемогущему человеческому труду, вере человека в себя, в свои собственные силы.

НА ВОЛЕ ЛЕГЧЕ ДЫШИТСЯ...

Печальны очи карие,
Что головой поник,
Духовной семинарии
Красавец выпускник?
В углу старушка крестится,
Луна глядит в окно.
Ушли твои ровесницы
На танцы и в кино.
Со штатскими, с военными
Им весело, поди.
Девчонки современные
Не метят в попадьи.
Стучат на стенке ходики,
И, от молитв далек,
Ты, богослов молоденький,
Выходишь за порог.
На воле легче дышится,
И вдруг из темноты
Горячий шепот слышится,
И вздрагиваешь ты.
И, встретив у орешника
Девчонку на пути,
Стреляешь глазом грешника:
— О господи, прости!

Я. Козловский

Читайте в следующем номере:

Б. ЯКОВЛЕВ

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Страницы биографической хроники Ильича

Рассказы о наставниках
С. ВИТЧЕНКО, З. НАЗАРОВОЙ

Восемь вопросов космонавтам
В. ЛАЗАРЕВУ и О. МАКАРОВУ

Ю. ШКОЛЕНКО

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Письма, ответы на вопросы, заметки

Л. РЕЗНИКОВ

ДРЕВНИЙ ОСТРОВ ВАЛААМ

Ю. РОЗАЛИЕВ

РЕЛИГИЯ В ТУРЦИИ

ИЗ БИОГРАФИИ РОВЕСНИЦЫ

Г. ТАМАРИНА

Камара Махкамова (слева) и Сара Ишактураева.

1

Пожилой американец, руководитель делегации (теперь многие ездят к нам за опытом организации социального обеспечения), задал вопрос вне программы:

— Скажите, миссис Махкамова, существует у вас в стране проблема отцов и детей?

Она ответила тихо, как будто выдавала тайну:

— Существует. Существовала. И будет существовать.

На лице гостя промелькнула надежда услышать нечто необычное.

— Дети — новое поколение, новое время. А значит, новые задачи. Они мало возвращают нам — отцам и матерям. Но они, как и мы, отдают себя своим детям. И дети детей, когда вырастут, будут созидать для своих детей. Вот она, эта вечная проблема, но в ней залог человеческого прогресса.

Американец, явно разочарованный, хотел вытянуть свое.

— Значит, она есть — проблема. А ваша страна отрицает ее.

— Правильно отрицает, — уже громко сказала ему Камара Махкамова, заместитель министра социального обеспечения Узбекистана. — У нас нет идейных разногласий с детьми — они продолжают дело отцов.

— Как это, миссис Махкамова?

Трудно объяснить такое чужестранцу.

2

Отцы пели: «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой...» Отцы сами добились освобождения, своими руками сделали революцию, создали Союз Советских Республик. Это дело отцов. «Кто был ничем, тот станет всем», — обещали они, потому что разрушили мир насилия. И строили мир новый.

В этом их новом мире не должно было остаться места исламу, идеологии, столетиями господствовавшей в кривых переулках махаллей. Ислам требовал покорности, только покорности. «Если кто ударил по лицу твою мать, приведи тому своего отца — пусть и его ударят». Религия эта учила, что все в жизни человека предопределено богом. Так воспитывали Артыкбиби, так она внушала своим детям. Умер муж Махкам — значит так хотел Аллах. Четверо малых детей остались сиротами и должны сами зарабатывать на хлеб, — что ж, такую судьбу определил им бог. И маленькую Камару отдали в няньки, хотя та, кого она нянчила, была едва ли намного меньше ее.

Но пришли люди и сказали — нет, не Аллах, а они будут определять судьбу ее детей. Дети должны жить счастливо. Им надо сначала учиться, а потом уже зарабатывать себе на хлеб. Детей определили в интернат. Советское государство брало детей бедняков на полное обеспечение. Маленькая Камара ездила в Артек — сам председатель ЦИК Узбекистана Юлдаш Ахунбабаев провожал тогда в далекий Крым пионерских активистов и отличников учебы.

Они там пели: «Наш Артек, наш Артек,— не забудем тебя в век...». К 50-летию пионерской здравницы Камара Махкамовна отправила в подарок красочный альбом архитектурных памятников Узбекистана, надписав: «Наш Артек, наш Артек, — мы не забыли тебя!» Разве забывают счастье?

А мать, Артыкбиби, неутешно плакала, от-

давая детей в интернат, — в новое, неизвестное, чуждое. Лучше похоронила бы своими руками, считала бедная женщина, неграмотная и замороченная поверьями. Она была уверена, что лишилась их навсегда, что не будет иметь на них никаких материнских прав. Медленно, очень медленно открывалась истина ее сердцу. Она увидела, что дети ее, бедные сироты, окружены любовью, лаской, заботой.

Годы спустя Камара Махкамова, которой государство доверяло ответственные посты в республике, помня о своем детстве, много внимания и заботы отдавала детским судьбам. Это так необходимо каждому — яркое, счастливое детство.

3

Мне давно хотелось написать о ней.

— Почему обо мне? — спросила она.— Обыкновенная биография. Как у многих моих ровесниц...

Может быть, поэтому и хотелось написать, что обыкновенная, как у многих. Мы — ровесницы, значит, пели одни песни. Долой, долой буржуев, долой, долой попов. Про синие ночи и пионерские костры. Про молодого бойца, бесстрашно скакавшего навстречу белогвардейцам. Ходили в походы. В холодных, нетопленных клубах играли спектакли, отдавали деньги для МОПРа.

Комсомольский билет Камары Махкамовой хранится у нее — она почетная комсомолка. Хранится вместе с другими реликвиями ее юности. Эти реликвии напоминают о субботниках, о работе с пионерами, о том, с каким сочувствием следили мы за мужественной борьбой республиканской Испании, как горячо желали ей помочь.

И наша любовь — это тоже комсомольская юность. Работа — вместе, борьба за коммунизм—вместе. Служение Родине — вместе. И дружба на веки вечные. Такая комсомольская любовь была и у Камары Махкамовой. Ее избранник Ибрагим Мухамедов — спокойный, уравновешенный, немногословный, она — горячая и порывистая. Она — маленькая, стройная, он—высокий и плечистый. Они гордились, что создали новую семью, коммунистическую, где муж и жена — равны.

А мама, Артыкбиби? Только немного испугалась вначале, что все не так, как было у нее. Но если они будут счастливы, она согласна, пусть будет по-новому, свадьба без муллы и без Корана. Нет, Артыкбиби не перестала верить в бога, но постаралась приспособить свою веру к новой жизни, во всяком случае не собиралась ставить ее преградой на пути детей к счастью.

4

Есть три области, где работать, на мой взгляд, труднее и ответственнее всего: медицина, юриспруденция и социальное обеспечение. Тут нужно много доброты, чуткости, сердечности, нужен большой жизненный опыт.

У Камары Махкамовой всегда кто-то есть в кабинете. Бывают здесь и крик, и слезы, и раздражение. Но всех встречают внимательные глаза, добрый голос. Пришедшего никуда не отсылают, его проблемы не откладываются на неопределенное будущее. Они разбираются сей же час, тут же. Кому путевку, кому инвалидную коляску. Этого надо срочно показать врачам, тому — сделать специальную обувь. Оформить пенсию, определить в пансионат для престарелых. Проблемы не иссякают, но это ничуть не пугает Камару Махкамову: она здесь для того, чтобы их решать.

Между прочим, Камаре Махкамовне присвоено почетное звание «Отличник здравоохранения СССР». Да, она — не медицинский работник — немало сделала для охраны здоровья людей. «Благодарю за предоставленную возможность лечиться. Избавился от болей. Теперь смогу не просто жить, а работать начну». «Выражаю грубокую благодарность за ваше сердечное участие в моей судьбе. Лечение в санатории вернуло мне работоспособность». Такие письма во множестве приходят в адрес заместителя министра Махкамовой. Когда-то ее судьбу взяли в свои руки добрые, справедливые люди, сегодня она стремится внести свое доброе участие в жизнь людей.

5

Нашу беседу в уютной квартире Камары Махкамовны прерывает громкий и длинный звонок, похожий на победный клич индейцев. Хозяйка, смеясь, бросается к двери.

— О-о-о, это наши джигиты, — ее голос звучит особенно ласково, как и полагается, когда бабушка видит своих любимых внуков.

Через порог с шумом и стуком переваливаются двое мальчишек.

— Я Сережа, — говорит один.

— Я — Утик, — представляется другой, постарше.

— Уткур — Утик — гадкий утенок, — поясняет бабушка.

За ними входит мама, милая молодая женщина. Это Гавхар, старшая дочь. Младшая, Зумрат, живет с мужем в Одессе. Она — врач, а Гавхар заведует библиотекой крупного проектно-конструкторского бюро. Камара Махкамовна довольна дочками.

Трудно было растить — ведь работала всю жизнь. Но вместе все можно осилить. Муж три года, пока она училась в партийной школе в Москве, один управлялся с дочками и работал лектором ЦК Компартии Узбекистана, не обращал внимания на разговоры, что, мол, не тем занимается мужчина, хозяйство ведет.

— Он — настоящий коммунист, — говорит о муже Камара Махкамовна. — Он настоящий друг. О нем даже польский журнал для женщин писал: как он помогал мне всю жизнь.

6

В комнате, служащей ей кабинетом, беспорядок: выдвинуты ящики, на столе, на тахте и даже на подоконнике разложены фотографии и документы. Личный архив. Вся ее жизнь. От узкой махаллинской улочки, где мама Артыкбиби плакала, провожая своих детей в новую жизнь, по сегодняшний день, когда у самой уже растут внуки. Потребовался какой-то один документ, не удержалась, захотелось заглянуть и в другие.

Девятнадцать лет — заведующая методическим кабинетом дошкольного воспитания. Двадцать два года — секретарь одного из райкомов комсомола Ташкента. Двадцать три — заместитель председателя райисполкома. Двадцать пять — заместитель секретаря обкома партии. Двадцать восемь — секретарь Орджоникидзевского райкома партии. А после учебы в Москве, в Высшей партийной школе — одиннадцать лет заместитель председателя облисполкома.

Вот письмо-призыв ста девушек из Орджоникидзевского района: «Молодежь, на фермы!» Инициатива этих девушек, вдохновленных Махкамовой, была подхвачена тогда всей республикой. Первый в республике праздник весны, ставший традицией, тоже связан с ее именем, как и много других славных дел.

Шесть лет назад Камара Махкамовна стала заместителем министра социального обеспечения, в тот год, когда вышел закон о пенсиях колхозникам. Тогда в ЦК Компартии Узбекистана сказали ей: «Дело новое, трудное. Помогите нам. Вы знаете сельское население». И она пошла — привыкла с юных лет не отказываться от нового и трудного.

7

Так есть ли у нас проблема отцов и детей?

Есть. То, что нами добыто по́том, детям досталось само.

Племянница Кундуз, которая учится в педагогическом и живет у Камары Махкамовны, смеясь, рассказывает. Бабушка Артыкбиби заинтересовалась атомом. Что это такое и почему раньше про него не было слышно? Бабушка Артыкбиби, едва научившаяся грамоте, верящая в Аллаха.

— Ты объяснила? — строго спросила Камара Махкамовна.

— Да зачем ей, тетя Камара?! — удивилась Кундуз.

Артыкбиби, которая уповала когда-то лишь на бога, еще до войны вступила в колхоз. Была лучшей звеньевой, потом стала бригадиром хлопководческой бригады. Создала себе и детям счастливую судьбу. Сама строила жизнь. Она сегодня ворчит иногда на свою дочь Камару, на сына Салима, известного журналиста, на младших детей. По ее мнению, они недостаточно ценят все, что имеют, не понимают, каким счастьем владеют.

А Камара Махкамовна тревожится, что ее молоденькая племянница Кундуз легкомысленна, нет у нее должного уважения к старшим, не понимает их. вот взяла и отмахнулась от такого важного вопроса бабушки.

— Ты будущий педагог, физик, не имеешь права держать свои знания в сундуке. Поедешь к бабушке в следующее воскресенье — объяснишь.

Кундуз кивнула. Но Камара Махкамовна видит, не поняла, почему бабушке надо объяснять про атом. Не может молодость постичь старость. Конечно, все возместить, все заботы о них, молодых, невозможно, да и не нужно. Но благодарное внимание — как же без него?

Вот некоторые штрихи биографии ровесницы. Это во многом и моя биография, и ее задушевной подруги по интернату — народной артистки Сары Ишантураевой. И многих тысяч других, кому уже скоро на отдых, на покой. Как бы ни горели наши сердца, как бы молоды душой мы ни были, возраст — неумолим. Где-то «постреливает», где-то покалывает. Силу набрали уже наши дети. И дети наших детей торопятся вырасти. У них свои биографии, пусть они пишут их, не зная трудностей и бед, что выпали на нашу долю, свободные от предрассудков, досадных заблуждений. Пусть...

Наше поколение станет историей. Поколение, подтвердившее идеалы отцов. Доказавшее: мир созидается трудом, творчеством — духовным и материальным.

г. Ташкент

РАЗГОВОР О СОКРОВЕННОМ

О. БРУШЛИНСКАЯ

Молчаливость, сдержанность всегда царили в горах. Здесь человек, сказавший лишнее слово, неумеренно проявивший свои чувства, вызывал осуждение, а порой и презрение. Суровая жизнь горца требовала и точных действий, и точных слов, и строгой экономии эмоций. Не потому ли у горских народов нашей страны есть много поэтов, умеющих выразить глубокие мысли и сильные чувства немногословно, точно и ярко. Среди них сегодня немало и женщин. Казалось бы, что удивительного? Ничего, если не знать, что значит для горянки слово, сказанное свободно, услышанное всеми. Ибо если законы гор требовали молчания от горца, горянка тем более должна была молчать. Ибо тут действовал еще закон — адат, освященный религией. Следуя ему, женщина жила существом бессловесным, бесправным, как вещь, как деталь быта. Считалось, что если сноха уважает родных мужа, то никто из них не должен слышать звука ее голоса. Бывало, что всю ее жизнь так и не знал никто, да и не хотел знать, о чем она думает, что чувствует.

Сноха входила молча в горский дом,
Спины не разгибала и молчала,
Всегда тиха, в безмолвии своем
Она безмолвно сыновей рожала,
Немее становилась с каждым днем.
Тебя похвалят — промолчи, сноха,
Молчи, когда бранят тебя сурово,
Молчи, и плачь, нет большего греха,
Чем в мужнем доме сказанное слово.
Так в нашем крае было издавна...*

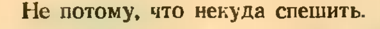
Танзиля Зумакулова.

Да, так было. И сегодня горские поэтессы, лучшие из них, такие, как балкарка Танзиля Зумакулова, чьи строки привела я здесь, напряженно ищут заветное слово, чтобы высказать все, о чем веками молчали их давние сестры. Эта ответственность перед прошлым особым светом освещает их поэзию. Что бы ни создала еще Танзиля Зумакулова (а зрелый ее талант набирает новую силу), мне кажется, среди самых прекрасных ее стихов останутся «Горские поэтессы» — плач по тем, которые «рождались, чтобы по адату покорно жить и молча умирать».

Рисунки С. Шиловой.

Фото Г. Киселевой.

* Стихи Т. Зумакуловой приводятся в переводах Н. Гребнева и Ю. Нейман.



Я вижу их, сестер моих далеких,
Чей крик безмолвный рвется до небес.
Я вижу — слезы прожигают строки
На лицах бессловесных поэтесс.
Праматери мои, мне хвастать нечем.
Из сердца слово я могу извлечь
Не потому ль, что вас лишали речи,
А мне сегодня подарили речь.
И оттого так строго и сурово
Сужу я каждый мной рожденный стих.
И думаю: смогла ль вместить я в слово
Молчание предшественниц моих?

Танзиля Зумакулова — первая в краю балкарцев женщина, чей поэтический голос прозвучал и был услышан. Она нарушила молчание не ради плетения словесных кружев, легких и по-женски обворожительных. Это голос сильного человека, ясно смотрящего на мир, определившего свои жизненные позиции, крепко связанного с народом, не боящегося ни трудных дорог, ни ответственных решений.

Недавно она подарила мне свою новую книгу — «Сокровенность», вышедшую в издательстве «Современник». Книжка небольшая — Танзиля не произнесет слова, «не влились в него покуда мудрость, доброта и боль». Здесь действительно все сокровенное, заветное, дорогое ее сердцу. Радость обретенной речи. Любовь к родной земле. Вера в человека, в добро и справедливость. Боль за других, как за себя, а может быть, сильнее. Раздумья о месте человека на земле, о праве на счастье, любовь и ненависть. Здесь виден напряженный, постоянный труд ее души — богатой и неутомимой. А источник ее вдохновения — родная земля и народ. И все, казалось бы, глубоко личное приобретает общечеловеческий смысл. Высокие чувства и мысли, пройдя через ее сердце, находят простое выражение, близкое и понятное каждому.

Она не уходит от сложных вопросов — тех, что называют вечными. Размышляя над ними, не отделывается красивыми словесами. Что делает нас людьми, что дает нам право на званье человека? Ответ дается нелегко, ее мучат сомнения и неуверенность, но она находит его. И рождаются строки высокой поэзии, в которых сразу ощущаешь силу таланта, зрелость ума и сердца поэтессы.

Мы временем умеем дорожить,
Часы бывают лишними едва ли,
И всадник друга ждет на перевале
Не потому, что некуда спешить.
. . . .
Иной из нас не потому, что сыт,
Свой скудный хлеб голодным предлагает,
И мать не от бессонницы не спит
И люльку полуночную качает.
В морских волнах, в пороховом дыму
Безвестный мальчик за святое дело
Жизнь отдает совсем не потому,
Что жить ему на свете надоело.
Нам, людям, каждый час необходим,
Ни лишних сил, ни хлеба не бывает,
И отдающий отдает другим
Лишь то, что от себя он отрывает.
Ни у кого нет жизни запасной.
Как век ни длинен, не хватает века,
И все же люди жертвуют собой,
Оправдывая званье человека.

Мы давно с нею знакомы, много говорено, и каждая встреча с Танзилей приносит радость взаимопонимания, духовной близости. Всякий раз еще и еще удивляюсь, что все ее поступки, чувства и суждения ни в чем, даже в самой малости, не грешат против ее поэзии. Часто на мои вопросы, на просьбу высказать мнение о чем-то она отвечает, улыбаясь: «Все в моих стихах». Это так и есть. Но в последний ее приезд в Москву у нас получился хороший долгий разговор, которого я давно хотела. Кое-что из него, думаю, будет интересно читателям журнала — беседа наша касалась и тех вопросов, которых не минуют пропагандисты атеизма, если они понимают свое дело и как нравственное воспитание человека, как путь к решению многих моральных и социальных проблем.

Я припомнила такой случай. После лекции «Есть ли бог?» какая-то женщина с сердцем сказала лектору: «С тех пор как вы отняли у нас бога, наши дети нас не слушаются, а бывает, что и бандитами становятся!» Так уверенно она сформулировала зависимость нравственности от религии.

Прежде чем ответить мне, Танзиля спросила:

— А разве можно верующим читать лекцию с таким названием? Ведь для них этого вопроса не существует. Но это на совести вашего лектора. А вот женщину жаль, и детей жаль. Здесь можно предположить, что религия совершила зло, пусть косвенно. Видно, мать хотела воспитать своих детей религиозными, наверное, надеялась, что, поверив в бога, они станут

хорошими сыновьями. Кто знает, может, лишала их радостей жизни, может, не так любила их, к настоящей жизни не подготовила. И когда они столкнулись с реальным миром, порвалась эта ненадежная духовная связь с матерью, она стала им чужой, дети отделились от нее. Бог исчез из их сознания, а взамен ничего не осталось, не было заложено с детства, не внушено, что делает человека человеком.

— Но ведь те, кто верит в бога, и те, кто отстаивает его в своих проповедях и сочинениях, твердят, что путь к добру и красоте проходит только через постижение религиозных истин. Мне, например, встречались и образованные люди, которые склонны, правда не так однозначно, как та верующая женщина, связывать любое «падение нравов» с тем, что нет веры, нет морального критерия (имеется в виду бог) — нет стержня, и так далее в том же духе. Разве вы не сталкивались с этим?

— Сталкивалась, конечно. Говорят такое иногда полушутя-полусерьезно. Но и даже малейшего оправдания не нахожу таким взглядам. Разве эти образованные люди не знают, что, следуя заповедям религии, люди покорялись злу и, боясь совершить зло, служили ему? Где ж здесь гарантия нравственной чистоты? И как может быть религия критерием добра, если она не раз бывала причиной непоправимых бед и страданий? Мне не нужны никакие научные теории и доказательства, чтобы решить для себя этот вопрос. Истину вывожу я из истории моего народа, нахожу ее во многих трагических судьбах, в собственном опыте, наконец. Где, в чем искать мне добро, принесенное религией, например той, что исповедовали мои земляки, — исламом? В том времени, когда тысячи балкарцев, кабардинцев и людей других народностей Северного Кавказа покинули родину, переселились в Турцию, Сирию и другие мусульманские страны, обманутые религиозной проповедью объединения с единоверцами всего света? Это черные страницы в истории моего народа, вписанные в нее с помощью религии. Все это я будто сама пережила, когда писала

поэму «Чужбина» — о тех несчастных, что потеряли родину. Нет счастья вне родного дома, даже если ты верующий, а вокруг тебя сплошные мечети и святые места. Аллах с ними! Нет ничего дороже сакли, где родился, камня, на котором сиживал твой дед, нет дороже родной земли, и трудиться на ней — вот счастье и добро. А может, мне искать доказательства нравственной силы религии в прошлых судьбах моих сестер-горянок? Это было бы злой насмешкой над ними. Нет, жестоко ошибаются те, кто ищет в религии истоки высокой нравственности и чистоты. Вот моя бабушка...

Танзиля улыбается и замолкает. Я знаю, что ее «ынна» — так называют бабушку балкарцы — была для нее самым дорогим человеком. Она посвятила ей стихи, на мой взгляд, одни из лучших в горской поэзии. Эта простая мудрая женщина провела всю жизнь в труде, помогала всем, кому могла, никогда о себе не думала, просто жила, «как по ее понятьям было надо, не ожидая за свои дела ни речи благодарной, ни награды». О боге ничего нет в этих стихах. Но вот Танзиля почему-то вспоминает об ынне, как раз когда у нас зашла речь о религии.

— Военные годы, известно, нелегкие, родителям чаще всего было не до нас, меня и моих совсем еще маленьких тогда семерых братьев воспитывала бабушка. Она свято верила в Аллаха. Молитвы, пост, жертвы богу в праздники — без этого она, наверное, не представляла своей жизни. Не знаю, глубока ли была ее вера, или она по традиции следовала всем обрядам, но хорошо теперь понимаю, как мудро, как тактично тут вела она себя с нами, с детьми. Она ни одним словом не навязывала нам своей веры, а могла бы — мы ведь очень любили ее, и ей легко было бы сделать так, чтобы мы поверили в ее бога, хоть на какое-то время. Но она, видно, решила или поняла сердцем, что жизнь ее должна стать для нас примером лишь в том, что примет наш ум, наше сердце. Она любила нас не только беззаветно, но и умно. Что же вышло? Внуки получили от нее в наследство доброту, честность, привычку к труду,

внимание к людям, уважение к чужому слову... Нужна ли была религия, чтобы научиться у нее этим прекрасным моральным качествам?

Бабушка радовалась, что мы можем учиться, что получаем от жизни то, что не досталось ей, что узнаем тот мир, который от нее всегда скрывали горы. Она радовалась нашим успехам и, конечно, молилась за нас Аллаху. Я жалела ее, потому что ей остались неизвестными все богатства мировой культуры. Часто я думаю, кем бы она могла стать, если бы ей открылась дорога к знанию...

Танзиля молчит какое-то время, потом, без видимой связи с предыдущим, говорит:

— Много я видела и верующих, и безбожников, для которых из всех законов только один и был главным — «живем единожды». Единожды живем — и надо устроиться удобно, побольше урвать всяких благ, не только материальных, но и удовольствий много получить. Какой ценой? Да о цене ли речь? И если у человека нет внутри нравственного барометра, никакая религия ему не помешает, напротив, он и ее с легкостью приспособит к своим потребностям.

Я вспоминаю: об этом у нее есть стихи. Издеваясь в них над теми, кто, вооружившись этим законом, «прется напролом, хватает все, что подвернется», Танзиля вдруг резко поворачивает это «единожды живем» другой стороной, превращает его в требование моральной чистоты:

Тебя я, жизнь, прошу лишь об одном:
Ты не лишай меня стыда и чести,
Не обучай ни хитрости, ни лести,
Поскольку мы единожды живем.

Она убеждена, что это «единожды живем» ко многому обязывает человека. Ко всему, что дано ему в этой короткой жизни, должен он относиться честно, чутко, совестливо, бережно. Это требует от нас и бережного отношения к прошлому, к традициям отцов.

Вот об этом мне особенно важно поговорить с нею.

— Танзиля, есть ли на свете народы, у которых было бы больше обычаев, правил, установлений и требований на каждый случай жизни, чем у горцев? Как в них разобраться, как их оценить. (Я знаю, у нее, конечно, есть свой компас, чтобы найти здесь верное направление.)

— Не знаю, больше ли у нас обычаев, чем у других народов, наверное, нет. У нас, горцев, много правил, нравственных законов, но большинство из них не специфически наши, они общечеловеческие. Они — не чья-то досужая выдумка, их создала наша жизнь, суровая природа, труд на каменистой земле, вечная опасность обвалов, лавин. Мы научились быть готовыми к любой беде, переносить испытания стойко и достойно. Горцы умели всегда ценить то, что им дано, даже самое малое. Есть такая легенда. Когда Аллах делил землю, сидя на вершине Минги-Тау — Эльбруса (этот трон для него построили горцы), у него закружилась голова и разделил он ее как попало, а о горцах-то и позабыл. Отдал им то, что осталось,—камни и горы — и сказал: «Что там, внизу, берут с земли, горец да выжмет из голого камня!» Кто бы ни сложил сказку, эти слова в ней — чистая правда.

Из поколения в поколение передавался драгоценный опыт жизни и труда в горах, от мудрости старших зависело существование рода, племени. Так возник у нас культ старших, безграничное уважение и почтение к ним.

У моего народа есть много прекрасных черт, которыми я горжусь, но все они присущи и другим народам, прежде всего тем, которые живут в противоборстве с природой. Очень ясно я увидела это на Сахалине. Люди, с которыми я там встретилась, напомнили мне моих земляков. И когда они продирались сквозь снежные заносы, и когда боролись с тайфунами, и когда оставались долгие месяцы отрезанными от «большого мира». Здесь тоже пустые слова немногого стоят, а ценятся лишь дела и мужество. И неважно, кто ты — русский, балкарец, белорус, кабардинец, узбек. Важно другое — надо быть честным, смелым и стойким, верным своему долгу. Надо помнить о своей национальности, но кем бы ты ни был, ты прежде всего — человек.

Разве не везде одинакова печаль человека, оторванного от родной зем-

ли? Или радость матерей, склонившихся над новорожденным, — в горах или в степи — разве не одинакова? Так же, как горе матери, потерявшей сына...

А что же обычаи наших отцов и дедов? Какова здесь роль религии? Нет сомнения, многое из них — ее порождение, ведь ислам не последнее место занимал в духовной жизни наших предков. Какие-то обычаи он присвоил себе, набросив на них свой покров. Вправе ли мы забывать об этом? Можем ли отбрасывать только потому, что на них налет ислама? Надо освободиться от него. Ведь путая обычаи с религиозными пережитками, нередко оскорбляем чувства людей. Когда умер мой отец, многие пришли проститься с ним, спустились с гор из самых далеких аулов. Он был участником гражданской войны, всю жизнь отдал людям, и они любили его. Балкарцы хоронят умерших не в гробу, а в саване. Так было издавна, так привыкли. И старики хотели, чтобы отца тоже похоронили в саване, так же как их предков, по старому горскому обычаю. Не было и речи ни о деуре, ни о молитвах, это совсем не вязалось с обликом моего отца. Просто хотели подчеркнуть, что он — балкарец, их сын. Их не послушали тогда, и много обиды вышло. А мне кажется, что этот обычай никому вреда не приносит.

Но вот что мне больно. Сейчас часто еще так бывает: когда человек теряет близкого, он теряет и ощущение реальности, он все готов отдать, думая искупить этим чувство вины, которое всегда бывает перед умершим. Как нагло этим пользуются муллы, как часто опустошают они дом, и без того понесший утрату. И как возмутительно, что они все это — деур, выкуп за «грехи», пышные поминки, свое стяжательство — выдают за наше, национальное. Балкарцы, как все горцы, скромны и сдержанны, не в их национальном характере эта унизительная возня с барахлом вокруг умершего. И разве покупали они когда-нибудь моральную чистоту? Зачем это тем, кто трудится на земле — разве не чист он от всех «грехов»?

Наш разговор об обычаях приходит к «женскому вопросу» в их горном крае. Знаю, что женские судьбы родили лучшие ее поэтические строки. Вот тут Танзиля с полным правом может ответить: «Все в моих стихах». Это верно, заветная мечта ее — «вместить в слово молчание предшественниц». В стихах Танзили — биография ее души, ее чувств, а ведь она — истинная горянка, такая же, как все. Прежде чем прийти в поэзию, она

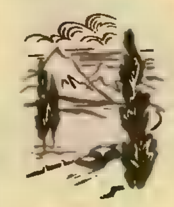
Была и нянькой, и разнорабочей.
Арыки рыла. Сеяла. Ткала.
Грузила. Молотила. И полола...
И эти все нелегкие дела
Мне были среднею и высшей школой,—

так рассказывает о себе поэтесса в стихотворении «Ответ друзьям».

Много горьких строк в ее поэзии о том, как тяжело, как беспросветно жила горянка еще не так давно. «По обычаю не смеет мать над сыном плакать... Будь ты проклят, злой обычай, будь ты проклят!» — есть такие слова в стихах Танзили. Не было в балкарском языке слова «ревность» — не только потому, что «горянка, как нагорный снег, чиста», но и оттого, что бессмысленно ревновать вещь. Им, женщинам, в чьей жизни было столько горя, — любовь и боль поэтессы. Ее словами плачут они в ее стихах: «Что мы видели в жизни, пролетела, как сон, только гнет, да запреты, да молитва, как стон». Да, Танзиля Зумакулова нашла заветное слово, ее совесть перед сестрами чиста, она перед ними не в долгу. Почитайте хотя бы ее поэму «Вся моя надежда — на тебя!»

Новая жизнь пришла в горы — и вот уже слышны в стихах ее радостные, победные ноты:

Я заветами пренебрегла,
Я советами пренебрегла
И, не помня истин, мне внушенных,
Вдруг тебе навстречу я пошла,
Не пугаясь глаз твоих влюбленных.



Здесь речь вроде бы только о любви, но не в ней главный смысл этих слов. Горянка поступила, как велело ей сердце, такого не бывало прежде, это революция в ее психологии,—ведь ощущение собственного бесправия, казалось, навсегда вошло в ее сознание.

Танзиля хочет в этом сложном и тонком вопросе быть справедливой к своим землякам — мужчинам. Она не обвиняет своих предков в том, что они

не уважали женщину. Да нет, и уважали, и любили, по-своему, конечно. Красота горянок, их верность, честь, скромность, покорность воспевались в сказаниях.

— Вот именно, — повторяет она, — покорность. Женщина должна быть нежной, робкой, стыдливой, но главное — покорной. Иного удела, кроме хранительницы очага, для нее не было. А еще ее можно было купить и продать, и в крупной сумме калыма выразить ей свою любовь.

На примере отношения к женщине я яснее всего ощущаю силу и вред пережитков, их упорную, позорную живучесть. Если в сознании женщины засела покорность и робость, то в сознании многих горцев еще прочно сидит (хотя они и сами себе в этом не сознаются) привычка считать ее, как бы это сказать, не совсем равной с ними в правах и возможностях. Ведь спрашивали у меня еще каких-нибудь пятнадцать лет назад, когда появились мои первые стихи: «Ты что же, сама это написала?» И была в этом не похвала моей удаче, а недоверие к моим способностям. Мне приходилось отстаивать чуть ли не каждое свое слово, преодолевать взгляд на меня только как на женщину. Даже мама говорила мне: «Брось ты эти стихи, пусть их пишут мужчины». Но я думаю, что нет поэзии мужской или женской, она одна или это не поэзия. Она может быть мужественной, но это уж совсем не зависит от того, мужчина поэт или женщина.

Не хочу произносить общих слов о преображенной судьбе горянки. Да, ее жизнь сейчас в ее руках, но порой и сегодня она должна иметь еще силы, чтобы удержать ее или вырвать из чьих-то злых рук. Еще и сегодня разбиваются женские судьбы не только от несчастной любви, но и оттого, что кое-где в горах еще живут недобрые обычаи, что питает их религиозная мораль. Этого нельзя терпеть, как нельзя оставлять сорняки на цветущей, прекрасной ниве.

Как хочу я, чтобы все женщины мира были по-настоящему счастливы. Об этой мечте написала я свою первую поэму «Судьба горянки». О девушке, совсем юной, которую отдали замуж за нелюбимого, и она думает, что никогда не узнает счастливых дней.

Виден мне мир
Сквозь завесу слез.
Мрачен он и поруган.
Дни мои, словно листья с берез,
Падают друг за другом,
Ветер осенний гонит их прочь...
Близких на помощь клича,
Знаю, никто не придет помочь,
Жизнь мою смял обычай,
Древний обычай, что крепче гор...

В поэме этой есть и наивные слова, и незрелые еще мысли. Но она дорога мне, она искренна и доверчива, в ней все из моего сердца — и горе рабства, и радость свободы выбора, права решать свою жизнь — этого чуда, которое открылось горянке только в наше, советское время. Моя героиня узнала вкус свободы и счастья.

Что мне твой гнев, что твоя месть?
Больше не страшен ты!
Кроме ненастья и темноты —
Солнце над миром есть!
Горе, прощай! Ты старо, как века!
Я — молода. Я сильна, крепка!

Все порукой тому, что счастье найдет горянку:

Новое наше житье-бытье.
Вольное, смелое время мое.
Счастью порукой цветущий сад,
Хор многозвучный, птичий...
Нет у горянки пути назад,
Сломлен древний обычай!

Вот так, примерно, проходил наш разговор с Танзилей Зумакуловой. А в заключение приведу несколько строк из ее автобиографического стихотворения «Ответ друзьям». Танзиля отвечает на вопрос, есть ли у нее награды:

Да, я награждена,
И даже, может быть, не по заслугам,
Поэзией — чужою и своей,
Дочуркой, сыном и любимым другом.
И добротой читателей-друзей.
Да, Родина за труд военных лет
Теперь дает мне силу и веселье
И вывела меня на белый свет
Из тесноты Балкарского ущелья.
Меж мной и миром протянула нить
И, приобщив к своей бескрайней шири,
Дала мне право петь и говорить..
Да есть ли высшая награда в мире?!

Р. ПЛАТОНОВ,
секретарь Минского обкома КП Белоруссии

ПРОПАГАНДИСТ И ВРЕМЯ

В НАШЕЙ ОБЛАСТИ проблемы научного атеизма изучаются в системе партийного просвещения. Вначале это были атеистические кружки, семинары. Слушателей выделяли партийные комитеты. Пройдя курс, они вели атеистическую работу в качестве лекторов, агитаторов, беседчиков. Единых учебных программ тогда не было. Изучались отдельные темы по истории и теории научного атеизма, практика атеистической пропаганды. В процессе учебы слушатели получали сравнительно неплохую теоретическую и методическую подготовку, которая позволяла многим из них выступать с лекциями и беседами перед населением. Таким образом, уже в самом начале определилась практическая направленность занятий — подготовка слушателей к непосредственному участию в атеистической работе.

С середины 60-х годов главной формой атеистической учебы стали теоретические и методологические семинары в высшем звене. На первом этапе основное внимание обращается на усвоение важнейших разделов курса научного атеизма, форм и методов атеистического воспитания. Слушателям разъясняется политика партии по отношению к религии и церкви, необходимость научной организации атеистического воспитания. В это же время происходит знакомство с современными религиозными организациями и особенностями их деятельности.

На следующем этапе создаются специальные семинары, в которых слушатели расширяют и углубляют полученные ранее знания по той или иной актуальной проблеме. Так, в 1974/75 учебном году внимание слушателей было сосредоточено на проблеме «Методологические основы формирования научно-атеистического мировоззрения». В нынешнем учебном году изучается проблема «Вопросы методики атеистического воспитания трудящихся». По этой проблеме создано 253 теоретических семинара, где обучается около шести тысяч коммунистов и беспартийных.

Состав и уровень подготовки слушателей семинаров (как правило, все с высшим образованием) позволяют им сочетать учебу с участием в пропаганде атеистических знаний. В качестве примера сошлюсь на работу теоретического семинара в колхозе «Красная звезда» Столбцовского района. Это крупное многоотраслевое хозяйство с высоким уровнем экономики. На территории колхоза имеется средняя школа, Дворец культуры, больница. Здесь есть костел, который в дни больших религиозных праздников посещает довольно много людей. С учетом этих условий и строятся занятия в теоретическом семинаре, где занимается 36 человек. В процессе учебы каждый слушатель готовит реферат по одному из актуальных вопросов изучаемой проблемы. Рефераты обсуждаются на занятиях, а затем используются в лекциях и беседах. Слушатели активно участвуют во всех массовых атеистических мероприятиях в колхозе, причем половина из них ведет индивидуальную работу с верующими.

Активную атеистическую работу осуществляют слушатели теоретических семинаров в Воложинском, Несвижском, Мядельском и других районах. В этой работе участвует почти одна треть занимающихся.

Теоретические семинары в системе партийной учебы следует отнести к собственно атеистическому виду деятельности. Но поскольку религия представляет собой сложное социальное явление и комплексно воздействует на различные стороны бытия людей, то для ее преодоления также необходим комплексный, всесторонний подход. Поэтому партийные организации стремятся, чтобы в идеологической борьбе против религии органически сочетались распространение идейно-политических, философских, исторических и естественнонаучных знаний, норм коммунистической морали и т. д. Большую атеистическую нагрузку несут семинары по различным философским проблемам, коммунистическому воспитанию, идейно-нравственным основам советского образа жизни и другие. Ежегодно в Минской области в высшем звене создается свыше тысячи таких семинаров, в которых занимается до 30 тысяч человек — научные работники, учителя, деятели культуры.

Отдел пропаганды и агитации обкома партии, областной Дом политического просвещения ориентируют партийные комитеты, пропагандистские кадры на более полное использование огромного атеистического потенциала, содержащегося как в курсе истории КПСС, так и во всех разделах марксистско-ленинской теории. Изучение в системе марксистско-ленинского образования произведений Маркса, Энгельса, Ленина, материалов съездов партии, пленумов Центрального Комитета, документов международного коммунистического и рабочего движения, исторического опыта КПСС по революционному преобразованию общества, строительству социализма и коммунизма позволяет пропагандистам всесторонне раскрывать слушателям марксистско-ленинские принципы подхода к различным социальным явлениям, к религии и церкви.

Партийные организации исходят из того, что только на основе глубокого знания марксизма-ленинизма, теории и политики КПСС, ее революционной истории складывается научная система взглядов на мир, на общественное развитие. Политическая учеба дает слушателям систематические знания по всем основным разделам марксистско-ленинской теории, в том числе по научному атеизму. Почти каждую тему здесь можно раскрыть так, чтобы она прямо или косвенно имела атеистическую направленность.

Многие партийные комитеты при активном участии научных коллективов проводят научно-практические конференции по проблемам атеизма. Например, весной прош-

лого года состоялась двухдневная теоретическая конференция, подготовленная отделом пропаганды и агитации областного комитета партии, Белорусским отделением Философского общества СССР и Белорусским университетом имени В. И. Ленина, на которой слушатели получили богатый материал для развенчания богословских утверждений о якобы благотворном влиянии религии на социальный и нравственный прогресс, для формирования у людей подлинных коммунистических духовных и нравственных ценностей и идеалов. Осенью была проведена областная научно-практическая конференция на тему: «Социально-нравственные проблемы атеистического воспитания». На ней разработаны конкретные меры по усилению атеистической направленности идейно-нравственного воспитания на всех уровнях — от семьи, школы, трудового коллектива до областных идеологических организаций и служб.

Учитывая широкие масштабы изучения проблем научного атеизма в системе марксистско-ленинской учебы и массовой пропаганды, партийные комитеты уделяют большое внимание подбору и совершенствованию подготовки кадров пропагандистов. С 1973 года к этой работе привлекаются только лица с высшим образованием, в подавляющем большинстве коммунисты.

На протяжении учебного года Дом политического просвещения проводит с пропагандистами как лекционные, так и семинарские занятия по проблематике, рекомендованной для изучения в теоретических семинарах и других формах учебы. В целях повышения уровня общей теоретической подготовки пропагандистов, расширения политического кругозора им читаются лекции по актуальным вопросам марксистско-ленинской теории и политики партии, методике и психологии пропагандистской работы, организуется обмен опытом. Например, на протяжении 1974/75 учебного года подготовку по проблеме «Методологические основы формирования научно-атеистического мировоззрения» прошло более 200 пропагандистов, а всего на протяжении пяти лет в семинарах и на курсах при обкоме партии переподготовлено свыше 800 человек.

В настоящее время 88,4 процента пропагандистов имеют специальную подготовку по научному атеизму, 97,4 процента — достаточный практический опыт. Большинство из них получили соответствующую теоретическую подготовку в высших учебных заведениях, остальные — на курсах при областном Доме политического просвещения и в университете марксизма-ленинизма при Минском горкоме партии.

Большую помощь в работе с пропагандистскими кадрами по научному атеизму партийным комитетам оказывают журнал «Коммунист Белоруссии», республиканские газеты, областная газета «Минская правда». Издательство «Беларусь» многие годы издает специальную библиотечку, рассчитанную на пропагандистов научного атеизма, знакомит их с особенностями идеологии распространенных на территории республики религиозных течений, с методикой и практическим опытом атеистической пропаганды, дает необходимый материал для формирования научно-материалистического мировоззрения и обстоятельной критики религии. Материалы в помощь лекторам-атеистам систематически готовят организации общества «Знание». И все же партийные комитеты испытывают известные трудности в подборе в помощь пропагандистским кадрам необходимой литературы по проблематике, изучаемой в системе марксистско-ленинской учебы. По отдельным темам имеется всего по две-три статьи, опубликованные в научных сборниках и журнальных изданиях. Особенно это касается вопросов методологии и методики атеистического воспитания.

Выполняя постановление ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии», партийные комитеты и организации Минской области совершенствуют работу со всеми категориями и группами идеологических кадров, включая и пропагандистов научного атеизма, повышают уровень и эффективность идейного воспитания. Дальнейшее развитие пропаганды научного атеизма, углубление и расширение ее проблематики поможет более активно формировать научно-материалистическое мировоззрение и коммунистическую мораль у всех трудящихся.

г. Минск

ВОСПИТАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Н. ДОБРЫНСКИЙ,
инструктор отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС

В ЛЕНИНГРАДЕ ведется большая работа по коммунистическому воспитанию трудящихся. Взять, к примеру, оптико-механическое объединение имени В. И. Ленина, которое одним из первых в стране было удостоено высокого звания коллектива коммунистического труда. Здесь забота о повышении общеобразовательного уровня трудящихся теснейшим образом связывается с формированием сознания людей. Это нашло отражение в комплексном плане экономического и социального развития коллектива, в перспективных и текущих планах работы парткома и совета по научно-атеистической пропаганде, проявляется в повседневной практической работе администрации, мастеров, наставников.

Современное производство требует высококвалифицированных, знающих свое дело специалистов. Вот почему на предприятии всеми формами учебы охвачено около 8000 человек. В объединении есть своя школа рабочей молодежи, которую закончило уже более 3000 человек, базовое ПТУ, различные курсы повышения квалификации. Эффективно действует система партийного, комсомольского и экономического образования трудящихся, в которую входит двухгодичная школа организаторов научно-атеистической пропаганды и 132 школы коммунистического труда. Они помогают рабочим овладевать передовыми методами труда, укреплять социальную связь с коллективом, расширять кругозор. Для слушателей школ коммунистического труда читаются, в частности, лекции по актуальным проблемам научного атеизма.

Опыт показывает, что в ходе хорошо организованного социалистического соревнования наиболее полно и с особой силой раскрываются творческие возможности человека, проявляются его нравственная зрелость, трудовая и общественная активность. В производственном объединении имени Н. Г. Козицкого, например, при подведении итогов соревнования учитывается и нравственный облик тружеников, что, несомненно, повышает ответственность кол-

лектива на воспитание человека. По инициативе партийной организации в объединении создан совет по нравственному воспитанию, его возглавляет помощник генерального директора В. Докучаев.

Воспитанию коллективизма, товарищества, нравственной зрелости во многом способствует здоровая атмосфера в коллективе. От хорошего настроения, чувства удовлетворенности работой зависит повышение производительности труда, качество выпускаемой продукции, дисциплина. Необходимо научить людей жить в соответствии с высокими нравственными идеалами, создать соответствующий психологический климат в коллективе для воспитания нового человека.

В этом отношении характерен коллектив завода «Арсенал» имени М. В. Фрунзе. Здесь умеют проявить заботу о людях, их труде, отдыхе и быте, внимание к каждому человеку. Ну и, разумеется, всегда придут на помощь в трудную минуту.

Смерть близкого или другие трагические события могут стать поводом обращения человека к религии. В одной из церквей Гатчинского района мне довелось познакомиться с молодым парнем. Привело его туда горе: трагически погибли отец и сестра. На работе он не встретил моральной поддержки, сочувствия. Человека просто забыли в самые тяжелые дни его жизни.

Верующих в рабочих коллективах Ленинграда единицы. Это подтверждают конкретные социологические исследования, проведенные на 12 предприятиях радиоэлектронной, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности, строительства и транспорта, расположенных в Выборгском районе Ленинграда: из 3319 опрошенных только полтора процента считают себя верующими.

Абсолютное большинство рабочих считают себя неверующими, но кое-кто из них все же не обладает необходимыми атеистическими убеждениями. Даже среди считающих себя активными атеистами аргументы научного характера, опровергающие представления о сверхъестественном, привели только 48,9 процента, а остальные не смогли найти убедительных аргументов или просто не дали никакого ответа. Показательно в то же время, что многие выразили неудовлетворенность содержанием и методами современной атеистической пропаганды. Мнения разные, но вот оценка лекций чисто атеистического содержания почти единодушная. По шкале сравнительных оценок они занимают одно из последних мест. Наибольший интерес вызвали темы, в которых освещаются актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. Затем — общественно-политическая, естественнонаучная и морально-нравственная тематика — то есть то, что органически должно включать в себя научно-атеистическую аргументацию.

На промышленных предприятиях Выборгского района регулярно читается цикл лекций по этим проблемам для различных категорий трудящихся. Для партийного, профсоюзного, комсомольского актива, инженерно-технических работников и служащих читаются лекции по актуальным проблемам философии, научного коммунизма, истории КПСС, коммунистической морали и нравственности; в молодежной аудитории освещаются вопросы, раскрывающие с марксистско-ленинских позиций действительное место религии и церкви в истории общества. Установлен тесный контакт с учеными, лекторами общества «Знание», сотрудниками Музея истории религии и атеизма. Так, например, в научно-производственном объединении «Электроаппарат», на заводе имени М. И. Калинина в Василеостровском районе систематически выступают аспиранты и студенты старших курсов философского факультета Ленинградского университета.

Сложна и многогранна научно-атеистическая работа в трудовом коллективе, и она, разумеется, не ограничивается лекционными формами. Успеха можно достигнуть лишь при комплексном подходе, когда эта работа понимается не узко, а сочетается с умением привлечь членов коллектива к творческому труду, к активной общественной деятельности, находится в тесном взаимодействии с воспитанием трудовым, нравственным, идейно-политическим.

г. Ленинград

ПРАЗДНИК В АУЛЕ

Ю. АЙДАЕВ

СТАРЫЕ АТАГИ... Древний чеченский аул, один из красивейших в наших горах. На многие километры растянулся он у входа в Аргунское ущелье, как бы образуя его естественные ворота. Брокгауз и Ефрон, издатели знаменитого энциклопедического словаря, посвятив Атагам всего семь строк, при этом нашли нужным сообщить, что Атаги «населены чеченцами-суннитами, имеют семь мечетей». Между тем у этого аула насыщенная многими героическими и трагическими событиями история, на протяжении которой рождались здесь замечательные боевые, революционные, трудовые традиции. Прекрасные страницы вписаны в нее после Октябрьской революции.

Неузнаваемо изменился аул за годы Советской власти. Он стал центром передового современного многоотраслевого хозяйства — совхоза «Атагинский». Около трехсот человек насчитывает отряд аульской интеллигенции.

Жители Старых Атагов всегда любили праздники, и даже в те времена, когда жизнь была полна лишений, у них доставало оптимизма, чтобы отмечать радостные события, пусть немного их было. Один из древних и любимых в народе праздников — состязания ашугов. Ашуги исстари были выразителями дум и чаяний, радости и печали народной. В течение многих веков чеченцы создали замечательный песенный эпос, так называемые илли. Это песни о вековой борьбе горцев за свою свободу, о дружбе и верности, о подвигах героев. В илли всегда воспевалось извечное стремление горцев жить в мире и согласии с соседними народами. После Октябрьской революции именно в Старых Атагах родилась первая чеченская народная песня о Ленине. Спел ее 50-летний ашуг кузнец Абубакар Гехаев. Старые Атаги — родина многих известных музыкантов, ашугов, писателей. Отсюда родом композитор Муслим Магомаев (дед популярного певца Муслима Магомаева), который внес большой вклад в развитие чеченской и азербайджанской музыкальной культуры, танцор Махмуд Эсамбаев, драматург и актер Абдулла Хамидов.

Прекрасная традиция состязаний ашугов сегодня получила новую жизнь.

Все главные праздники аула

**Ашуги поют.
Ведет праздник ашугов поэт
Ахмед Сулейманов.**

проходят на огромном зеленом майдане, где на холме высится обелиск герою гражданской войны, руководителю чеченской бедноты Асланбеку Шерипову. Именно здесь, на краю этого аула, красные повстанческие войска не раз вступали в смертельные бои с деникинскими белогвардейско-казачьими бандами. В одном из таких боев за дело революции погиб легендарный герой чеченского народа Асланбек Шерипов. Сегодня здесь, у обелиска, пионеры и комсомольцы дают клятву быть верными традициям отцов и дедов.

...О начале праздника извещают звуки гармоники и бубна. Вся поляна пестрит разноцветными флажками, лозунгами. В дни таких больших собраний республиканский музей обычно организует здесь экспозицию, посвященную лучшим сынам и дочерям Чечено-Ингушетии. Многие из них, кстати, пришли сегодня на майдан.

В центре праздника ветераны войны и труда, передовики сельскохозяйственного производства. Старики — в национальных папахах, а в одежде молодежи преобладают, так сказать, интернациональные мотивы — согласно современной моде. Как всегда у горцев, на почетных местах — гости. Уважаемые люди из соседних районов получили украшенное национальным орнаментом приглашение:

«Дорогой товарищ! Мы приглашаем Вас на наш праздник-обряд. В этот день Вы услышите старинные чеченские и ингушские песни о труде, о верной дружбе, товариществе и любви.

В этот день Вас ожидает встреча с деятелями искусства нашей республики. Вы можете принять участие в исполнении песен на любые темы, состязаться острым словом. Победителям будут вручены призы».

Нельзя не отметить характерную черту этого праздника сегодня — женщин здесь, пожалуй, больше, чем мужчин. Казалось бы, что особенного? А то, что еще совсем недавно сельские культработники буквально выбивались из сил — и не могли привлечь женщин в клубы и Дома культуры. Предрассудки, связанные с адатами и догмами шариата, не позволяли горянке появляться в общественном месте. Не зря один ученый сказал, что легче расщепить атом, чем изжить предрассудок. Трудно, конечно, но можно: пережитки преодолеваются всем нашим образом жизни, активным и равноправным участием горянок в строительстве новой жизни. А в Атагах на праздник ашугов приходят теперь даже домохозяйки с детьми.

Как бы прелюдией к празднику звучит лезгинка — главный танец горцев. У всех приподнятое настроение. С большим вниманием слушают люди рассказ о том, как завершили сельскохозяйственный год колхозники, решают, кто какой славы достоин. Сообщив об этом, распорядитель праздника желает всем хорошо повеселиться.

Сегодня первым выходит в центр площади поэт Ахмед Сулейманов, он — директор средней школы в соседнем селе. Как хорошо звучит в его руках дечиг-пондур, как приятен звук его голоса. Внимательно слушают ашуга седобородые старики. Все сердцем своим идут по пути героя, о котором поется в илли.

**Слушайте песню, джигиты,
Правды народной слова,
Если герои убиты,
Песня о них жива!**

**Да будет в ауле у друга
любимая,
Да будет в соседстве у недруга
враг,
Пусть тихая песня, ветром
носимая,
Для нас прозвучит в горах.**

**Слушайте песню, чеченцы!
Вечен бессмертный народ,
Жизнь по заслугам ценится.
Песня о вас не умрет...**

В состязание вступает ашуг постарше — Мухады Эциев. Он поет илли об одном из достойных сынов Родины, его доблестях, о том, что человек должен быть верным своему народу. Слова ашуга вызывают одобрение слушателей, слышатся традиционные восклицания, поощряющие певца: «Слава добрым джигитам! Таким должен быть истинный мужчина!»

И опять поет молодой ашуг — Ибрагим Кагерманов. Его илли о нашем современнике, строителе коммунизма. В этот день ашуги и самодеятельные артисты пели песни о своих земляках — звеньевом кукурузоводов депутате Верховного Совета Чечено-Ингушетии Ширвани Гайтамирове, о кавалере орденов Ленина и Октябрьской революции знатном комбайнере — горянке Камете Дудуркаевой и других.

Если на празднике присутствует тот, о ком поют, он должен ответить. Встал Ширвани Гайтамиров, поблагодарил ашугов за добрые слова о нем, за их пожелания, сказал, что не пожалеет сил, чтобы быть достойным таких прекрасных илли.

Не только песни были на празднике. Состязались острословы, смекалистые соревновались в викторинах, шарадах. Словом, каждый мог найти применение своим талантам.

И старики, и молодежь танцевали лезгинку. И если молодые показывали свой горячий темперамент, то старики танцевали грациозно и степенно, с достоинством.

Праздник ашугов — это праздник аула и соседних сел, это и встреча поколений, и нравственная школа, и демонстрация вели-

ких достижений горцев при Советской власти. Он был ярко национальным по форме и глубоко интернациональным, социалистическим по содержанию. В нем гармонично сочетались вековые традиции и новое. Он произвел глубокое впечатление на всех участников. Особая роль таких праздников в воспитании трудящихся очевидна.

Мы рассказали лишь об одном празднике. А в Старых Атагах их немало. Так же весело и радостно проходит Праздник первого снопа. Он посвящен тем, кто борется за урожай. Красивы обряды, родившиеся здесь в последние годы, — это и проводы в Советскую Армию, и чествование ветеранов труда, и прием в пионеры у памятника А. Шерипову, о чем мы уже говорили. Творчески, увлеченно относятся к своему делу работники староатагинского районного Дома культуры. В древнем ауле рождаются новые праздники, новые обряды, в которых пафос советского времени, отражение нашего образа жизни. Их любят, их приняли. А это значит, что все меньше становится тех, кто идет на сборище мюридов, что теряют свою привлекательность зикры и душеспасительные беседы о жизни в потустороннем мире.

г. Грозный

Фото В. Елизарова

КЛУБ НА КОМБИНАТЕ

На Марийском целлюлозно-бумажном комбинате работает клуб «Атеист», члены которого выпускают стенную газету, создали в цехах «уголки атеизма», организуют дискуссии на темы «О судьбе и о себе», «О смысле жизни» и др. Для учащихся подшефных средних школ был организован вечер на тему «Религиозные праздники», демонстрируются художественные фильмы. На предприятии и в новом молодежном общежитии создан атеистический лекторий. Многие пропагандисты комбината учатся на отделении научного атеизма вечернего университета марксизма-ленинизма при Волжском горкоме партии. Среди них секретарь комсомольской организации цеха № 1 Р. Кузьмин, лаборантка научно-исследовательской лаборатории Н. Брагина, журналистка многотиражной газеты Н. Жибрик и другие.

Г. КАЛИНКИН

г. Волжск
Марийской АССР

СКАЗКА–БЫЛЬ

С. СЕГАЛЬ

Игрушка — всегда мечта, маленькая или большая сказка. Только сказки бывают фантастические и сказки-были. Дымковская игрушка — настоящая сказка-быль. Родилась она в крестьянской слободе города Вятки (ныне город Киров) — Дымкове.

«Дымка» имеет свою историю. Она связана с народным праздником «Свистунья». По преданию, сначала это был поминальный обряд, совершаемый весной. Мало-помалу обряд терял свой печальный смысл, праздник растянулся на несколько дней, гулянья и пляски сопровождались игрой на свистульках.

Свистульку-голубя археологи нашли в захоронении IV века. У древних славян считалось, что свист отгоняет «нечистую силу». Женщина с младенцем, всадник, свистульки-птицы, кони, часто сдвоенные, — все это древнеславянские мотивы, связанные с языческими верованиями.

В 1848 году М. Е. Салтыков-Щедрин оказался в вятской ссылке. «Да, я люблю тебя, далекий, ничем не тронутый край! Мне мил твой простор и простодушие твоих обитателей», — писал он в «Губернских очерках» о придуманном им городе Крутогорске, на самом деле имея в виду Вятку, расположенную на крутом берегу.

Первые создатели вятской игрушки — безземельные дымковские ремесленники, точнее их жены и дочери, — тот милый сердцу Щедрина народ, который «дышит умом и сметкою и вместе с тем каким-то неподдельным простодушием». Свободные от помещичьей власти, самобытные и независимые, они пытались отразить свое понимание провинциальной городской среды, характерный тогдашний быт.

«Губернские очерки» — подлинные комментарии к дымковским игрушкам. Пожалуй, без Щедрина теперь трудно понять, откуда появилась дымковская барыня, ровня деревянной матрешке, этому символу нашего народного искусства. «Вот и вы, великолепная Катерина Осиповна, — шутит писатель, — также звезда крутогорская, вы, которой роскошные формы напоминают лучшие времена человечества, вы, которую ни с кем сравнить не смею, кроме гречанки Бобелины». Зоркий крестьянский глаз наблюдал народные гулянья, экстравагантные одежды местных «бобелин», запоминал, обобщал, упрощал, выделяя характерное, яркое. Иногда куклы становились шаржами. Так появились традиционные и посейчас сюжеты, мотивы. Вот дама в пышном кринолине, с круглым личиком и розами румянца на щеках. Деревенская художница одевает свою барыню в костюм сороковых—пятидесятых годов XIX века. Провинциальные моды изменяются, и глиняная барыня меняет одежду, особенно головной убор.

В «Очерках» можно встретить точное описание многих дымковских сюжетов. «...Но вот и гуляющие — все больше женский пол...» «...Трогай!» — раздается сзади, и вот вы бойко взбираетесь на крутую гору по почтовой дороге, ведущей мимо общественного сада. А в городе между тем во всех окнах горят уж огни; по улицам еще бродят рассеянные группы гуляющих...» «Кавалер на коне», «Гуляющий кавалер» — излюбленные дымковские сюжеты. Мастера часто смешивали исторические моды, чтобы подчеркнуть несуразность своих героев. Вероятно, вид провинциального щеголя вызывал смех, деревенские простушки глазели на него и прыскали в кулак.

Но совсем особый мир дымковских игрушек — животные. Кони, коровы, поросята, олени, медведи, индюки и, конечно, собаки. Это скульптурки, живые и обаятельные.

В «дымке» все традиционно: и сюжеты, и характер лепки, и приемы росписи, и сама техника изготовления вятской игрушки. Лепят фигурки из местной красной глины. Обжигают после сушки в печи, затем белят мелом, разведенным на снятом молоке, и расписывают.

Нынешние мастерицы, талантливые хранительницы «дымки», научились искусству игрушки у бабушек, а те — у своих бабушек. Выросло и растет новое поколение художниц, которые глубоко постигают секреты необычного ремесла.

См. 2-ую страницу обложки

АТЕИЗМ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБЕ ИДЕЙ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ характеризуются значительным расширением творческих контактов и связей между научными учреждениями социалистических стран. Определенные итоги этого сотрудничества были подведены на состоявшемся в октябре прошлого года в Москве симпозиуме ученых стран социалистического содружества «Атеизм и религия в современной борьбе идей». Он был организован Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, Отделом преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Объединенным научным советом АН СССР и АОН при ЦК КПСС по координации исследований в области атеизма. В работе симпозиума приняли участие научные и партийные работники НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР и СССР.

Симпозиум открыл вступительным словом ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук. Он говорил о том, что мировоззренческое воспитание, атеистическая пропаганда представляют собой часть идеологической работы марксистских партий братских социалистических стран. В наше время, характеризуемое глубоким кризисом и падением престижа религии во всем мире, особенно ярко проявилась ее неспособность найти пути решения тех насущных проблем, которые стоят перед человечеством. Одно из следствий этого кризиса — размежевание, дифференциация в понимании и оценке социально-политических и духовных явлений в среде верующих и в церковных кругах. В этой связи М. Т. Иовчук уделил большое внимание анализу международной обстановки и задач марксистско-ленинской философии, в частности научного атеизма, в современной идеологической борьбе. Проблему преодоления религиозности в социалистическом обществе, всестороннего атеистического воспитания различных слоев населения, подчеркнул он, можно решить, только опираясь на помощь большой армии активистов, работающей в самой гуще народа и пользующейся здесь большим авторитетом. Важная задача ученых — создание фундаментальных трудов, осмысливающих и обобщающих завоевания научно-технической революции, преимущества социалистической общественной системы и особенности идейно-политической борьбы на современном этапе.

На пленарном заседании с докладами выступили директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС профессор А. Ф. Окулов, заместитель директора Института философии и социологии Польской Академии наук профессор Т. Ярошевский, проректор по общественным наукам Высшего инженерно-мореходного училища в Варнемюнде (ГДР) профессор О. Клор, главный редактор венгерского философского журнала «Вилагошшаг» профессор Й. Лукач, ответственные работники ЦК КПЧ Ю. Филлер и ЦК КПС П. Прусак, доцент Академии подготовки и совершенствования руководящих работников имени Стефана Георгиу при ЦК РКП В. Асэнэкэску, заведующий секцией научного атеизма Института философии Болгарской Академии наук профессор Н. Мизов.

В рамках симпозиума работало две секции: «Атеистическое воспитание и проблемы преодоления религии в социалистическом обществе» и «Атеизм и религия в идеологической борьбе на международной арене». В обсуждении этих вопросов на секциях приняли участие 64 участника симпозиума.

В докладах и научных сообщениях раскрывались место и роль атеизма и религии в современной идеологической борьбе, характер и основные направления эволюции религиозной идеологии под воздействием научно-технического прогресса и крупнейших социально-политических сдвигов современности, изменения, происходящие в религиозном сознании трудящихся капиталистических стран. Особое внимание было уделено критике основных направлений теологической фальсификации научно-технической революции, разоблачению новых форм фидеизма, буржуазно-клерикального антикоммунизма, попыток использования религии в борьбе против социалистических стран и международного коммунистического и рабочего движения.

Тематика симпозиума учитывала особенности современного этапа идеологической борьбы, проходящей в условиях поворота к разрядке международной напряженности, наступления сил демократии и социализма, растущей политической активности народных масс. Духовный кризис современного капитализма заставляет буржуазных идеологов обращаться к религии в поисках средств духовного воздействия на сознание народных масс для оправдания капитализма, борьбы против марксистско-ленинского учения и социалистического общественного строя.

При этом ряд реалистически мыслящих деятелей духовенства выступает против использования религии в интересах врагов мира и международной разрядки. И тем не менее наблюдаемая в наши дни значительная эволюция религиозных систем не поколебала реакционной функции клерикальной идеологии и практики.

В докладе, посвященном анализу новых тенденций в современной социальной мысли Ватикана, заведующий Отделом вероисповедной политики и религиоведения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП доцент В. Мыслэк привел многочисленные свидетельства того, что в основе попыток пересмотра некоторых аспектов социально-политической доктрины католицизма лежит отказ от многих ее откровенно прокапиталистических и антисоциалистических принципов либо их очевидное смягчение.

Политический клерикализм как составная часть идеологического и политического арсенала империализма, отметил в своем докладе «Новые идеологические концепции политического клерикализма» доцент Берлинского университета имени А. Гумбольдта Х. Дресслер (ГДР), принимает участие в сложном процессе приспособления буржуазии к новым условиям противоборства с социализмом. Для этого процесса характерна замена установки на свержение социалистического строя тщательно разработанной стратегией постепенного его ослабления.

Беспочвенность и утопизм всех этих несбыточных реакционных надежд доказывается повседневной реальностью социально-политического и духовного развития не только в социалистических странах, где усиливается процесс идеологической и политической консолидации трудящихся вокруг марксистских партий, но и в капиталистическом мире, где углубляются процессы классовой поляризации, растет влияние марксистско-ленинской идеологии на сознание и социально-политические действия миллионных масс трудящихся, подчеркивал в своем докладе «Христианская теология и социальная революция» заместитель директора Института науч-

ного атеизма АОН при ЦК КПСС профессор В. И. Гараджа.

Об этих же проблемах говорили: заместитель директора Института философии и социологии Польской Академии наук доктор философии М. Новачик («О современных течениях христианского социализма»), академик-секретарь Отделения общественных наук АН Литовской ССР В. Ю. Нюнка («Современная католическая социология об общественных отношениях в мире капитализма»), старший научный сотрудник Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР доктор исторических наук И. Р. Григулевич («Католическая церковь и революционный процесс в Латинской Америке»), старший научный сотрудник Института философии и социологии Польской Академии наук доктор философии Т. Плужаньский («Современная католическая мысль и атеизм»), ректор Высшей педагогической школы имени Л. Герман в Густрове (ГДР) профессор Г. Люттер («Критика модернистских концепций протестантской теологии»), профессор МГУ Д. М. Угринович («Тенденции эволюции современного буржуазного религиоведения») и другие.

Докладчики показали, что в условиях развивающегося процесса секуляризации и глубокого кризиса религии христианская теология вынуждена пересматривать свою традиционную концепцию социально-исторического развития. Главным объектом внимания теологов при этом все очевиднее становится проблема социальной революции. Все больше верующих различных конфессий осознает необходимость определить свое отношение к революционным изменениям в мире, представляющим собой основное содержание современной исторической эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму.

Участники симпозиума обратили особое внимание на анализ изменений, происходящих в церквах капиталистического мира, на активизацию их выступлений в защиту и с пропагандой неокапитализма, на большое разнообразие форм и методов современного, в том числе клерикального, антикоммунизма. Вместе с тем отмечалось, что в этих конфессиях идут процессы внутренней политической дифференциации, в частности возникают левые течения, в среде верующих распространяются прогрессивные социальные взгляды. В этой связи в выступлениях на симпозиуме определялись новые задачи марксистско-ленинской философии, рассматривались сложные и многообразные процессы дифференциации в религиозных организациях, проблемы участия верующих масс в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

Разоблачению современного ревизионизма, его смычки с буржуазно-клерикальными идеологами, его попыток «пересмотра» марксистско-ленинских оценок социальной роли религии и подрыва изнутри социально-политической практики социализма были посвящены содержательные доклады О. Клора («Критика оппортунистической ревизии марксистско-ленинского атеизма»), заведующего кафедрой философии и научного атеизма философского факультета Кошицкого университета имени П.-Й. Шафарика Т. Галечки («Критика ревизионистских извращений марксистско-ленинского атеизма в ЧССР»), доцента Института основных проблем марксизма-ленинизма при ЦК ПОРП Ю. Грудзеня («Ревизионистские извращения марксистско-ленинской теории религии»).

В ряде докладов и научных сообщений были рассмотрены процессы изменения религиозного сознания трудящихся в странах социализма и преодоления религиозности в социалистическом обществе, а также значение научно-атеистического воспитания в формировании коммунистического сознания масс. Об этом говорили в своих выступлениях заведующий кафедрой теории и методов идеологической работы АОН при ЦК КПСС профессор П. К. Курочкин («Эволюция религии и церкви в социалистическом обществе»), Й. Лукач («Принципиальные проблемы марксистской критики религии в Венгрии»), В. Асэнэкэску («Политика Румынской коммунистической партии в области научно-атеистического воспитания трудящихся»), Н. Мизов («О характере влияния современного общественного развития на религиозное сознание»), заместитель директора Института научного атеизма Чехословацкой Академии наук доктор философии И. Годовский («Актуальные проблемы научного атеизма в ЧССР»), адъюнкт Отдела вероисповедной политики и религиоведения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП доктор философии Э. Сайдак-Михновска («Специфика социально-политической доктрины католической церкви в ПНР после II Ватиканского собора»), старший научный сотрудник Института философии Венгерской Академии наук Д. Балаж («Религия и национализм в наши дни»), заместитель директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС профессор В. Д. Тимофеев («Сотрудничество верующих и неверующих в строительстве социализма»), старший научный сотрудник Института философии Болгарской Академии наук З. Нуриева («Особенности эволюции ислама в современной Болгарии»), секретарь Минского обкома Компартии Белоруссии кандидат исторических наук Р. П. Платонов («Из опыта работы по воспитанию атеистической убежденности трудящихся»), сотрудник венгерского журнала «Вилагошшаг» М. Мураньи («Психологические проблемы атеистического воспитания учащихся высших учебных заведений») и другие.

Процесс приспособления религии к новым условиям, специфичный в различных странах социалистического содружества, вытекает из разнообразия их исторических, социальных и национальных особенностей. В то же время его характеризует ряд общих черт. Этот процесс является всеохватывающим и не только затрагивает доктрину, культ и религиозную пропаганду, но и выражается в попытках обратить религию к тем проблемам, которые волнуют людей и которые актуальны в условиях социалистического общества. Эти тенденции проявляются и в попытках религиозной интерпретации смысла жизни, нравственных норм и духовных ценностей.

Анализируя работу симпозиума, можно выделить несколько основных проблем, стоявших в центре внимания его участников. Это прежде всего политика коммунистических и рабочих партий в отношении религии, церкви и верующих. Было подчеркнуто, что именно правильность этой политики обеспечила вовлечение верующих трудящихся в строительство социализма, позволила преодолеть реакционное влияние, которое пытались ей противопоставить клерикальные и проимпериалистические силы. Далее, были выявлены и подвергнуты критическому анализу основные направления идеологических диверсий против марксизма-ленинизма.

Участники симпозиума отмечали, что в церковных кругах и среди верующих капиталистических стран идет глубокий процесс социально-политического размежевания. Этот процесс получает отражение в религиозном сознании, в религиозной философии и социологии. В этих условиях, говорилось в докладах, назрела необходимость в серьезном исследовании изменений, происходящих в современной религиозной идеологии и сознании. Это будет способствовать как повышению эффективности критики реакционного политического клерикализма, так и дальнейшему усилению антиимпериалистической борьбы, укреплению единства всех сил, выступающих за мир, демократию и социальный прогресс.

Подчеркивалась также необходимость более углубленного исследования социально-нравственных проблем научного атеизма и разоблачения непоследовательнос-

ти, ограниченности религиозного псевдогуманизма, поднимаемого на щит нашими идейными противниками. [redacted] этой связи был выдвинут [redacted] ряд новых проблем, [redacted] частности говорилось, что настало время всерьез заняться изучением и анализом самого атеизма в условиях социалистического общества, специфики атеистических воззрений различных социальных групп [redacted] разработкой научной системы атеистического воспитания.

Работа симпозиума показала единство взглядов [redacted] участников, продемонстрировала существенный рост уровня научных работ [redacted] области атеизма [redacted] странах социалистического содружества. Симпозиум позволил установить [redacted] укрепить контакты между учеными этих государств, наметил возможные пути интеграции проводимых [redacted] исследований.

Ю. ПИЩИК,
И. ЯСТРЕБОВ,
кандидаты философских наук

КУРСЫ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ

Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт научного атеизма [redacted] организовали [redacted] Москве курсы партийных работников, ведающих вопросами атеистического воспитания. Организаторы курсов исходили из методологической посылки, что проблема преодоления религии и формирования научного, материалистического мировоззрения у советских людей [redacted] может рассматриваться изолированно от решения всего комплекса социально-экономических задач, совершенствования общественных отношений, дальнейшего развития культуры, науки, всей духовной жизни общества. В то же время успех преодоления влияния религиозной идеологии может быть обеспечен только при условии систематической, научно обоснованной и целенаправленной атеистической работы партийных и других общественных организаций, [redacted] также при условии тесной взаимосвязи и взаимодействия атеистической пропаганды с другими направлениями идеологической работы: политическим, трудовым, нравственным, правовым, интернациональным, эстетическим [redacted] т. д.

Таким образом, проблема преодоления религии есть комплексная социально-идеологическая проблема. Это положение и определило программу работы прошедших курсов, участники которых прослушали лекции по актуальным проблемам внутренней [redacted] внешней политики КПСС, развития марксистско-ленинской теории, критики антикоммунизма [redacted] ревизионизма. Большое внимание [redacted] лекциях было уделено проблемам дальнейшего развития и совершенствования идеологической работы.

Значительная часть выступлений была посвящена проблемам теории и практики научного атеизма. На курсах выступили ответственные работники ЦК КПСС, известные ученые-обществоведы. В [redacted] выступлениях были раскрыты современные тенденции [redacted] идеологии [redacted] практике основных религиозных организаций, место [redacted] роль атеизма [redacted] религии [redacted] современной борьбе идей, показаны закономерности преодоления религии [redacted] дальнейшего развития научно-материалистического мировоззрения в социалистическом обществе, вопросы взаимосвязи атеистической пропаганды со всей системой идеологической работы.

Ряд выступлений был посвящен обобщению опыта атеистического воспитания, накопленного партийными комитетами и организациями общества «Знание».

Б. Коновалов

ФАКУЛЬТАТИВ В ШКОЛЕ

Когда дирекция средней школы № 19 предложила мне [redacted] курс научного атеизма, начал [redacted] не на голом месте. Вопросы атеистического воспитания всегда находились [redacted] центре внимания педагогического коллектива этой школы, обсуждались [redacted] педсоветах и родительских собраниях. С 1971/72 учебного года были введены «факультативы»: для учащихся 9-х классов—«Основы научного атеизма», [redacted] для 10-х — «Современный научно-технический прогресс и религия».

Начал с того, что приходил [redacted] каждый [redacted] трех 9-х классов [redacted] рассказывал [redacted] задачах факультатива. На первую встречу [redacted] каждый класс приносил иллюстративный материал, фотокопии [redacted] отдельные плакаты [redacted] экспозиции атеистического [redacted] нашего городского планетария.

Никаких списков желающих посещать факультатив [redacted] составлять при первой встрече [redacted] стал, [redacted] запись «под горячую руку» почти всего класса ничего хорошего не сулит. Просто сказал, что занятия проводятся один раз [redacted] неделю [redacted] школе [redacted] планетарии.

И вот настал день нашего первого занятия. Из трех 9-х классов пришло около 70 человек, [redacted] постепенно произошел отсев, и к концу учебного года регулярно посещали факультатив 45 девятиклассников.

Что касается занятий с выпускниками, то здесь мне было уже легче. [redacted] преподаю [redacted] школе астрономию [redacted] чаще встречаюсь с десятиклассниками [redacted] мне [redacted] проще привлечь [redacted] факультативным занятиям.

При работе со школьниками важно, чтобы они поняли, что борьба [redacted] религией — это борьба не [redacted] верующими, [redacted] религиозной идеологией. Поэтому большое место [redacted] факультативном курсе заняла тема «Отношение КПСС [redacted] Советского государства [redacted] религии и церкви». Особенно слушателей факультатива интересовал вопрос: почему сейчас [redacted] нашей стране есть еще немало верующих? На специальном занятии школьники знакомились [redacted] атеистическими заветами В. И. Ленина, [redacted] тем новым, что он [redacted] теорию научного атеизма. Было показано, [redacted] огромное значение придавал Владимир Ильич разоблачению реакционной сущности религии, воспитанию правильного материалистического представления о мире.

Заинтересовала школьников [redacted] «Естественные науки [redacted] атеизм». Ребята приняли активное участие [redacted] обсуждении этой темы. Разговор шел [redacted] том, [redacted] почему [redacted] последнее время теологи различных вероисповеданий предпринимают попытки примирить религию с наукой, о причинах религиозных взглядов некоторых естествоиспытателей.

Популярностью пользовались занятия, которые проводились в атеистическом [redacted] звездном залах планетария. Здесь ребята слушали беседы, лекции, обзоры литературы, которые для них проводили лучшие лекторы города.

Опыт [redacted] этих лет показал, что курс научного атеизма [redacted] средней школе дает положительные результаты. Им заинтересовались [redacted] уже перенимают [redacted] школе № 18, где также введен факультатив по научному атеизму.

А. СМОРГОНСКИЙ,
преподаватель астрономии

г. Новочеркасск
Ростовской области

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. М. КИРОВА

ПРЯМОЙ И ЯСНЫЙ ПУТЬ

НАРОДЫ Северного Кавказа бережно хранят память [redacted] пламенном большевике Сергее Мироновиче Кирове, его [redacted] — среди самых дорогих, никогда не забываемых имен. С Кировым связана вся революционная борьба горцев, их трудный путь к победе и утверждению Советской власти.

По заданию партии [redacted] прибыл [redacted] центр Терской области* Владикавказ [redacted] 1909 году, чтобы участвовать в восстановлении большевистской организации, разгромленной в период реакции. Работая [redacted] местной либеральной газете «Терек», Киров вместе с другими товарища[redacted] по партии налаживает связи с рабочими и горской беднотой, сплачивает революционные силы на Кавказе, готовит их к решительному моменту в общепролетарской борьбе.

Условия революционной работы [redacted] этом горном крае были очень сложными. Горцы, фактически лишенные земли (вся земля на равнине была отдана казакам), жили [redacted] ужасающей нищете и невежестве, сверх всякой меры угнетенные [redacted] русскими властями, и местными князьями. Но это были еще не все их беды. Совершенно невыносимой делали их жизнь националь[redacted] вражда [redacted] религиозные распри. [redacted] любой момент здесь могла вспыхнуть кровавая бойня, настоящая война — между чеченским аулом [redacted] казачьей станицей, осетинским селением [redacted] ингушской деревней... Царское правительство подогревало эту рознь, [redacted] бывало, что и провоцировало. [redacted] ту пору действовал здесь, например, такой закон: если мусульманин вел тяжбу с казаком, то суд всегда решал ее [redacted] пользу казака — православного. Если казак убивал мусульманина, его не наказывали за это; если же мусульманин обвинялся в убийстве казака, то он — «нехристь» [redacted] «разбойник» — не мог рассчитывать даже на праведный суд. Злоупотреблениям и произволу царских властей на Северном Кавказе [redacted] было границ.

С. М. Киров [redacted] Серго Орджоникидзе. Северный Кавказ, 1920 год.

Пройдет несколько лет, и Киров на мусульманском митинге во Владикавказе 21 августа 1919 года скажет, что «вся эта политика царского правительства была только одним [redacted] звеньев в деле порабощения всего трудящегося человечества».

Верный сын партии большевиков, С. М. Киров во все периоды

* Терская область включала территорию всех нынешних северокавказ[redacted] республик [redacted] областей, кроме Дагестана [redacted] северо-восточных районов Ставрополья.

своей работы на Северном Кавказе добивался объединения горских народов под пролетарским знаменем. Он выступал на митингах и собраниях, на съездах и сходах, ездил по аулам и станицам, участвовал в решении многих конфликтов. Хроника его биографии, например, за 1917 и 1918 годы рассказывает, что он ежедневно выступал перед различными группами людей, бывало, что и по нескольку раз в день.

Киров предупреждал, что «черные силы» (в числе их в те годы было немало представителей мусульманского духовенства) организуются, чтобы в братоубийственной войне задушить все завоевания революции, они «с нетерпением ждут момента, когда разные народности кинутся друг на друга». Влияние большевиков росло, и контрреволюция пыталась его ослабить. Она без конца провоцировала конфликты между горцами и солдатами или казаками, сталкивала горцев между собой, всякий раз обвиняя в кровавых трагедиях большевиков.

В конце декабря 1917 года провокаторы - контрреволюционеры убили чеченского шейха, приглашенного на казачий съезд в станицу Червленную. В ответ чеченцы сожгли две станицы, казаки за это уничтожили три чеченских аула. Шейхи объявили, что виной всему большевики. Начался разгул контрреволюции, во время которого погибли сотни горцев-тружеников. Назревала национальная война между двумя народами, а цель тех, кто ее разжигал, была одна — отвлечь трудящихся от революционной борьбы, разрушить их единство. Киров организовал мощную агитацию против этой братоубийственной бойни. В январе 1918 года большевики приехали на казачий съезд в Моздок и сумели добиться восстановления мира. С. М. Киров, возглавивший на этом съезде «социалистический блок», сумел повести дело так, что он был объявлен Народным съездом Терской области и во многом подготовил установление Советской власти на Северном Кавказе.

В том же году Киров ликвидировал опасный для молодой Советской власти конфликт между ингушами и осетинами. Враги горцев натравливали эти народы друг на друга, немалую роль играло здесь и то, что ингуши были мусульманами, а осетины, жившие в соседних с ними селениях, исповедовали христианство. Возник осетино-ингушский фронт. Туда и отправились большевики прямо с очередной сессии съезда народов Терека, проходившей тогда во Владикавказе. Киров и его товарищи ходили под пулями от окопа к окопу. Когда большевик балкарец Калабеков, несший белый флаг, был убит, Киров поднял этот окровавленный призыв к миру и продолжал агитацию, объясняя враждующим, что такая война выгодна только врагам трудящихся. Он достиг цели — мир был заключен. Его смелость и решительность, пренебрежение к опасности покорили горцев.

Трудовой казак должен жить мирно с трудовым горцем, вместе завоевывать свое счастье, счастье трудового народа — так говорил Киров, призывая к классовому объединению, и его горячие речи доходили до сердца людей, они принимали их, верили ему.

Трудовые горцы теснее сплачивались под революционным знаменем. Когда на Северном Кавказе началась гражданская война, они посылали своих сынов, способных носить оружие, на защиту Советской власти от контрреволюции.

А муллы проповедовали: «Коран призывает лить кровь большевиков, нет ничего лучше крови неверных для омовения перед намазом». Однако религиозная проповедь теряла силу перед лицом открывшейся горцам реальной возможности получить землю, свободу, права.

Революция победила на Северном Кавказе. После гражданской войны, которая здесь, в горах, была особенно жестокой, наступили мирные дни. Горские народы приступали к устройству новой жизни, и это рождало множество проблем, сомнений, вопросов. Киров как член Кавказского бюро ЦК партии вместе с С. Орджоникидзе ведет очень трудную и ответственную работу по сплочению рядов партии, по укреплению Советской власти на многонациональном Северном Кавказе. В апреле 1921 года он проводит Учредительный съезд Горской Советской Социалистической Республики. Здесь он произносит несколько речей, глубоких по содержанию, совершенных по форме. Слова, которые говорит он на этом съезде от имени Советского правительства и ЦК партии, понятны людям, они рисуют прямой и ясный путь, которым пойдут горцы вместе с другими народами страны в «царство социализма».

Киров, верный ленинец, глубоко изучивший за годы работы на Северном Кавказе местные условия, отлично понимал необходимость учитывать во всем здешние обычаи, нравы и особенности. Мусульманские трудовые массы всей душой стремились к новой власти, но опасались, что она будет враждебна их религии, обычаям, с которыми они сжились и без которых пока не представляли своего существования. Киров на Учредительном съезде произнес короткую речь «О шариате», в которой разрешил все их сомнения и страхи. Он предупредил, что все кривотолки происходят оттого, что наши противники часто спекулируют на этом вопросе. А дело здесь обстоит так: «Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь...» Много беспокойства вызывал вопрос о шариате — своде религиозных законов, определявшем жизнь мусульманина — личную и общественную. Горцы опасались, что новая власть запретит жить по шариату, ликвидирует шариатские суды.

Киров дал исчерпывающее разъяснение позиции большевиков в отношении шариата. «Мы заявляем: устраивайте это дело как угодно, ибо это дело ваше, только не должно быть отступлений от работы на пользу укрепления рабоче-крестьянского государства». Однако он на своем революционном опыте знал, что, коль скоро религия берется за решение земных вопросов, есть опасность, что ею, как это уже не раз бывало, могут воспользоваться враги Советской власти. Поэтому он говорил: «Независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Там... где под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти... с этим мы будем бороться... Приведу такой пример: предположим, завтра волею Христа или Магомета поднимется генерал Деникин и пойдет в суд шариата... И если этот шариатский суд, вместо того чтобы сделать усекновение генеральской головы Деникина, окружит его ореолом мученика,— такого суда ни один рабочий и крестьянин, преданный настоящей власти, не допустит».

В речи «О шариате» Киров разъяснил важнейшие положения ленинской национальной политики Советской власти. Создавая союз всех национальностей, эта власть с уважением и пониманием относилась и будет относиться впредь к обычаям и национальным особенностям разных народов. Отвечая тем, кто распространял ложные слухи об этом, Киров говорил: «И мы вовсе не такие дураки, извините за грубость, что,

придя в совершенно новый для нас мир, стали бы навязывать вам то-то и то-то. Скажем, если бы мы приехали в Чечню и сказали бы: «Разговаривай только по-русски», это покажется смешным. Так же смешно показалось бы, если бы мы пришли и сказали: «У вас есть шариат, а у нас в Москве никакого шариата нет. Бросьте ваш шариат и берите нашу московскую форму суда... Ваши судебные учреждения устраивайте как хотите, но помните одно: не пойте на чеченском языке «Боже, царя храни», хотя бы на чеченском или другом языке, мы этого не допустим».

Кирова называли народным трибуном. По словам его собрата по революционной борьбе на Северном Кавказе Г. Цаголова, в каждом его поступке, в каждой речи «видно было, что в груди его клокочет огненная вера в скорое торжество правды на земле». Он верил, что «в огромной многомиллионной России есть силы для того, чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и те идеалы, которые написаны лучшими умами человечества и подлинными защитниками угнетенных...»

Тогда же, в 1921 году, на Учредительном съезде народов Горской республики Киров под бурные приветствия народных представителей произнес пророческие, очень верные слова:

«Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, созидается братская жизнь».

О. ГРЕБЕНКИНА

«ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС»

МОИ ДЕТСТВО и юность прошли на улице, которая называлась Чадровая, ничем не примечательной улице в старой части Баку: домишки с плоскими крышами лепились один к другому, буйному бакинскому ветру разгуляться было негде, обозленный, он вдруг с силой захлопывал раскрытое окно — вниз сыпался град осколков, или, не послушный адату, рвал с прохожих мусульманок чадру.

Потом ее переименовали в улицу Освобожденной азербайджанки. Было это приметой времени. Как и во всей стране, в Азербайджане торжествовала свои победы культурная революция, уничтожала следы подлых, как называл их Ленин, законов, ставивших женщину в неравноправное с мужчиной положение.

Чадре был дан бой с первых же дней Советской власти. Бой на всех участках, всеми видами идеологического оружия.

Я был еще слишком мал, когда состоялась премьера пьесы азербайджанского драматурга Джафара Джабарлы «Севиль», но и в моей памяти — возбужденные и счастливые лица соседок-азербайджанок, наперебой рассказывавших моей матери о том, как на спектаклях «Севиль» в Бакинском театре свершалось невероятное: десятки, сотни женщин, вслед за героиней пьесы, срывали с себя ненавистное покрывало.

Но мало только сбросить чадру. Подлинное равноправие приносят труд и общественная деятельность. В первые же дни Советской власти в Баку был создан женский клуб имени известного азербайджанского революционера Али Байрамова. Его организовала у себя на квартире бесстрашная большевичка, жена и друг Али Байрамова — Джейран-ханум, открыла кружки для женщин, читальню. Вскоре кружковцам стало тесно — Джейран сказала об этом председателю Азербайджанского Совнаркома Н. Н. Нариманову и Первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана С. М. Кирову. Решением ЦК клубу было предоставлено одно из красивейших зданий города — особняк нефтяного магната Мухтарова. Тут развернулся организационный талант Джейран Байрамовой, первой заведующей женотделом ЦК Компартии республики. Открылись швейная, переплетная и другие мастерские. Клуб помогал вовлекать азербайджанок в производственную, общественную, культурную жизнь.

Но каким же это было непростым, нелегким делом. Порой оборачивалось оно неожиданной стороной. Оказалось, что сбросить чадру — только символически обрести свободу...

Листаю пожелтевшие страницы газетных подшивок. Им уже столько лет — полвека!

Материалы VII съезда Компартии Азербайджана...

Вчитываюсь — и прямо-таки слышу, явственно слышу голоса ораторов, полные полемического задора, каскад аргументов. Мне кажется — слышу даже ропот в зале заседаний...

О чем спорят делегаты?

Оказывается, неожиданно, когда обсуждали, кого выдвигать в Советы депутатов, возник «женский вопрос».

И вот один делегат, осторожно, за ним второй, вполне, впрочем, вразумительно, толкуют:

— Нет, мы совсем не против равноправия женщин, но прежде надо культурно их подтянуть до такого уровня, чтобы они были способны занимать административные посты.

А может, действительно, он был прав, этот человек, занимавший в то время руководящую должность: ведь всего-навсего день-два назад его жена, сестра сбросили чадру, откуда у них необходимые знания, опыт, кругозор, ведь не стирать, латать, мужу чай подавать — руководить надо?!

Постой, братец, а ты как руководишь? Что ты знал до той памятной октябрьской ночи — желонку, которой нефть тартал [1], или винтовку-трехлинейку да сырой окоп?

— Но я жил в пролетарском коллективе, я азы революционной грамоты познавал в классовых боях и стачках!

Поди — откажи ему в логичности доводов...

Но вот раздаются аплодисменты — к трибуне идет Сергей Миронович Киров.

...— Наконец, последний, самый деликатный вопрос,— это вопрос о женщинах...— Киров оглядывает зал и сразу, с места в карьер, бросается в бой: — По-моему, вопрос как-то странно стоит. В самом деле, на партийном съезде начать обсуждать вопрос о том, пускать женщину в Советы или не пускать. Сама постановка вопроса не годится. Этот вопрос давно разрешен партией, и есть даже люди вне партии, которые все-таки к женщине относятся немного лучше, чем те два товарища, которые здесь выступили...

Киров говорит, резко рубя перед собой воздух рукой. Он разгневан. Но опытный полемист, он зна-

[1] Способ добывания нефти в старое время — высоким ведром доставали нефть из скважины.

ет, что гнев и раздражение — скверные помощники оратору. Потому, сделав паузу и широко улыбнувшись, вдруг произносит почти что весело:

— Знаете, мне здесь вспоминается один исторический анекдот. В Одессе был один градоначальник в «старые добрые времена». Появились первые автомобили в Одессе, и когда автомобили проходили по улицам, то лошади кидались в сторону оттого, что боялись этих машин. Градоначальник издал приказ: «Запретить езду на автомобилях, пока лошади не привыкнут к этой езде».

Зал взорвался — хохот, рукоплескания, выкрики: «Саг ол (спасибо, молодец), Мироныч!»

А Киров, не дождавшись, пока смолкнет смех, уже вновь рубит воздух ладонью:

— Что же, если следовать этому примеру, тогда надо будет так же поступить. Надо ждать, пока женщины достигнут того уровня, когда будут способны управлять, а пока что ее не пускай. Если это сделать, то пройдет сто лет существования Советской власти, а женщина никогда не научится управлять!

...Я закрываю объемистую подшивку, и одобрительный шум заседания, покрывший последние слова Сергея Мироновича, стихает.

И в тишине Партийного архива республики я читаю стенограмму IX съезда Компартии Азербайджана: в 1925 году председателями сельских Советов республики избрано 116 женщин-азербайджанок, а всего женщины составляют уже 18,5 процента от общего состава Советов.

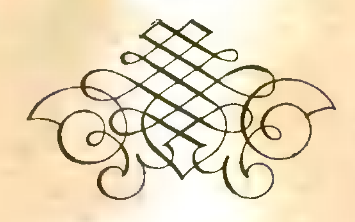
Мало? Но ведь это полвека назад, на заре рабоче-крестьянской власти. Сегодня в Верховном Совете республики почти половина депутатов — женщины. Можно перечислить много женских имен — министров и капитанов дальнего плавания, академиков и председателей крупнейших колхозов, героинь труда и защитниц Отечества.

Список будет велик, и вряд ли стоит его приводить — имена эти достаточно популярны, известны всей страны. Лучше, дорогой читатель, я поделюсь с тобой мыслью Сергея Мироновича, которую поведала мне когда-то Джейран-ханум Байрамова:

— Мироныч,— рассказывала она,— рассматривал так называемый «женский вопрос» как составную часть нашего революционного дела. Решив его, говорил он, мы можем получить возможность подойти к работе единым партийным фронтом. Да, именно так буквально и сказал: единым партийным фронтом...

Я. САДОВСКИЙ

Всего сто лет,



уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в марте 1876 года

Всякий раз, как только зайдет речь о нашем духовенстве, приходится выслушивать множество сетований, жалоб и неудовольствий. Жалобы эти касаются представителей нашего духовенства именно потому, что эти последние не удовлетворяют своему назначению. Одною из самых важных причин является, конечно, образование, а стало быть, и состояние наших духовных учебных заведений... Духовные семинарии клеймят своею печатью воспитанников так сильно, что эта печать остается на человеке на всю жизнь, хотя бы этот человек находился впоследствии и в благоприятных условиях, способствующих возрождению к новой жизни. Громадные средства, затрачиваемые обществом и государством на духовное образование, не достигают цели. В смысле жизненности духовные семинарии не выдерживают, что называется, самой снисходительной критики. В них-то главным образом и начинается та вредная изолированность, которая составляет вообще мрачную сторону нашего духовно-учебного дела... У нас родитель отдает в семинарию ребенка 10—12 лет и таким образом сам определяет его призвание, совершенно забывая, что в призвании самое важное значение имеет самоопределение. В силу существующего у нас подобного странного обычая нередко приходится наблюдать весьма прискорбные факты. Когда юноша начинает входить в более или менее зрелый возраст, когда у него составляется свой собственный взгляд на вещи, то он начинает терзаться и мучиться тем призванием, которое так заблаговременно и так легкомысленно навязал ему его отец. Он чувствует, что вся его карьера и деятельность испорчена и что в продолжение целой жизни ему суждено быть не на своем, а на чужом месте — делать не свое, а чужое, ему противное дело... Между тем всякому духовному деятелю тотчас же по окончании курса придется стать лицом к лицу с жизнью — придется столкнуться с людьми самых противоположных воззрений и стремлений, а он знает только выводы богословских наук и ведает жизнь настолько же, насколько любая институтка. Что же за деятель выйдет из него, если школа и образование не дали ему ни малейшего понятия о жизни, в которой ему придется действовать, о людях, на которых ему по обязанности придется влиять? Состояние нашего духовенства и есть ответ на вопрос... Недостаток интеллектуального и даже нравственного развития, полнейшее равнодушие, а подчас и презрение тех людей, которыми нужно руководить в их нравственной жизни, неудовлетворенность, направленная на самого себя, стремление забыться и скрыться от себя, выражающееся в предосудительном поведении, — все это такие явления, на которые нужно смотреть как на неизбежное следствие воспитания и образования.

«Молва»

В конце прошлого года днепровский уездный комитет общественного здравия ходатайствовал перед епархиальным начальством о воспрещении священникам этого уезда причащать детей, больных дифтеритом, так как по мнению комитета, основанному на уверении местного врача, через лжицу и илитон болезнь сообщается от больных к здоровым.

«Нива»

В. ХАРАЗОВ
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ТРУДНЫЕ ИСТИНЫ ЕВДОКИИ СИДОРЕНКО

Евдокия Михайловна Сидоренко.
Фото В. Полежаева.

ОНА СИДИТ НАПРОТИВ меня — худощавая, русоволосая, спокойная. За стеклами очков — светлые, приветливые глаза.

— Родилась я,— рассказывает Евдокия Михайловна,— в 1928 году. А в двадцать девятом заболела менинго-энцефалитом. Не успели родители с этим горем сжиться, как меня парализовало — правую сторону тела. Короче, с самого рождения беда за бедой в дом спешит.

Жили тогда Сидоренки на таежном хуторе в Хакассии, хутор небольшой. Сибирская изба на две половины — в одной родители матери, в другой мать, отец, Евдокия да родившийся вскоре брат Анатолий. Деревянный пол, две кровати, стол, выскобленный ножом, русская печь, табуретки да еще в углу — две иконы, так запомнился ей отчий дом.

— По нынешним временам даже трудно сказать, были ли верующими отец с матерью в первые годы семейной жизни. В церковь не ходили, свечек не ставили, постов тоже особенно не соблюдали. Но после еды или перед сном не перекрестишься — либо отец ложкой по лбу ударит, либо мать подзатыльник даст. Это уже потом, когда ни врачи, ни знахари не смогли меня вылечить, потянулись они к религии — на чудо надеялись. Только чуда, конечно, не произошло... Так и скиталась я почти до пятнадцати лет — от знахарей в больницу, из больницы — к знахарям.

То ли врачи все-таки помогли, то ли время свое взяло, но в десять лет начала я потихоньку ходить в школу. Но и тут обделенной оказалась. Мои одноклассники были на три года моложе меня. А в том возрасте три года — большая разница. Да и опять — у них игры, забавы, а у меня что? Вот и стало мне все чаще казаться, что лишняя я на этом свете — только сама мучаюсь и другим жить мешаю. Но представлю, как мать с отцом убиваться будут,— вся решимость пропадает. И жить — мучить их жалко, и горе такое на души им положить — тоже жалко. А отец с матерью — они тогда уже полностью в бога уверовали — все меня к нему пытались повернуть. Я и верила и не верила. И надеяться хотелось на божью милость, и надежды не было, да и веры тоже не было. А тут июнь сорок первого.

Мужики один за другим — в армию. Не то что наш хутор, и в райцентр обезлюдел — старики, ребятишки да бабы. Помню — самым долгожданным и самым страшным человеком стал почтальон. Помню, как отчаянно голосили бабы по убитым, исступленно взывали к богу.

К нам «похоронка» пришла в сорок втором. С того дня мать начала слепнуть и вскоре стала инвалидом... Ох, трудная была година. С фронта-то вести тоже шли невеселые. Руки работают, а в голове мысли крутятся, душа какого-то утешения просит. Только кому же утешать было? Вот и начали тогда «утешители» появляться. То тут, то там в церквах вдруг иконы стали «обновляться». И потянулись туда страждущие, не столько веруя, сколько надеясь на чудо... И мать паломничала, и я. К тому времени и уже тоже уверовала, если еще не в бога, то в судьбу. Да и то сказать, ведь ко мне одна беда другую вела, та не успевала на табуретку сесть, а уж глянь — третья в окно стучится. Может быть, и зарубцевало бы время эти раны и жизнь вошла в обычное русло.

Татьяна Никифоровна Сидилева приехала в поселок Орджоникидзе не то в сорок втором, не то в сорок третьем году. Незадолго до этого попала

она в автомобильную аварию. Пенсию ей не дали — признали трудоспособной, но устраиваться на работу Сидилева не спешила. Легко сошлась с верующими, сочувственно выслушивала их рассказы о нелегком житье-бытье, то и дело поминала священное писание, укрепляя колеблющихся, утешая страждущих, осиротевших. И они охотно раскрывали ей свое сокровенное. Разговоры эти были для верующих и школой изучения Библии. Им, знавшим священное писание с пятого на десятое, Сидилева как бы заново открывала его. И незаметно привела своих новых знакомых в столкновение с их собственными прежними взглядами.

Среди православных (других верующих в поселке не было) начался раскол. Одни всячески ругали Сидилеву, называя ее еретичкой, другие считали своих бывших единоверцев заблудшими овцами. Православные клеймили отколовшихся иудами, а те их — догматиками... И тогда Сидилева объявила своим приверженцам, что есть только одно истинное учение — баптизм!

Как-то, вернувшись с паломничества в одну из дальних церквей, Евдокия Сидоренко застала в доме незнакомую женщину, беседующую с матерью о вере, о священном писании. Это была Сидилева.

— Я в то время постоянно о жизни размышляла,— с грустной улыбкой рассказывает Евдокия Михайловна.— Где же, думаю, в ней истина? Один так говорит, другой эдак, а в жизни-то, смотрю, чаще всего и не так и не эдак, а совсем по-другому. Где, думаю, справедливость? Если бы она существовала, то разве была бы я с детства покалечена? А разве мать моя кому зло какое сотворила, что дочь у нее калека, что мужа лишилась, что мир для нас темен стал, как ноябрьская ночь? Куда ни повернусь — нет, получается, справедливости в мире, добра нет. А с другой стороны — ведь живем же мы, и молодые живут и старые, да еще и умирать не хотят. Значит, есть в этом какой-то смысл, для чего-то это все устроено? И если действительно нет ни истины, ни добра, ни справедливости, то как же тогда мир-то существует? Все, помню, опору я пыталась себе найти, чтобы все на своих местах стояло... Только не находила ее, эту опору. И казалось мне, что все идет наперекосяк, ничто ни с чем не сообразуется. И в боге тоже опоры не находила.

Тут и встретилась я с Сидилевой. Она за несколько дней все мне объяснила. Все мои сомнения резала текстами из Библии. Убедила, что несчастьями своими я избранница божия, что нет мне исцеления потому, что блуждаю во тьме, а не в истинной вере, что православие — потемки и заблуждение, ибо неправильно толкует священное писание... Слушала я и только диву давалась, как все здорово у нее получается. Я ведь к тому времени — как созревшее яблоко была. Тряхнула Сидилева, и упала я прямо в руки ей. А Татьяна Никифоровна еще и посулила: уверуешь — исцелишься.

В сознании девушки пробежала трещина и разделила мир на островок евангельских христиан-баптистов — единственных обладателей истины, ведущей к добру, справедливости, любви, и на океан, где барахталось в грехах и пороках остальное человечество — заблудшее и погибающее.

Уверовав со всей искренностью, со всей страстью юной изболевшейся души, девушка испытывала не только чувство блаженства от собственного кажущегося превосходства, но и жалость к инакомыслящим, желание помочь им, вывести их из трясины заблуждений на твердую тропу истинной, по ее мнению, веры. Но для этого надо было учиться. Учиться и «мирскому», и «духовному».

— Конечно, какой уж тут коллектив, какие подруги! Бывало, прямо из школы — к Сидилевой. Сидим с ней по полдня — священное писание разбираем. Одноклассницы мои кто спортом увлекался, кто книгами, в кино всем классом бегали. А я — к Сидилевой, к верующим, к Библии. И все же после восьмого класса, хотя отговаривала меня Сидилева от учебы, уехала я в Красноярск и поступила в финансово-кредитный техникум.

Так в душе Евдокии Михайловны сошлись воедино два мало совместимых стремления — к богу и к знаниям. Не зря отговаривала ее Сидилева от учебы, не зря цитировала строки из Библии: «Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». Опытная проповедница понимала, что поступление ее подопечной в техникум может разрушить воздвигнутый в ее сознании «храм веры». Но убедившись, что отговорить не удастся, она вручила девушке письмо в красноярскую общину.

Неприметная, слегка замкнутая студентка исправно шла утром в техникум, старательно слушала преподавателей и так же старательно выполняла все задания. А после этого наступала другая жизнь. В этой другой жизни ее сердце устремлялось к бесконечному, вездесущему, всемогущему и всеблагому, который есть любовь,— к богу. Она напрягала в молитве все свои душевные и физические силы, и моменты наивысшего напряжения казались ей соприкосновением с божественной благодатью. Когда ее спрашивали перед тем, как принять в «стадо Христово», почему она хочет стать «сестрой», верует ли в Христа истинного, готова ли быть гонимой за имя его, не отступит ли, если будет соблазнять ее мирское, она восторженно отвечала, что все мирское отвергает.

Окраины Красноярска погружались в осенний сумрак, взрываемый светом уличных фонарей и окон. Дул стылый октябрьский ветер. Редких прохожих останавливало необычное зрелище. Двенадцать юношей и девушек, облаченные в белые длинные рубахи, друг за другом входили в студеную реку. Пожилой мужчина, положив им руки на плечи и что-то приговаривая, поочередно погружал их на мгновение в воду. На берегу торжественно пел псалмы небольшой хор. Сквозь плеск Енисея и шум ветра до прохожих доносились слова: «Не расскажет ручей говорливый...»

Так Евдокия Сидоренко приняла водное крещение.

— Тогда я была уверена, что только мы, баптисты, непогрешимы и живем в телесной и духовной чистоте. Конечно, себя я не считала безгрешной. Наоборот, я исступленно каялась, поймав себя на каких-либо «греховных» мыслях или желаниях. Но я-то свой грех отмолю, да и господь видит, что сатана меня искушает, а они, думала я, мирские, погрязли в грехе и нет им спасения. Читать художественную литературу, газеты, журналы, слушать лекции, радио, смотреть кино, ходить в театр, участвовать в общественной жизни казалось мне безнравственным. Мы, избранные, должны быть далеки от «мирской грязи» и «сатанинских соблазнов». Желание учиться и стремление служить богу раздирали меня на части. Утешало только одно — постигнув священное писание и мирскую науку, я смогу нести людям свет моей веры. Но и тут религиозные запреты то и дело ставили меня перед неодолимыми барьерами. Надо писать сочинение по какому-нибудь роману, а книгу читать грех!

Казалось бы, изучение физики и химии, истории и литературы должно было заставить молодую девушку задуматься над ее убеждениями. Могли бы, наверное, и преподаватели поближе познакомиться с Сидоренко, попытаться понять ее мятущуюся, ищущую душу. Но шли трудные послевоенные годы. Люди налаживали хозяйство страны, налаживали собственную жизнь. Еще свежи были у всех в памяти трагедии военной поры. Короче говоря, и преподавателям, и подругам Сидоренко поначалу было не до нее. У каждого были свои неотложные дела, свои трудные проблемы. Физику и химию, историю и биологию девушка добросовестно выучивала — усидчивости ей было не занимать — и столь же добросовестно сдавала. Те знания, которые должны были бы, по логике вещей, формировать у нее научное мировоззрение, Евдокия пропускала сквозь сито своих взглядов, разделяя на две части: одну в память, другую в «душу».

Конечно, такое разделение не проходило безболезненно. Девушка то и дело спотыкалась, не умея объяснить себе противоречия между научными положениями и религиозными догматами. Нет, конечно же, не самого бога касались ее сомнения, а устройства мира и его библейских толкований. Но, увы, преподаватели не замечали ее сомнений. Никто не поговорил с ней по душам на простые, житейские темы, не вызвал доверия участием, человеческим теплом. И студентка техникума шла в общину, где проповедники, не обладая образованием преподавателей, но в отличие от них, хорошо зная ее сомнения, растолковывали младшей «сестре», что противоречия эти — кажущиеся, что человек постигает только то, что позволил ему постигнуть бог, и какое же может быть противоречие между верой в творца и делом рук его? Получив такое разъяснение, девушка с просветленной душой шла на спевку молодежного хора баптистов или на собрание молодых «братьев» и «сестер».

После окончания техникума ее направили работать в город Балей Читинской области. На прощанье община подарила девушке Библию. Читай, сестра, и крепни в вере.

В Балее баптистов не оказалось. Два года Евдокия Сидоренко углубленно день за днем, месяц за месяцем изучала Библию. Добро, справедливость, истина, любовь... Она старательно выписывала в особую тетрадку все, что говорилось о них в Библии, заучивала эти тексты наизусть. Мысленно задавала себе вопросы об отношении веры к тому или иному явлению жизни и пыталась сама на эти вопросы ответить. Тренировалась в опровержении библейскими текстами различных научных положений, противоречащих религиозным взглядам. И молилась горячо, самозабвенно. Дни ее мелькали незаметно в чересполосице сводок, отчетов. К вечеру, кончив работать, наплывала непрошенная грусть, смутное ожидание какой-то перемены. Когда ее сослуживицы, поглядывая на часы, обмениваясь торопливыми фразами, что надо забрать из садика детишек, заскочить в магазин, успеть к приходу мужа приготовить ужин, одна за другой стремительно уходили, щемящая тоска скручивала ее сильнее физической боли. Но она усилием воли как бы раскручивала эту тоску, горячо, истово молилась, напрягая все силы, все самообладание.

Чем больше читала она священное писание, чем больше текстов выписывала в заветную тетрадь, тем больше обнаруживала разночтений, несоответствий и прямых противоречий. Вначале это казалось ей каким-то наваждением, дьявольскими искушениями, испытанием в вере. В такие минуты она бросала тетрадку, металась по крохотной комнатке, горячо, исступленно взывая к богу с единственным желанием вызвать знакомое ощущение «благодати». Молитвы сменяли одна другую, пока наконец истощенный болезнью и постами хрупкий организм не сдавался: ее подхватывала мягкая волна полубеспамятства. Приходило странное ощущение легкости, и ей казалось, что это душа освободилась от бренного, греховного тела и устремилась в очарованную синь, к порогу обители христовой.

Потом всегда болели виски, ныло все тело, дрожали руки, путались мысли. Но сомнения не уходили, становились все более тревожащими и пугающими. Через некоторое время она поняла, что чем больше изучает Библию, тем дальше удаляется от когда-то радостного постижения трудных истин.

Теперь она уже не мечтала открыть глаза людям. Хотя бы самой во всем разобраться!

Изнуряющее нервное напряжение во время учебы и добровольное двухлетнее затворничество начали сказываться на ее и без того незавидном здоровье. В облфинотделе к Сидоренко отнеслись с сочувствием — перевели в Читу, чтобы она могла совмещать работу с лечением.

Переезжала она с радостью. В Чите была община баптистов, и Сидоренко надеялась излечиться там и телом и душой. Думала ли она тогда, что именно Чита станет поворотным пунктом в ее религиозных исканиях? И когда во время нашей встречи я спрошу, что заставило ее порвать с религией, она ответит: жизнь.

В Чите Сидоренко поселилась у Елены Тимофеевны Тафинцевой — проповедницы местной общины. Однако надежды Евдокии Михайловны рассеять с ее помощью свои сомнения не сбылись. Девушку удивил далеко не христианский образ жизни проповедницы. В прошлом учительница, пожилая уже женщина, Тафинцева опустилась и физически, и морально. Для получения пенсии ей не хватало шести месяцев стажа, однако о работе она и не думала. Жила со взрослой дочерью на средства верующих, заставляя их не только ремонтировать свою квартиру, но и убирать ее, что вызывало раздражение даже у покорных «братьев» и «сестер». Евдокию Михайловну все это сильно поразило.

— Потом-то, когда я задумалась, вспомнила немало подобных случаев. А тогда меня как водой холодной облили.

Между тем дочь Тафинцевой подобрала ключи к чемодану Евдокии Михайловны, стала надевать ее вещи, тайком забирала у нее продукты.

Как же так, недоумевала Сидоренко, ведь сказано: не укради?

Нет, ей не было жалко ни вещей, ни продуктов! Когда имела возможность, она охотно делилась с Тафинцевыми. Но на свою скромную зарплату Евдокия Михайловна не могла прокормить троих. Однако Тафинцевым это пришлось не по душе. Если Сидоренко не предлагает — будем брать у нее сами, так, видимо, решили мать и дочь. В сознании Сидоренко появились как бы два несогласных между собой человека — один спрашивал: «Почему я, инвалид, должна кормить и одевать взрослую здоровую дочь Тафинцевой, не желающую работать? Ведь бог всем велел трудиться». А второй убеждал: «Не ропщи и не суди!»

Происходящее было настолько дико для Сидоренко, что она приняла это как испытание веры. Но испытание это затягивалось. А вскоре произошел и вовсе невероятный для нее случай.

— Я еще училась в техникуме, когда в красноярскую общину приехал уполномоченный союза баптистов по Сибири и Приморскому краю Раевский. В одной из проповедей он сказал, что посещение кино — не грех, что он сам ходит в кино. Это задело наше самое больное место: местные руководители запрещали нам вступать в профсоюз, не разрешали ходить в кино, в театр, на танцы, в библиотеки. А на вопрос одного юноши Павла Магдáлина, должен ли верующий служить в Советской Армии, Раевский ответил: «Не только должен, обязан. Это твой долг перед Родиной».

Ответ Раевского пришелся не по душе тогдашнему краевому пресвитеру Майбороде. Он сказал: «Я бы тебе, Павлик, посоветовал от этого воздержаться».

Надо отметить, что в баптистской общине последнее слово остается за местным пресвитером — пастырем «стада христова».

После отъезда Раевского местные проповедники стали распространять слухи, что он Иуда.

— А что же верующие? — спросил я Евдокию Михайловну.

— Мы тогда поверили в это.

Через некоторое время Майборода был арестован и осужден за сотрудничество с гестаповцами во время войны.

— А что же верующие?

— В наших глазах он был мучеником и страдальцем за веру. Но однажды пресвитер Торопов сказал нам: «Дорогие братья и сестры! Не молитесь за Майбороду. Он арестован не за веру, он — преступник!»

— А что же верующие?

— Моя вера была слишком сильна. Мы пришли к выводу, что когда Майборода сотрудничал с гестаповцами, он еще не был верующим...

И вот уже в Чите, разглядывая фотографии, которые привезла туда Сидоренко, две женщины узнали на одной из них Майбороду. Оказалось, что они еще до войны были в одной общине, но с сорок первого года ничего о нем не слышали. Значит, Майборода был верующим, когда сотрудничал с гестапо! Это потрясло Сидоренко. Она написала об этом в красноярскую общину.

Вопреки обыкновению, ответа на свое письмо она не получила. Более того, переписка ее с красноярской общиной на этом оборвалась. Впрочем, ей было уже не до того. Евдокию Михайловну обокрали, и не кто иной, как сама Тафинцева.

В общине поднялся переполох. Одни настаивали, чтобы Сидоренко обратилась в суд, другие, хотя и осуждали Тафинцеву, предпочитали держаться в стороне, а пресвитер предложил верующим собрать деньги и вернуть Евдокии Михайловне стоимость украденного. Сидоренко от этого отказалась. Ну а Тафинцева? Она читала проповеди как ни в чем не бывало.

— В Библии сказано: уважайте трудящихся у вас, то есть проповедников. Но за что, за что, думала я, уважать таких, как Тафинцева или Майборода? По закону Моисея их надо было побить камнями.

Раньше она проходила мимо этого. А теперь, когда доверие к пастырям рухнуло, память услужливо подавала ей один факт за другим. Она вспомнила Сидилеву, жившую с дочерью на средства верующих. Вспомнила, как мать топила Сидилевой баню, как другие верующие стирали ей белье, кололи дрова, возили из тайги сено, приносили продукты и деньги на поездки к «братьям». Вспомнила, как в Ачинске узнала, что Сидилева и местный проповедник Клесов уличены в прелюбодеянии. Так вот на какие поездки собирали верующие свои трудовые рубли! Тогда Сидилева заставила ее молчать. И она молчала, чтобы не оттолкнуть верующих от бога. Она молчала в поселке Орджоникидзе. Обличала в Чите. Но результат был один и тот же: справедливость и добро не торжествовали. Пороки загонялись вглубь — не хотим видеть, не видим, а раз не видим, значит, их нет — так, примерно, рассуждало большинство верующих. «Так где же она, истина?» — недоумевала Сидоренко. Где же тогда справедливость, где добро? Выходит, что нет у баптистов ни того, ни другого?

В 1952 году Евдокия Михайловна, больная, измученная физически и морально, в духовном разладе сама с собой, вернулась на родину, в Хакасию. Орджоникидзевская группа, которой по-прежнему руководила Сидилева, исповедовала уже пятидесятничество. Обескураженная Сидоренко, чтобы не остаться в полной изоляции, примкнула к ним.

Нет, в бога она еще верила. Но уже не верила ни проповедникам, ни пресвитерам. Да и само пятидесятничество внушало ей сильное сомнение в своей истинности. Она пыталась поделиться сомнениями с рядовыми верующими, но ее не понимали, сторонились.

— Ни изнурительные посты, ни коллективные моления пятидесятников, ни длительные молитвы наедине не принесли мне ни духовного, ни физического исцеления,— с грустью вспоминает Евдокия Михайловна.— А некоторые действия казались мне просто-напросто дикими. Например, в деревне Ракитов Ключ Идринского района местной пророчице было откровение: всем верующим необходимо сжечь имущество, чтобы оно не досталось сатане, ибо через три дня их призовет бог. И восемнадцать семей пятидесятников сожгли все, что у них было.

Прошло три дня, неделя, месяц, но, конечно же, бог никого никуда не призвал. Эта трагедия доверчивых людей сильно повлияла на Евдокию Михайловну.

— Я уже двенадцать лет исповедовала сначала баптизм, потом пятидесятничество. Мне было почти тридцать. Под ногами никакой опоры, жизнь несет, словно щепку по течению, прибивая то к одному берегу, то к другому. Я чувствовала себя разбитой физически и опустошенной духовно. За это время я не прочла ни одной светской книги, не посмотрела ни одного фильма.

В 1956 году бывшие единоверцы Сидоренко перешли уже в четвертое по счету вероучение — стали свидетелями Иеговы. Ее тоже пытались обратить в очередную «истинную» веру, но она была до того измучена, что попросила оставить ее в покое. Тогда к ней направили более опытную в этих делах Марию Николаевну Лисик. Перед встречей с Сидоренко Лисик подробно расспросила бывших единоверцев о ее характере, убеждениях и сомнениях.

К этому времени Евдокия Михайловна, отдалив себя от неверующих и уйдя от пятидесятничества, осталась наедине с собой и осколками своих, когда-то столь дорогих, а теперь рассыпавшихся истин. Если бы ее спросили тогда, какую веру она исповедует, она вряд ли смогла бы ответить что-либо определенное. В лучшем случае назвала бы себя христианкой. Да и бог уже был для нее неким абстрактным понятием, в котором сосредоточилась ее потребность в справедливости, истине, добре, любви, короче, в тех необходимейших свойствах, без которых жизнь теряет свой смысл. Она уже слишком хорошо знала Библию, многие ее несоот-

ветствия и противоречия, слишком много слышала ее толкований — простодушных, казуистических, лукавых, аллегорических и других, чтобы не понимать, что эта «священная» книга создана отнюдь не по наитию святого духа.

Неприметно, монотонно и серо шли день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Отгороженная от всего мира, замкнутая, настороженно относящаяся и к реальной жизни, и к проповедям «братьев» и «сестер» по вере Сидоренко разнообразила свое существование только привычными молитвами и постами, столь же привычными посещениями врачей да еще неотступными, навязчивыми размышлениями о жизни и вере. Но где-то в дальнем углу ее изболевшейся души еще тлела искра все той же надежды, что однажды что-то произойдет, что все враз переменится — и тогда она вновь постигнет смысл этой жизни (в небесную она уже не верила), вновь обретет свои утраченные истины. И потому после нескольких встреч с Лисик, как бы случайных, Сидоренко неожиданно для себя потянулась к ней. Потекли долгие беседы о жизни, о Библии. Евдокию Михайловну поразило, что Лисик сразу же согласилась, что земля вечна, что нет никакого небесного рая. Правда, Лисик считала, что рай будет на земле — в нем-то и будут обитать праведники. Для Сидоренко это было неожиданно. Отвергнув рай на небе, она не додумалась поместить его на землю. Не очень убедительными показались ей ответы Лисик на вопросы о противоречиях Библии. Но все это сейчас имело для нее второстепенное значение. Ей показалось, что она вновь обрела опору в жизни.

Образование и отличное знание Библии, целеустремленность и выработавшаяся уже привычка к анализу сразу же выделили ее среди свидетелей Иеговы. Она быстро разобралась в особенностях вероучения. Вскоре ее назначили «слугой» (руководителем) кружка.

Но не нашла Сидоренко утраченных истин и у свидетелей Иеговы. Прошло какое-то время. И с жалостью стала смотреть она на верующих, всерьез воспринимавших наставления и пояснения своих пастырей. Сами же «слуги» все больше вызывали у нее протест и даже отвращение. Перед ней прошла целая вереница их — откровенно хищных и отчаянно трусливых, изощренно лицемерных и простодушно забредших сюда в своих религиозных исканиях. Она чувствовала, как рушится в ней то немногое, что оставалось,— вера в бога как в идеал, как в высшую справедливость.

Встречаясь со своими руководителями, Сидоренко не раз отмечала про себя, что они, как правило, люди начитанные. Однако рядовым верующим и даже Евдокии Михайловне внушали, что чтение любой светской литературы — большой грех. Но если руководители не боятся этого греха, то почему должна бояться она?

Так в руки Евдокии Михайловне попала книга «Правда о религии». К своему удивлению она нашла в ней простые и ясные ответы на многие свои вопросы и сомнения, которые не могли разрешить ни баптисты, ни пятидесятники, ни свидетели Иеговы. В конце книги была просьба присылать отзывы в издательство. Сидоренко написала короткое письмо, сообщив, что она верующая, и попросила помочь достать атеистическую литературу. Ей ответили теплым письмом, прислали адреса магазинов «книга—почтой». Вскоре из Москвы и Ленинграда Евдокия Михайловна получила шесть посылок с литературой, выписала журналы.

Руководители свидетелей Иеговы почувствовали, что она ослабила свою миссионерскую деятельность. К ней направляли курьеров с приказом уйти с работы. Она отказалась. Три месяца жил у нее специальный уполномоченный, ведя наблюдение за ней и одновременно пытаясь укрепить ее в вере. От нее вновь потребовали уйти с работы. Она опять отказалась и написала руководителям письмо о своем разрыве со свидетелями Иеговы. Ее уговаривали, пугали, к ней вновь и вновь направляли людей. Но она не отступила. Это был не каприз, не жест, не обида. Это было отречение! 15 лет искала она в религиозных учениях истину, добро, справедливость. Искала — и не нашла. Потому что они — истины бытия — заключены в реальной, земной жизни. В каждом ее дне. Терпком и радостном. В каждом часе. Так считает теперь Евдокия Михайловна Сидоренко.

Сейчас она живет в селе Боград — одном из районных центров Хакасской автономной области. Работает, как и прежде, в отделе финансов райисполкома. По-прежнему по вечерам любит раскрыть Библию, перечитать тот или иной отрывок. Но теперь рядом с Библией стоят Кант и Фейербах, Гегель и Вольтер, Маркс, Энгельс, Ленин, Луначарский... Евдокия Михайловна старается наверстать упущенное. Ее искренние, взволнованные слова звучат со страниц областных и краевых газет, с трибун атеистических конференций и семинаров. Звучат как исповедь, как раскаяние, как предостережение тем, кто надеется найти в религии трудные истины бытия.

Письма читателей

ПАРОВОЗ ПЕТРА КРИВОНОСА

В вашем журнале № 11 за 1975 год опубликован очерк А. Шамаро «Путь паровоза славен», в котором рассказывается о паровозах-героях, паровозах-тружениках.

У нас в Славянском депо Донецкой железной дороги на постамент навечно поставлен паровоз серии ЭУ 684-37, на котором 1 июля 1935 года машинист депо Славянск Петр Федорович Кривонос (ныне начальник Юго-Западной железной дороги) на перегоне Славянск—Лозовая проделал первый ускоренный рейс, давший начало ударному, стахановскому труду на железнодорожном транспорте нашей страны.

Пусть этот паровоз-труженик, паровоз серии ЭУ 684-37, встанет в строй рядом с паровозами, о которых говорилось на страницах журнала. Пусть читатели узнают о нем: он этого заслуживает.

С уважением Н. БЕЛОЗЕРОВ

Пос. Андреевка
Славянского района
Донецкой области

КИНОЛЕКТОРИЙ В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

В селах Могилев-Подольского района Винницкой области действует научно-атеистический кинолекторий, организованный горкомом партии, местной организацией общества «Знание» и дирекцией киносети. В его программе — лекции, ответы на вопросы, демонстрация кинофильмов по научно-атеистической тематике. В клубах экспонируются выставки-обзоры научно-атеистической литературы.

В. ГОЛЬДМАН

РУКА ОБ РУКУ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

В. ЧЕРНЯК,
доктор философских наук

ПРЕОДОЛЕНИЕ религиозности женщин — проблема прежде всего социальная. И именно из этого следует исходить при выработке форм и методов атеистической работы. Здесь большую помощь могут оказать конкретно-социологические исследования.

Такие исследования были проведены в 1965—1966 и повторно в 1971—1972 годах в Алма-Ате на домостроительном комбинате (АДК) и на ряде предприятий легкой промышленности. Они позволили выявить некоторые интересные закономерности. Так, занятые в производстве женщины, хотя существенно и не отличаются от мужчин по образовательному уровню, однако на некоторых предприятиях имеют более низкий средний квалификационный разряд, меньше участвуют в движении рационализаторов. И это не удивительно: трудно повышать образование и квалификацию женщинам (особенно семейным), ведь они больше, чем мужчины, заняты домашними делами, уходом за детьми. Влияют и перерывы в работе (по беременности и родам, из-за болезни детей и т. д.).

В ряде анкет можно было прочитать:«Не посещаю политзанятий по семейным обстоятельствам», «Все свободное время у меня занято домашней работой», «Нет времени заниматься общественной работой», «Занята по дому самообслуживанием», «Очень хочется заниматься общественной работой, не вижу смысла жизни без нее. Но живу далеко (за 20 км от места работы)».

Все это не может не отражаться и на мировоззренческом уровне женщин. Как показали исследования, среди работниц убежденных атеисток значительно меньше (на 15 процентов). Примерно одинаково в обеих группах количество безразлично относящихся к религии (до 38 процентов). Однако на некоторых предприятиях (в частности, на АДК) среди одобряющих религию женщин почти в два раза больше, чем мужчин.

Процесс преодоления религии весьма сложен. Повторные исследования в 1972 году показали, что хотя количество женщин, одобрительно относящихся к религии, и уменьшилось по сравнению с 1966 годом, однако не везде при этом устойчиво возросло количество неверующих, а тем более убежденных атеистов; весьма значителен процент безразличных. Проанализировав эти факты, мы сделали вывод: надо не только вести атеистическую работу с верующими, но и более активно формировать материалистическое мировоззрение у тех, кто безразлично относится к религии, а у неверующих — укреплять атеистические убеждения. При этом следует в первую очередь разъяснять вред религии, ее несовместимость с наукой, с социальным прогрессом, со всесторонним развитием человека.

Чтобы формировать материалистическое мировоззрение у женщин, в первую очередь необходимо повысить их образовательный уровень. А это возможно только при более целесообразном использовании свободного времени. Наряду с ответами: «Буду учиться дальше обязательно» — в целом стремление повышать свой образовательный уровень у женщин выражено гораздо слабее, чем у мужчин: работниц, собирающихся учиться, примерно в полтора раза меньше. Причина все та же: перегруженность домашними делами. Это отметили от 23 до 26 процентов опрошенных женщин (и только 15—18 процентов мужчин). В результате женщины менее активно участвуют в общественной работе, нерегулярно читают газеты, естественнонаучную и общественно-политическую литературу. Все это, безусловно, снижает возможности их интенсивного мировоззренческого роста.

В ходе исследований была выявлена такая любопытная закономерность. Показатели культурно-идеологического уровня женщин в разных коллективах и отраслях производства различны. Это в значительной мере объясняется содержанием их работы. Например, в легкой промышленности женщины заняты на ведущих производственных операциях, соответственно выше их квалификация, ответственность и престиж, что в свою очередь сказывается и на их культурно-идеологическом уровне. А там, где они выполняют подсобные работы и те, которые не требуют высокой квалификации, наблюдается и более низкий культурно-идеологический уровень.

Атеисты-практики Казахстана внимательно изучили данные, полученные в ходе исследований. Выводы ученых-социологов позволили организовать воспитательную работу на научной основе и тем самым сделать ее более результативной. В республике есть немало примеров, когда атеисты помогают верующим отойти от религии. Например, работница домостроительного комбината Лидия Дыкау на страницах многотиражной газеты «Домостроитель» рассказала о том, как комсомольцы предприятия помогли ей найти свое место в жизни.

Как показали исследования, у большинства опрошенных женщин остается очень мало свободного времени на самообразование, чтение литературы. Это обстоятельство учитывают пропагандисты при выборе форм воспитательной работы. На алма-атинской швейной фабрике имени Гагарина чтения художественной литературы организованы прямо в цехах. Здесь же проводятся читательские конференции, литературные диспуты, обсуждения кинофильмов. Ведется атеистическая работа и по месту жительства. На Многоводной улице Алма-Аты действует лекторий для женщин. Атеисты посещают семьи верующих, особенно те, в которых есть дети, беседуют с родителями; особое внимание обращают на женщин пожилого возраста — бабушек, пенсионерок. Ведь они, будучи зачастую вне сферы идеологического воздействия, сами оказывают значительное влияние на детей и внуков.

Таких же принципов в своей работе придерживается и секция атеистов при кабинете политического просвещения в городе Талгаре Алма-Атинской области. Ее возглавляет Мария Николаевна Саратова. Учителя, медицинские работники, пенсионеры дают консультации, проводят беседы с юношами и девушками, которые собираются венчаться, разъясняют молодым родителям вред крещения. С помощью общественности организуют празднование семейных событий по новым советским обрядам.

Пользуются популярностью и домашние лектории. В непринужденной обстановке собеседники

ведут себя более свободно, без стеснения задают вопросы, спорят. Пропагандисты приносят книги и газеты тем, кто не может сам прийти в библиотеку. Школьники дают концерты художественной самодеятельности. Хозяева обычно радушно принимают гостей: убирают двор, расставляют скамейки, приглашают соседей. Сначала проводится небольшая беседа, затем дети декламируют, поют, танцуют. Женщинам нравятся такие мероприятия, заявки на них поступают из многих домов.

Талгарские атеисты помогают жителям и в решении некоторых бытовых проблем. В результате умелой работы многие верующие пересматривают свои взгляды. Например, перестали ходить в церковь семьи Троновых, Кириченко, Масягиных, Маслацовых, Шиловых.

Внимательно изучив материалы социологических исследований, мы пришли к выводу, что воспитательная работа среди женщин должна непременно сочетаться с решением таких важных вопросов, как улучшение их трудоустройства, расширение сети бытовых предприятий, внедрение прогрессивных форм бытового обслуживания и снабжения, увеличение количества яслей и детских садов, школ продленного дня, интернатов. И атеисты не должны оставаться в стороне от этих дел. Естественно, что беседы и лекции для женщин имеют свои особенности. Наши пропагандисты комментируют содержащиеся в Библии, Коране, Талмуде тексты о семье, браке и воспитании, суть которых в том, что женщина должна быть покорной и пассивной, показывают, что и в современных условиях священнослужители, хотя и в завуалированной форме, проповедуют те же идеи.

Скоро будет проведен третий тур конкретно-социологических исследований. Это позволит выявить динамику женской религиозности за прошедшие годы. Казахстанские атеисты получат новые материалы для дальнейшей плодотворной работы.

г. Алма-Ата

НОВЫЙ ПОДХОД К СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ

И. ТИНЯКОВА,
кандидат философских наук

В течение многих веков христианская религия демонстрировала свое неизменно враждебное отношение к женщине. Церковь не признавала ее как личность, как равноправного члена общества и семьи. Специальный церковный собор был созван в 585 году, чтобы решить, человек ли женщина и есть ли у нее душа. Святые отцы решили этот вопрос положительно большинством лишь в один голос.

Во времена средневековья появилась обширная «женоненавистническая» литература, где презрение к женщине обосновывалось ссылками на священное писание.

Папа римский Иннокентий VIII издал специальную буллу «Об искоренении связи дьявола с женщиной» и благословил инквизиторов на беспощадную расправу с ведьмами в Германии. Десятки тысяч женщин, обвиненных в ведовстве, были сожжены на кострах. По поводу этих страшных злодеяний церкви К. Маркс писал: «В средние века католическое духовенство, в силу своего мрачного взгляда на человеческую природу, который оно, благодаря своему влиянию, внесло в уголовное законодательство, создало больше преступлений, чем отпустило грехов» [1].

И новые, да и в новейшие времена христианская церковь не торопилась пересматривать свою позицию в этом вопросе. Откровенное женоненавистничество сменилось упорным сопротивлением эмансипации. Написаны сотни трактатов, доказывающих, что женщина не способна заниматься общественной и научной деятельностью. «Как область женщины — семья, так область деятельности мужчины общественные занятия... Успешно могут действовать каждый только в своей области. Такова уже природа мужчины и женщины», — так писали православные богословы в конце XIX — начале XX века. И даже сейчас в папских посланиях утверждается, что женщина по своей природе продолжательница рода человеческого и предназначена лишь для выполнения сугубо домашних обязанностей. Папская энциклика «Гуманэ витэ» (1968 г.) также проводит эту идею, объявленный ею запрет предотвращать и прерывать беременность навязывает женщине постоянное деторождение, тем самым обрекая ее на затворничество, полную зависимость от мужа.

Коренные перемены в общественном положении женщин социалистических стран и борьба женщин за политическое равноправие в странах капитала вынуждают христианских иерархов вносить коррективы в традиционное учение о женщине, приспосабливать его к условиям сегодняшнего дня. Уже невозможно открыто проповедовать неравенство женщины в обществе, говорить о ее неполноценности как человека, ведь это может оттолкнуть верующих (большинство их — женщины).

Естественно, что в современных условиях христианские богословы пытаются, не затрагивая основ вероучения, каким-то образом переосмыслить, перетолковать те положения религии, которые имели в течение многих веков ярко выраженную женоненавистническую направленность. В первую очередь эти попытки относятся к идее первородного греха.

В несколько ином освещении, чем прежде, предстает на страницах религиозных изданий христианская идея о виновности женщины в первородном грехе: «Грехопадение прародителей лишило их райского блаженства, принесло им и всему роду человеческому болезни и смерть...» Все чаще богословы пишут, что «грех внес в мир Адам». На первый план настойчиво выдвигается роль женщины — избавительницы человечества: «Родится от жены избавитель, который избавит людей от власти дьявола, спасет от греха и смерти вечной и возвратит им утерянное вечное блаженство» (ЖМП, 1975, № 3, стр. 33).

Любыми средствами удержать

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 516.

женщину в сфере влияния религии — эта задача заставляет Ватикан пересматривать свою тактику. Так, письмо-трактат папы Павла VI «Супружеские пары и семьи в обществе нашего дня» (1972 г.) определяет положение супругов в семье как совершенно равноправное. Брак — это «творческая активность, свобода, личное отношение между двумя друг друга дополняющими существами», а семейный очаг — «благоприятное место, где могут устанавливаться одинаковые и плодотворные отношения между лицами». Эти высказывания звучат особенно красноречиво, если вспомнить, что еще в 1965 году на II Ватиканском соборе было подтверждено традиционное положение о подчинении жены мужу, о неравенстве супругов.

Католическая церковь не отошла пока от своих установлений ни в отношении развода, ни в отношении целибата — закона о безбрачии духовенства. Однако первая проблема в Италии была решена самим населением — и не в пользу церкви: референдум в мае 1974 года одобрил закон о разводе, принятый парламентом. Сейчас католические иерархи поставлены перед новой проблемой — «религиозным» будущим женщины, то есть ее положением в самой церкви[2].

Идеологи современного протестантизма также вынуждены по-новому трактовать такие вопросы, как равноправие женщины, ее роль в семье и обществе и т. д. В статье «Священное писание о браке и разводе», опубликованной в «Братском вестнике» № 5 за 1973 год, говорится: «Брак есть союз равных. Первый брак на земле, Адама и Евы, был браком равных. Но мы встречаем в Библии много выражений, которые как бы противоречат равенству в браке мужа и жены... «Он (муж) будет господствовать над тобою».

И далее автор пытается переосмыслить поучения, которые веками служили идейным оправданием рабства женщины в семье. Оказывается, «здесь говорится о повиновении любви, которая не спрашивает, кто первый и кто последний». Журнал пишет: «Мужчина более силен физически и потому должен быть покровителем жены, а также вождем ее». Далее приводятся слова апостола Петра о том, что мужья должны «обращаться благоразумно с женами, как с немощнейшими сосудами, оказывая им честь как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было препятствия в молитвах». Однако легко можно заметить, что во всех этих рассуждениях речь идет лишь о равенстве мужчины и женщины в служении богу, в молитвенном труде, в стремлении заслужить райское блаженство. И нет ни слова о равенстве в обществе.

Осовременивание библейских постулатов характерно и для обновленческого курса православия. Правда, православные богословы в оценке роли богоматери не идут так далеко, как католические, и это является одним из пунктов их вероучительных расхождений. И хотя обе «церкви одинаково хранят предание о телесном приятии девы Марии в небесную славу», модернистские тенденции в православии в отношении к женщине значительно слабее: протоиерей Мудьюгин, например, решительно отвергает догмат и о «телесном приятии» девы Марии в небесную славу. Он утверждает ее «совершенную человечность», а следовательно, и греховность, наряду с другими людьми[3].

В своей идеологии и культовой практике церковь веками оправдывала и освящала исторически сложившееся неравноправие женщины в семье и в обществе, возводя его в ранг божьего установления. Ссылаясь на библейский миф о сотворении Евы, она утверждала, что женщина не способна быть самостоятельной личностью, ибо сотворена для мужчины как его «помощница». Сегодня православные теологи пытаются по-иному истолковать этот миф: «Но только существо одной с человеком природы могло быть «помощником подобным ему»... «Женщина не ниже мужчины, потому что любовь требует равенства, и только любовь и могла возжелать этого первозданного разделения, источника всего многоразличия человеческого рода»[4].

Можно ли на основании многочисленных примеров считать, что церковь отказывается полностью от своих прошлых воззрений? Богословы уходят от прямого ответа на этот вопрос, переводя его в плоскость теоретических рассуждений о «грехопадении человека» и «разделении по полу». При этом православные богословы, в частности, обращаются к трудам известного православного богослова Лосского, пытаясь в них найти убедительные аргументы для обоснования своего модернистского курса. На страницах «Богословских трудов» появляются написанные много лет тому назад работы «Очерк мистического богословия Восточной церкви» и «Догматическое богословие». Издалека подходя к трудной теме, Вл. Лосский так трактует идею первородного греха: «Когда Ева видит, что дерево прекрасно, появляется некая ценность вне Бога. «Вы будете как боги», — говорит змий... Плод съеден, и грех развивается несколькими этапами... Адам, вместо того, чтобы с воплем ужаса броситься к своему создателю, обвиняет жену... Так человек отказывается от своей ответственности, перекладывает ее на жену и, в конечном счете, на самого Бога...»[5]. Здесь очевидна попытка всячески запутать традиционное обвинение женщины в первородном грехе и перенести его в область рассуждений о добре и зле, свободе и ответственности.

Однако дальнейшие рассуждения Вл. Лосского неминуемо заходят в тупик. Ева, по его мнению, новая человеческая личность, которая дополняла природу Адама, была той же природой, той же плотью, «кость от кости его и плоть от плоти его». Только грехопадение сделало их индивидуальными существами, двумя отдельными природами. Разделение людей по полу, считает Лосский, отрицательное явление, бедствие, постигшее первого человека, не сумевшего вступить в «совершенный» союз с богом, искажение, ухудшение «природы человека», а отсюда: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Как видим, Вл. Лосский, а вместе с ним и популяризирующие его труды сегодня православные богословы, возвращаются к первоначальным библейским постулатам и традиционным установлениям о подчиненном положении женщины.

Таковы многочисленные попытки христианской церкви приспособиться к духу времени. Они обусловлены в первую очередь конъюнктурными соображениями: боязнь утратить паству заставляет по-новому решать старую проблему. Какие бы объяснения и оправдания при этом ни приводились, главная причина, которую старательно замалчивают идеологи церкви, это глубокий кризис религии, выход из которого они ищут.

---

[2] Подробнее об этом см. в нашем журнале статьи Э. Булацевой «Под гнетом предрассудков» (1975, № 6) и Т. Благовой «Женское движение» и Ватикан» (1975, № 12).
[3] См.: «Богословские труды», сб. 10, 1973, стр. 88.
[4] «Богословские труды», сб. 8, 1972, стр. 155.
[5] Там же, стр. 162.

ЕВА и БОГОРОДИЦА

Ф. НИКИТИНА,
кандидат философских наук

ДОЧЕРИ ЕВЫ

Составленная из текстов, создававшихся в течение веков многими авторами, Библия содержит в себе немало противоречивых утверждений относительно места в обществе, роли и предназначения женщины. Есть в ней места, которые могут быть истолкованы и как признание равноправия мужчин и женщин, например: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание Павла к галатам, гл. 3, ст. 28). Однако здесь провозглашено всего лишь равное право на веру и спасение на том свете. Главным же всегда был тезис: каждая женщина есть дочь оступившейся Евы, созданной из ребра Адама, поэтому она, так сказать, существо второго сорта и должна безропотно повиноваться мужчине, смиренно сносить от него унижения и оскорбления.

Ссылаясь на библейский миф, церковные теоретики в течение веков учили: бог создал людей для вечной радости и блаженства; он дал им разум и свободную волю, однако Ева злоупотребила дарованной творцом свободой — поддалась на происки дьявола — змея-искусителя. Грех женщины повлек за собой «прегрешение» Адама и последующую «порчу» всего человеческого рода, его дальнейшие беды и страдания.

Итак, все дело в своеволии первой женщины. Но почему всемогущий творец не предотвратил «преступления» женщины, не проявил той безграничной прозорливости и благости, которую в нем усматривают и на все лады прославляют церковники? Еще французские мыслители XVIII века подметили детскую наивность библейской сказки о грехопадении и указывали на многочисленные вытекающие из нее неразрешимые противоречия.

Для подкрепления женоненавистничества православные богословы повторяли слова известного христианского апологета II—III веков нашей эры Тертуллиана: «Всякая жена не может не сознать в лице своем первопреступной ЕВЫ... Наказание первой жены не перестает лежать на всем ее поле, который по сему как будто не может не участвовать и в ее преступлении. Несчастная жена! Ты была так сказать дверью для дьявола, ты получила от него для нашей гибели запрещенный плод, ты первая возмутилась против творца твоего, ты соблазнила того, на кого дьявол не смел напасть, ты изгладила в человеке лучшие черты божества...» [1].

В царской России в проповедях, поучениях и наставлениях священнослужители призывали женщин безропотно повиноваться власть имущим, мужу и этому учить своих детей. По указанию святейшего синода была издана и распространялась лубочная картинка по мотивам «слова» (проповеди) христианского богослова IV века Иоанна Златоуста «О злых женах», наполненного самыми гнусными обвинениями против женщин.

Современные церковные идеологи превозносят Иннокентия, бывшего архиепископом херсонским и таврическим в 50-х годах прошлого века. В духовных академиях защищают диссертации, посвященные его деятельности. Но этот «русский Златоуст» и пальцем не пошевелил, чтобы пресечь истязания женщин в подведомственной ему епархии. В то время, когда блистательный богослов читал свои проповеди о любви к ближнему, помещик Херсонской губернии Карцов зверски избивал крестьянок, надевал им на шею железные ошейники, приковывал несчастных на ночь цепью за ногу к столбу.

Карцов не был исключением. Незадолго до отмены крепостного права в Саратовской губернии другой помещик в наказание ставил женщин-крестьянок на горячие сковороды. В Минской губернии сажали обнаженных «девок» на лед. В Рязанской губернии в ходу был «щекобит» — специальное приспособление для битья женщин по щекам. И церковь не обращала на это никакого внимания. В тех же крайне редких случаях, когда священников привлекали к следственным делам в качестве свидетелей, они всегда были на стороне власть имущих. Так, священник Ящинский, привлеченный по делу помещика Страшинского, насиловавшего крестьянок, в том числе и малолетних, отказался давать показания, хотя хорошо знал об этих преступлениях.

В тюрьмах многих женских монастырей томились женщины, протестовавшие против унижения их человеческого достоинства.

Церковь отвергала всякие попытки смягчить приниженное положение женщин. Московский митрополит Филарет (Дроздов), провозглашенный ныне православными идеологами радетелем русского народа, самым категорическим образом отверг проект закона против жестокого обращения мужей с женами. Он заявил обер-прокурору синода: «Глава семейства должен быть самодержавен в семействе. Но, что будет с его властью, если тогда, как он виновной жене погрозит рукою, она будет отвечать ему, что посадит его в монастырь или в тюрьму?» [2].

Филарет решительно выступил против просвещения женщин. Наполнять училища девочками, говорил он, не излишнее ли усилие? Будет ли хорошо, когда жена будет считать себя ученее мужа? Православные деятели считали, что распространение грамотности среди женщин опасно для престижа церкви. Оно привлечет женщин к «мирскому», снизит авторитет религии. Сама мысль о равных правах в обучении мужчин и женщин казалась подрывом религиозных установлений о греховности Евы и всего женского рода.

В статье «О женщине» А. М. Горький писал: «Христианская церковь две тысячи лет служила источником, из которого черпались оправдания правового и экономического ограничения женщин». «Взгляды на нее как виновницу изгнания мужчины из рая, как на «сосуд греховный» и «соблазн мира» из церкви переходят в быт. На бесчисленных пословицах и поговорках, которые шельмуют женщину, советуют относиться к ней с недоверием, бить ее, совершенно неоспоримо отражено влияние церкви: «Женою и Адам из рая изгнан», «Жена и Олофер-

[1] «Творения Тертуллиана», ч. II, изд. 2. СПб., 1849, стр. 162—163.
[2] «Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского», т. V, ч. 2. М., 1888, стр. 754.

ну голову отсекла», «Жену содержи в страхе, наказывать не скупись»,— советует Ефрем Сирин, а быт переводит это на свой язык: «Бей жену чаще, любить будет слаще» [3].

ЖЕРТВЫ МРАКОБЕСИЯ

Религиозная концепция изначальной испорченности женщин и их ответственности за «прегрешения» Евы подкреплялась идеей о стремлении женщин к союзу с нечистой силой во имя удовлетворения низменных плотских желаний. И на Западе, и в России в средние века многие женщины стали жертвами обвинений в колдовстве. Их обвиняли в том, что они портят погоду, посевы, насылают болезни.

В XVII веке при царе Алексее Михайловиче вышел указ-инструкция: женщин, «замеченных в колдовстве», заживо сжигать в деревянных срубах. Так погибли многие активные участницы революционных народных выступлений, в том числе сподвижница Разина крестьянка из-под Арзамаса Алена.

Ведовские процессы имели место в России даже в XIX веке. Примечательно, что начинались они иногда по доносам священнослужителей. В апреле 1861 года по заявлению священника Венедикта (Донцова) велось следствие по делу молодой крестьянки Федосьи Букреевой, будто бы «напустившей порчу» на односельчан. Только заключение компетентной медицинской комиссии, установившей истерический характер возникших в селе заболеваний, спасло женщину от расправы.

Передовые русские врачи в середине XIX века разоблачали измышления служителей культа о «колдуньях» и «ведьмах», но на страницах церковных журналов продолжали публиковаться призывы выслеживать и наказывать «ведьм» и «чародеек».

ПРОТЕСТ ЖЕНЩИН

Несмотря на все старания, богословам не удалось задушить стремление женщин к равноправию. Униженные и забитые, позабыв проповеди священников о смирении, не боясь божеских кар, вместе с мужьями, братьями и отцами поднимались они на борьбу с угнетателями. Протест крестьянок против собственного бесправного положения сливался с протестом против крепостного права. Иногда он приобретал явную антиклерикальную направленность.

Поразительный героизм проявили женщины во время крестьянского выступления в Киевской губернии в 1855 году. Возмущение охватило свыше 500 сел. Бросив работу и домашние дела, с малыми детьми женщины шли к церквам, где собирались мужчины в ожидании, когда будет объявлена воля. Они отказывались слушать увещания священников. Участвовавший в подавлении крестьянских волнений капитан А. Михель свидетельствовал: «Упорнее всех оказывался женский пол: на него не действовали ни угрозы, ни убеждения» [4].

Женщины посылали мужчин из села в село на поиски царского указа, бранили нерешительных и колеблющихся, а детям говорили: «Смотрите и запомните, как воля добывалась». Они, сжав зубы, хоронили убитых, перевязывали раны тем, в кого стреляли прибывшие каратели. Гнев крестьян обращался против служителей культа. В селе Корниловка женщины стащили со священника рясу, облили его водой, избили. В селе Кичиницы они кидали в священнослужителя землю, щепки, плевали в его сторону. Борясь плечом к плечу с мужчинами против рясоносных крепостников, крестьянки делом доказывали несостоятельность богословских измышлений о

Церковная хромолитография, изображающая греховную женщину — «сосуд дьявольский и соблазн мира». Висела в начале XX века в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Сейчас находится в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде.

женской неполноценности, заявляли о своих равных правах с мужчинами.

Русские революционеры-демократы во главе с Н. Г. Чернышевским на страницах «Современника» решительно осудили отношение христианства к женщинам, разоблачили миф о том, будто религия для женщин — великое благо. Соратник Н. Г. Чернышевского М. Л. Михайлов в статьях «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Уважение к женщинам» и других рассмотрел положение женщин, освящаемое религиозными установлениями, показал полную несостоятельность последних. Не имея возможности открыто выступить против православных идеологов, он критиковал позицию христианских богословов других направлений за то, что они «закрепляют на женщине оковы рабства».

ОТ ЕВЫ К БОГОРОДИЦЕ

В течение многих веков христианство создавало свой идеал женщины — тихой, богобоязненной, слепо следующей религиозным установкам о смирении и покорности. Дочерям порочной Евы указывался единственный способ спасения: следовать путем мучениц, подвижниц и в терпении черпать надежду на загробное блаженство. Им рекомендовалось искать поддержку у «небесных заступников» — у святых, а особенно у божьей матери.

Культ богородицы был широко распространен

---

[3] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 25. М., 1953, стр. 154—155.

[4] А. М. Киевские беспорядки. «Исторический вестник», 1897, № 3, стр. 991.

в дореволюционной России. Бесправные, темные, забитые женщины видели в богородице заступницу. И это всячески поддерживалось православием. Богородице посвящались специальные праздники, иконы. В России было около 300 образцов богородичных икон. Почти все они имели свое специальное назначение, «выполняли» определенные функции: утешения, исцеления, избавления от всяческих бед и напастей. Об этом говорит само название икон: «В скорбях и печалях утешение», «Нечаянная радость», «Избавительница», «Споручница грешных», «Милующая», «Умягчение злых сердец» и т. д. Считалось, к примеру, что «Скорбящая богоматерь» избавляет от мук и болезней, «Неопалимая купина» охраняет от пожаров, «Взыскание погибших» спасает от холеры, «Калужская» — от моровой язвы, «Спорительница хлебов» способствует урожаю.

Пробуждение женщин, усиление в конце XIX века их борьбы за свои права привели к тому, что отдельные богословы стали смягчать санкционированную церковью идею их второсортности. В начале 80-х годов в одной из публичных лекций на тему «Женщина вне христианства и в христианстве» священник А. Смирнов заявлял, будто христианство подняло женщин «в глазах всего мира на высшую ступень достоинства» [5]. Он умалчивал о многовековых стараниях церкви доказать «низменность» женской натуры, об упорном нежелании церковных иерархов хоть сколько-нибудь облегчить положение женщин в семье и обществе. Вынужденный признать «ненормальность положения» женщин, Смирнов утверждал, что оно сложилось не с помощью христианства, а вопреки ему. Игнорируя факты, богослов говорил: «Христианство установило равенство мужчин и женщин». И приводил «доказательства», которые брались не из жизни — в жизни такого не бывало,— а из евангельских рассказов. Христос, напоминал священник, уличал фарисеев в притеснении женщин-вдов, жалел и ободрял падших женщин, заботился о своей матери и т. п. А потому, мол, и женщины с восторгом принимали христианские идеи. При этом священное писание толковалось им весьма односторонне: ведь евангельские «заботы» Христа о женщинах соседствуют с утверждениями Нового завета о порочности женщин, примерами унизительного обращения библейских персонажей со своими женами, сестрами, матерями.

Фальсифицируя установки религии, священник Смирнов фальсифицировал и действительное положение женщин при царизме. По его мнению, именно в России женщины были свободны и равноправны, имели, в частности, равные права с мужчиной в наследовании имущества, в обучении грамоте. А большего, дескать, и не нужно. Напуганный ростом женского самосознания, богослов объявлял вредным стремление женщин к равным с мужчинами правам в общественной жизни.

Октябрьская революция коренным образом изменила положение женщин. Вопреки воле церковников они стали равноправными гражданами нового общества. Женщины социалистического государства на равных правах с мужчинами получают образование, самоотверженно трудятся на производстве, участвуют в общественной и культурной жизни страны. Почетом, уважением и заботой окружена у нас женщина-мать.

Все это вынуждает церковь пересматривать собственные позиции. В послевоенные годы богословы не раз заявляли о том, что православие-де всегда было за социальное равенство мужчин и женщин. А если, мол, до революции русская православная церковь не поднимала этого вопроса, то лишь потому, что вообще была равнодушна к общественным проблемам. При этом у религиозных идеологов проскальзывала мысль: церковь не может нести ответственность за прошлые ошибки отдельных своих иерархов, в том числе и в вопросе отношения к женщинам. Несостоятельность подобных утверждений в комментариях не нуждается.

В последнее десятилетие отношение религии к женщинам пересматривается еще более существенно. Линия богословов такова: использовать на пользу церкви возросшую социальную активность женщин, создав иллюзию, будто только в лоне религии они могут удовлетворить свои духовные потребности. Ради этого и подновляется устаревший идеологический арсенал.

Если в прошлом социальная инициатива женщин церковью осуждалась, считалась проявлением извечной греховности дочерей Евы, то сейчас религиозные идеологи меняют тон. Так, профессор богословия Ветелев утверждает, что за «грехопадение» несет ответственность не только женщина, Ева, но и ее муж — Адам [6]. В недавно появившейся на страницах «Журнала Московской патриархии» статье «Женщина в христианстве» кандидат богословия Г. Троицкий подчеркивает, что «женщина так же, как и мужчина, создана по образу божию и одарена всеми способностями и стремлениями» [7].

«Реабилитировав» Еву, церковные идеологи делают упор на то, что женщина прежде всего — наследница лучшей из женщин — богоматери.

Меняется и традиционное представление о деве Марии. В истолковании нынешних православных богословов богоматерь — это не просто «высочайшее из всех тварных существ». Жизнь богородицы представляется своего рода деятельным подвигом женщины, которая с готовностью выполнила божеское решение — стала матерью Христа и таким путем активно способствовала спасению человечества[8].

Подчеркивание деятельного начала в богородице служит тому, чтобы объявить активность характерной особенностью женщин-христианок, призвать к ней всех верующих. «Русская женщина-христианка,— пишет Г. Троицкий,— всегда деятельно участвовала в общественном служении, и русская православная церковь ценила и ценит ее деятельность». Заметим: «общественное служение» для богословов это прежде всего служение церкви, участие в религиозной жизни общины.

Перенос акцента при решении женского вопроса с греховности оступившейся Евы на активную праведность богородицы, по расчетам служителей культа, должен повысить авторитет религии в глазах женщин, принимающих участие в общественной жизни, ибо этому участию богословы дают религиозную санкцию. В то же самое время, это своеобразный учет недостатков нашей воспитательной работы. Ведь из поля зрения общественности нередко выпадают домашние хозяйки и пенсионерки, у которых ослаблены связи с трудовыми коллективами. На них-то и рассчитывают служители культа, и небезрезультатно. «В настоящее время,— с удовлетворением констатирует «Журнал Московской патриархии»,— женщины часто выполняют различные церковные послушания: поют и читают в храме, ведут

---

[5] А. Смирнов. Женщина вне христианства и в христианстве. М., 1882, стр. 26.
[6] См.: «Журнал Московской патриархии», 1974, № 11, стр. 70.
[7] «Журнал Московской патриархии», 1975, № 9, стр. 33.
[8] См.: В. Д. Сарычев. О почитании божьей матери. «Богословские труды», вып. 11, 1973.

церковное хозяйство, участвуют в церковноприходских советах»[9].

Использование возрастающей социальной активности женщин в интересах религии — явление, характерное не только для русской православной церкви. Об этом же шла речь на 41-м всесоюзном съезде евангельских христиан-баптистов. «Жизнь,— говорилось на съезде, состоявшемся в декабре 1974 года в Москве,— все более настойчиво ставит перед нашим братством вопрос о пастырском служении женщин»[10]. В последнее время в нашей стране есть случаи исполнения женщинами-баптистами обязанностей пресвитера.

«НЕВРАЛГИЧЕСКИЙ ПУНКТ»

Именно так назвал вопрос об отношении религии к женщине современный католический богослов Ф. Дилей в статье «Прошлое и будущее женского служения в церкви», напечатанной в журнале «Логос». Уже не первый год этот вопрос обсуждается на различного рода богословских конференциях и симпозиумах в Европе и Америке. В центре дискуссий в ряде случаев оказывается не столько теоретическая, сколько практическая проблема: стоит ли допускать женщин к должности священников? Приостановит ли это кризис религии, падение религиозности?

Наиболее «решительной» оказалась французская протестантская реформатская церковь. В 1965 году она постановила: женщины могут быть пасторами. Англиканская церковь этот почин не поддержала. В католицизме полемика по поводу женского церковного служения продолжается по сей день. Еще в 1963 году голландский священник-иезуит ван дер Меер заявил, что в современных условиях женщина в состоянии так же хорошо, а может быть даже лучше, чем мужчина, выразить интересы верующих, быть «ходатаем» за них перед богом. У голландца нашлись единомышленники. На одном из последних заседаний II Ватиканского собора будущий кардинал Даниелу предложил ввести рукоположение женщин в духовный сан. Правда, это предложение не было поддержано, официоз Ватикана — газета «Оссерваторе романо» — осудил его. Но прошло несколько лет, и с подобными же идеями от имени канадских епископов выступил кардинал Флахифф. «Церковь,— говорил он,— не воздает женщине должной справедливости, не позволяет ей служить, как она могла бы». Подобным образом высказался и Союз женских католических орденов США.

Хотя папа Павел VI объявил, что пастырское священство для женщин закрыто, католическое руководство так или иначе стремится расширить участие женщин в церковной жизни, особенно в распространении религиозного мировоззрения. Впервые в истории церкви женщины стали обучаться в католических учебных заведениях, получили право работать в учреждениях Ватикана.

ДИАКОНИСЫ

В последнее время и православные идеологи склоняются к тому, что привлечение женщин к пропаганде религии — важное средство сохранения религиозности населения. «Женщину лучше убедит женщина» — такова их установка. Поэтому некоторые богословы предпринимают попытки восстановить преданный забвению институт диаконис, обосновать допустимость женщин-церковнослужительниц. «При всей своей кажущейся «древности»,— пишет автор работы, выполненной в Ленинградской духовной академии,— тема эта по-своему глубоко актуальна»[11]. Не жалея красок, он рассказывает о «верных помощницах» епископов — диаконисах первых веков христианства — о вдовах и девицах, принявших обет безбрачия, которые «пеклись» о бедных, ухаживали за больными, помогали священникам при крещении женщин. Автор особо подчеркивает: «Некоторые женщины выступали в качестве... наставниц и миссионерок». Он упоминает и тех, кто старался восстановить «чин» диаконис в России в прошлом веке. Московский митрополит Филарет, к примеру, называл русских диаконис «добрым вспомогательным отрядом для духовного воинствования» и усматривал в его делах один из способов предотвращения роста революционных настроений народных масс. Не случайно вопрос о диаконисах возникал именно в моменты наивысших революционных напряжений в стране. Во время революции 1905—1907 годов наиболее дальновидные из церковников также делали ставку на институт диаконис как на средство подрыва народной революционности.

Современный богослов трактует институт диаконис, разумеется, иначе, чем его предшественники в начале XX века. Институт диаконис для него — наиболее целесообразная форма проявления некой «извечной» склонности женщин к религиозной активности. В роли диаконис, утверждает он, женщины могут полнее, чем в каких-либо светских делах, проявить свои лучшие человеческие качества.

Точка зрения диссертанта поддержана «Журналом Московской патриархии», который в 1975 году — в международный год женщины — многозначительно отметил, что религиозное служение — это наивысшая форма патриотизма женщин, их любви к Родине. Вклад женщин в победу в Великой Отечественной войне, оказывается, не только в том, что они героически сражались на фронте, а в тылу заменили собой ушедших на фронт мужчин, мужественно переносили все тяготы и лишения военного времени, но и в том, что они «молились за ближних, молились о победе»[12].

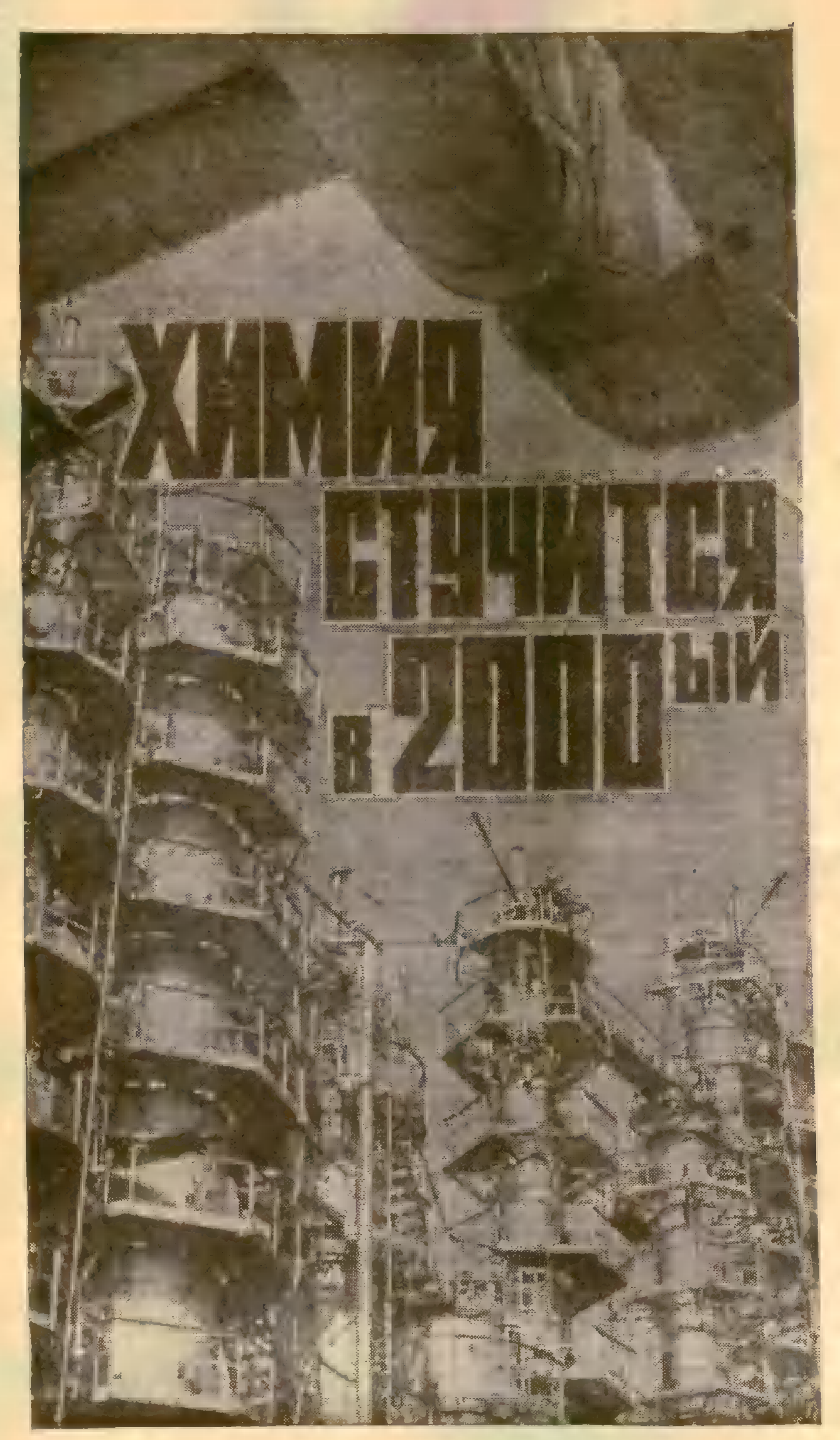
Церковные теоретики хотят видеть в женщинах свой оплот, поскольку от умонастроения женщин во многом зависит, и это они хорошо понимают, воспитание детей, а следовательно, и судьба религии. Отсюда обращение священнослужителей к прихожанкам во время проповедей: «Вы хранительницы домашнего блага, вы дольше всех находитесь дома среди членов семейства, воспитывайте детей так, чтобы сделать их верными христианами, приобщайте их к небесной пище»[13].

Однако ни этими и никакими другими мерами церковникам не удастся удержать в путах религии все более возрастающую активность женщин. Никакая модернизация идеологии — будь то «реабилитация» Евы, возвеличение богородицы или введение чина диаконис — не может приостановить кризис религии, уменьшить отход от нее верующих, в том числе женщин. Участие в религиозных обрядах, в церковных хорах, работа в церковных органах приносит лишь иллюзию духовного удовлетворения. Религиозная деятельность не помогала и не может помочь женщинам улучшить и украсить свою жизнь, послужить Родине, утвердить свое человеческое достоинство.

---

[9] «Журнал Московской патриархии», 1975, № 9, стр. 35.
[10] «Братский вестник», 1975, № 1, стр. 48.
[11] М. Сечко. Значение женщин в древней христианской общине. Л., 1958, стр. 1 (рукопись).
[12] «Журнал Московской патриархии», 1975, № 9, стр. 35, 36.
[13] Е. С. Степанов. О чем проповедуют с амвонов. М., 1975, стр. 10.

А. ХАРЬКОВСКИЙ



Широко простирает химия руки свои в дела человеческие.

М. В. Ломоносов

СОТВОРЕНИЕ «ВТОРОЙ ПРИРОДЫ»

Мы вступили в третий, качественно новый этап в истории развития материальной культуры. Если первый характеризовался тем, что человек для изготовления орудий труда использовал лишь такие материалы, которые встречались в природе (дерево, камень), а второй — получением материалов, редко существующих в природе в чистом виде (например, железо, медь), то на нынешнем, третьем этапе люди создают такие материалы, которых на Земле не существует (пластмассы и другие вещества). В этом заслуга химии.

И дело не только в самих новых материалах — в появлении неизвестных ранее сплавов, бетонов, удобрений или пластмасс. Творя вокруг себя то, что М. Горький называл «второй природой», человек становится все более независимым от окружающей его среды. Вот к чему ведет тот гигантский качественный сдвиг, который на наших глазах в условиях научно-технической революции происходит в материально-сырьевой базе человечества.

Эту революционную роль химии прозорливо видел В. И. Ленин. Н. К. Крупская вспоминает, что он всегда с восхищением говорил об этой науке и придавал ей огромное значение. В. И. Ленин связывал осуществление социализма в нашей стране с творчеством десятков миллионов рабочих и крестьян, с развитием «производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности».

Самотлор.

Ускоренное развитие химии предусматривалось и в ленинском плане ГОЭЛРО. Программы ряда партийных съездов, начиная с XXII съезда, осуществляя ленинское указание о необходимости «двинуть химическую промышленность», в своих документах предусматривали широкое использование достижений современной химии во всех областях народного хозяйства.

Сегодня наша химическая и нефтехимическая индустрия занимает второе место в мире по выпуску продукции. Но темпы развития химической промышленности в стране продолжают расти. Перед химической наукой в десятой пятилетке стоит задача — расширять исследования в области синтеза химических соединений для получения веществ и материалов с новыми свойствами, создавать новые химические процессы с высокоэффективными каталитическими системами, разрабатывать научные основы технологии с преимущественным использованием замкнутых циклов.

СТРЕЛЫ ВЕЛИКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Принадлежа к тем отраслям народного хозяйства, которые определяют темпы технического прогресса, химическая индустрия занимает ведущее место в решении проблем, связанных с ростом благосостояния народа. Химия — это удобрения для сельского хозяйства, строительные материалы, сырье для обуви и одежды, мебель, медикаменты и многое другое. Иными словами, химия нас и кормит, и одевает, и сохраняет наше здоровье, и помогает в быту.

Однако этим роль химии в выполнении наших планов не ограничивается. С ее помощью народное хозяйство решает три важнейшие стратегические задачи: снижения материалоемкости выпускаемой в стране продукции, повышения эффективности производства и улучшения качества продукции. Только один пример. Снижение материалоемкости всей продукции, выпускаемой в нашей стране, только на один процент равносильно дополнительному росту национального дохода на 3—4 миллиарда рублей!

Что же может сделать химия для решения этой грандиозной задачи — для снижения веса зданий, установок, машин? Оказывается, очень многое. Сейчас растет применение пластмасс в судостроении, новые эффективные утеплители в строительстве вытесняют более тяжелые материалы — бетон и металл. В электротехнику, к примеру, приходят изоляторы, проводники, электрооборудование из современных синтетических материалов, способствуя уменьшению веса турбин из расчета на единицу их мощности.

Кроме того, а это очень важно, синтетические материалы требуют меньших затрат труда на их изготовление. Так, на производство одной тонны натурального шелка расходуется шесть тысяч человеко-дней, тогда как на то же количество синтетического шелка — 200—300 человеко-дней.

Рост эффективности производства тесно связан с сокращением физического труда, с механизацией и автоматизацией производства. Новые химические заводы — это, как правило, высокоавтоматизированные предприятия. Сама специфика отрасли — непрерывность производственного процесса, применение высоких температур и давлений, едких или нестойких на воздухе веществ — требует совершенных автоматических технологических линий, работающих без непосредственного участия человека.

Но химическая индустрия занята не только своими, внутренними проблемами — она активно вмешивается в другие отрасли народного хозяйства, и здесь способствуя скорейшей механизации производства. Так, синтезированные химиками полупроводниковые материалы стали основой быстродействующих ЭВМ, входящих в различные АСУ —автоматизированные системы управления производством, а внедрение таких АСУ в радиопромышленности — например на Львовском телевизорном заводе — значительно уменьшило затраты ручного труда в этой отрасли. Число таких примеров можно умножить, потому что сейчас нет ни одной высокопроизводительной машины, ни одного автомата, где бы не использовались эффективные химические соединения и материалы.

Биография синтетических материалов сложилась так, что они из заменителей природных веществ стали поистине незаменимыми. Они принесли с собой не только экономию труда, но и более высокое качество продукции. Вот только один пример. Известно, что качество машин, агрегатов в огромной степени зависит от того, насколько качественны материалы, из которых они изготовлены, — в основном это сталь, цветные металлы. Но металлургия — древнейшее производство, когда-то стремительно продвинувшее человечество по пути прогресса, — сотней уз связана с химией. Так, процессы хлорирования позволили недавно решить одну из извечных проблем цветной металлургии — комплексное извлечение цветных металлов из руд. Кислородное дутье прямо-таки революционизировало производство высоколегированной стали, а применение синтетических шлаков позволило получить в массовом производстве высококачественный металл.

ДОСПЕХИ КОСМИЧЕСКОГО ВЕКА

Современная химия стала вездесущей и всепроникающей. Как и другие отрасли знания, она все больше становится непосредствен-

ной производительной силой, а химическое производство — ее техническим приложением. И не только химическое.

До последнего времени считалось, что место химика — только лаборатория или химзавод, так же как горняка — шахта, а энергетика — электростанция. Однако успехи химии рушат барьеры между отдельными отраслями производства, превращая их в один производственный комплекс.

Химики приходят в шахты, и вот вместо многовековой шахтной добычи соли рождается принципиально иное решение: растворить ее под землей и подать по трубам на завод. Вскоре именно так будут добывать водорастворимые соли калия и магния, а затем и другие минералы.

Химические процессы все шире используются в энергетике и на транспорте. Атомные электростанции —это во многом творение химии и химиков. Приняв участие в создании Воронежской, Белоярской, Кольской, Билибинской АЭС, они оказались в числе специалистов, решающих важнейшую проблему мирового хозяйства — энергетическую. Электрохимики решают ее, конструируя также емкие аккумуляторы и топливные элементы для электроавтомобилей.

Химики — ученики президента АН Литовской ССР Ю. Ю. Матулиса — создали блескообразователи, заменившие процессы никелирования и хромирования, полностью устраняющие коррозию металлов, и разработали технологию получения деталей прямо из металлического расплава, минуя трудоемкую механическую обработку.

Революционизируя области получения и обработки традиционных материалов, химики в минувшей пятилетке особенно развивали производство материалов синтетических. При среднегодовых темпах роста химической промышленности, равных 12 процентам, как отмечал министр этой отрасли Л. А. Костандов, производство пластмасс возрастало более чем на 15 процентов в год. Ленинградское объединение «Пластполимер» пустило в ход установку мощностью 50—60 тысяч тонн полиэтилена в год, а это значит, что растет производство сырья для изготовления разнообразного волокна и материалов.

Химическая промышленность — это гигантская мастерская, где куются доспехи нового, космического века: химики вносят свой вклад и в освоение Космоса.

Космонавт на корабле, пронзающем атмосферу, становится свидетелем соревнования материалов. Сегодня лидирует металл — самые ответственные узлы изготовляют из него. Но на смену ему идут составные, так называемые композиционные материалы, — в их состав входят и синтетические.

Химия вдохнула жизнь в очень древний материал — керамику. Сейчас керамика переживает свое второе рождение: сверхчистые окислы формуются и затвердевают при высокой температуре. Так, кварцевое стекло сохраняет прочность при 1300 градусах, большинство же металлов теряет ее при 200—300. Новая керамика, которая армируется сверхпрочными синтетическими нитями, обладает завидной прочностью и все чаще вытесняет и заменяет собой металл.

Считается, что вся наша материальная культура — «вторая природа» — зиждется на трех китах: металлах, пластмассах и керамике. Химики укрепляют каждую из этих трех опор. Так создаются материалы будущей эпохи, которая уже идет на смену нынешнего, «железного века».

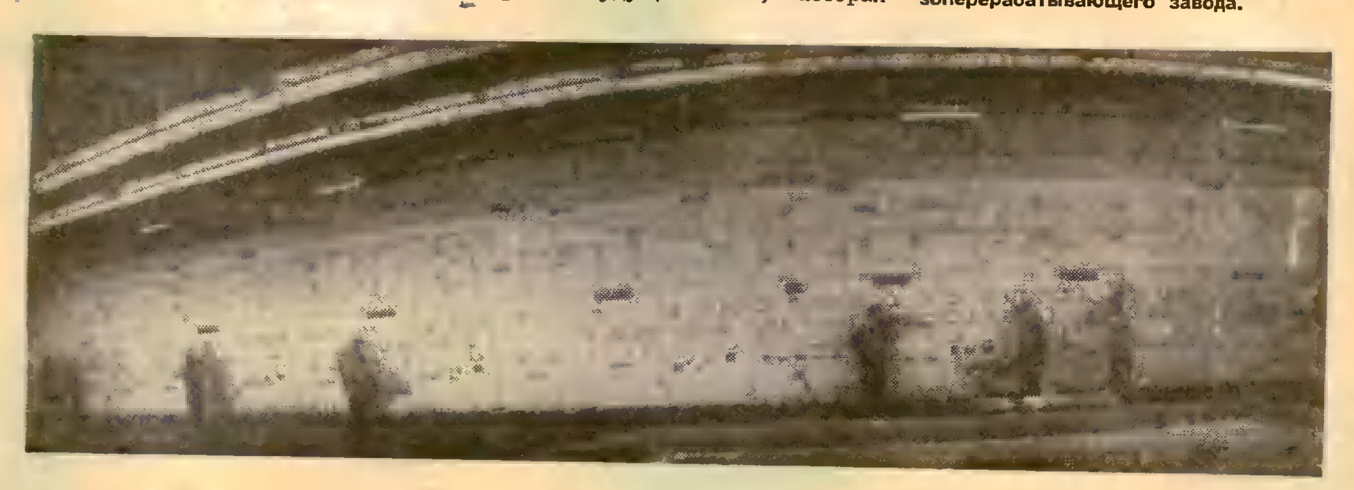
В СОГЛАСИИ С ПРИРОДОЙ

Создав современную индустрию, человек поставил себе на службу дремавшие много веков силы природы. Так, энергию, которую она накапливала в подземных кладовых на протяжении целых геологических эпох, — уголь, нефть, газ —люди расходуют за десятилетия. В огромном нефтяном океане, например, уже видно дно. Трудно сказать, не исчерпаются ли нефтяные месторождения уже к началу будущего века. А ведь нефть не только топливо, но и богатейшее сырье для химической промышленности.

Но опасность исчерпания сырья — лишь одна сторона проблемы взаимоотношений человека с природой. Потребляя ее ресурсы для нужд промышленности, человек ухудшает окружающую среду, и этот процесс уже приобретает планетарные масштабы. Работа Ж. Кусто, путешествия Т. Хейердала показали нам, как загрязнен промышленными отходами океан — даже его самые глухие районы. Реки выносят в него вещества, которые люди применяют для охраны полей от вредителей, и там они подчас убивают все живое.

Меняется — в худшую для человека сторону — воздушная оболочка Земли. В атмосфере постоянно растет концентрация углекислого газа, а вредные вещества, оставляемые на высоте реактивными самолетами, угрожают слою озона, который защищает все живое от опасных излучений, идущих из Космоса.

Пульт управления Оренбургского газоперерабатывающего завода.



Не означает ли все это, что цивилизация и природа — понятия несовместимые? Некоторые философы и фантасты на Западе утверждают, что, создавая «вторую природу», человек одновременно уничтожает вскормившую его первую. Но если говорить о сути конфликта между обществом и природой, то в основе его нет фатальных причин. Причины эти социальные, порождены капитализмом, его бесплановостью и стремлением предпринимателей получить прибыль за счет хищнической эксплуатации естественных ресурсов, которые по самой своей природе принадлежат всему обществу. Социалистическое общество в состоянии по-государственному учитывать вредные последствия производства и стремится свести их к минимуму, если не совсем нейтрализовать. И здесь огромная, если не решающая, роль принадлежит химии очищающей. В этой роли мы ее еще не знали. Однако строительство химических и биологических очистных сооружений на Байкальском целлюлозно-химическом комбинате показывает благоприятные перспективы в решении проблемы безотходных предприятий.

Академик И. В. Петрянов-Соколов сказал, что в химическом производстве нет отходов, а есть полезные, но пока еще не использованные продукты. Не нужно ли вместо борьбы с отходами химии перестроить технологию так, чтобы из них получать не только безвредные, но и полезные продукты? Ведь именно химия таит в себе эффективные способы очистки окружающей среды. Увеличение концентрации в атмосфере углекислого газа — зло. Но этот же газ может служить сырьем для получения синтетического горючего, в лабораторных условиях уже опробован химический метод одновременного получения горючего из атмосферы и ее очищения.

Сегодня же генеральное направление охраны среды предполагает создание замкнутых циклов, способных полностью обезопасить природу от отходов химического производства. Так, например, сейчас сведены до минимума сбросы сточных вод содовых заводов и разработан способ извлечения из них ценных хлористого кальция и хлористого аммония. А в Средней Азии, где особенно напряженный водный баланс, вошло в строй «бессточное» предприятие — Чимкентский завод фосфорных солей. Вся вода, используемая на этом предприятии, «работает» в замкнутом цикле и не выводится из производства.

ЗА ДАЛЬЮ—ДАЛЬ

Как бы ни велика была роль химии в жизни человека, сама эта наука и ее практическое приложение — лишь одно из средств, которыми мы пользуемся для познания и преобразования мира.

Люди сами, без небесной помощи, совершают невиданное дело, творя новый, «очеловеченный» мир из неорганической природы — то, что акедемик В. И. Вернадский назвал «ноосферой». «Ноосфера», — отмечал он, — это «новый покров», «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных...».

Интересная статистика: нынешнее население Земного шара оказывает на природу такое же влияние, как если бы на нем жило 40 миллиардов людей каменного века. В. И. Вернадский писал: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого».

В развитие мысли В. И. Вернадского можно предположить, что всю сушу в будущем разумно разделить на две зоны — жилую и промышленную и зону первозданной, нетронутой природы.

Еще французский химик прошлого века М. Бертло, говоря об обществе 2000-го года, подчеркивал: «Проблема продуктов питания — проблема химии». Д. И. Менделеев был убежден «в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли». Разумеется, эти ученые вовсе не предлагали перейти к питанию таблетками, а имели в виду создание синтетической пищи — заменителей, которые, по их мысли, могли бы в будущем сами стать незаменимыми.

По этому пути и идет химия. В Институте элементо-органических соединений создана икра, не уступающая по вкусу и питательным качествам естественной, там же синтезированы пахучие вещества, придающие искусственным продуктам аромат естественных. Микробиологи решают ту же проблему иным путем — получают кормовой белок из нефти.

Конечно, процесс вхождения в нашу жизнь искусственных продуктов долгий и трудный. Но он идет: «естественная» пища обогащается химическими средствами, улучшающими и питательность, и вкус.

Синтетическая пища позволит будущему человеку из существа гетеротрофного (питающегося за счет органической, животной жизни) превратиться в существо автотрофное: его пищей будут растения и органические вещества. Человек как существо потребляющее станет независимым от остального животного мира. И эту возможность ему тоже предоставит химия.

«Но не думайте, — писал М. Бертло, — что в этой всемирной державе могущества химии исчезнут искусство, красота, очарование человеческой жизни. Если земля перестанут использовать для выращивания продуктов сельского хозяйства, она вновь покроется травами, лесами, цветами, превратится в обширный сад, орошаемый подземными водами, в котором люди будут жить в изобилии и испытают все радости легендарного «золотого века».

На первый взгляд — парадокс: стремясь к «золотому веку», к миру цветущей природы, людям бы, пожалуй, прежде всего нужно подумать о том, как избавиться от химической промышленности. Но не следует забывать: все эти дымящие, загрязняющие окрестности вредными отходами заводы — лишь этап в развитии химической промышленности.

«В овладении секретами хлорофиллового зерна, внутриклеточных превращений веществ в живом организме,— писал академик А. Н. Несмеянов, — может быть, таится технология будущих заводов». И добавлял: «Сейчас трудно говорить о том, к каким практическим результатам приведут эти еще не хоженые сегодня пути...»

Будущее создается сегодня — на заводах, полях, в лабораториях. И оно — не меньшая реальность, чем сегодняшний день, ибо прошлое ушло, настоящее проходит, а будущее — грядет. И в этом будущем, как уже и сейчас, человек, создавая новый мир, новые неведомые материалы и продукты, станет еще сильнее, и могущественнее. Все меньше останется места для суеверий и превратных представлений. Все больше в людях уверенности в себе, в своих силах, возможностях.

Религиозные книги на своих страницах дают такой совет людям: таинственного не ищите, сокровенного не исследуйте. Успехи науки говорят об ином — только раскрывая сокровенные тайны природы, познавая ее закономерности, сверяясь с ними, люди творят свой, рукотворный мир, и не потусторонний, а живой и земной, обращенный на благо человека.

Этимологические заметки

◆ИОАНН — ИВАН — ИВАНОВ◆

Первоисточник самых распространенных [redacted] Руси имени и фамилии — древнееврейское «иоханн» — «милость божья», «дар божий». Первая часть — «ио» — «бог» входит [redacted] [redacted] Иеремия («бог возвеличит»), Иосиф («бог даст»), Иоаким («поддержка свыше»), Ионатан, также Джонатан («дарованный богом»).

Звуковые варианты имени Иоанн: французские Жан, Жанна, итальянское Джованни, английское Джон.

◆ИОСИФ◆

К наиболее распространенным именам принадлежит Иосиф и его варианты — Иозеф, Зепп, Осип, Есип, Юсуф, Юсуп, Юзеф и т. д. [redacted] первой части этого имени древнееврейское «ио» — «бог» (как [redacted] Иоанн — Иван («дар божий»), во второй — глагол со значением «прибавить», [redacted] «приумножить».

◆ИПОСТАСЬ◆

Издавна [redacted] русский язык вошло довольно таинственное по своему происхождению слово «ипостась» [redacted] значениях «существо», «сущность». [redacted] диалектах оно превратилось [redacted] «постась» — «лицо», в «постатный» — «видный», [redacted] у раскольников — «бородач», «человек с длинной бородой». Корни его [redacted] греческом «хюпостазис» — «субстанция», «существующее». Если разложить это слово на составные части, то получим: «хюпо» — «вниз», «внизу», «под», «позади», «при этом», [redacted] «стазис» — «стояние», «положение».

Именно это слово стало весьма важным церковным термином, обозначающим в христианской догматике каждое из трех лиц троицы — бога-отца, бога-сына [redacted] бога-святого духа (три ипостаси единого бога).

◆ИРОД◆

Сегодня это — презрительная кличка со значением «изверг», «мучитель», в диалектах — «безбожник», также «скупец». А [redacted] болгарском языке «ирод» означает «черт». Между тем [redacted] первоисточнике, [redacted] древнегреческом языке, «хэрос» — «герой» (отсюда и идет слово «герой», «героизм»). Как же получилось такое ухудшение значения?

Согласно Библии, еврейский царь Ирод (Хэродэс) Великий (40—4 г. до н. э.), узнав, что должен родиться «царь иудейский», велел умертвить всех младенцев. Кстати, Ирод сделать этого не мог, так как умер за четыре года до рождения Иисуса. Но имя [redacted] из библейской легенды «вошло [redacted] историю» и стало нарицательным.

◆ИСКУПЛЕНИЕ◆

[redacted] христианстве большую роль играет догмат искупления. Христос мучительной смертью будто бы искупил грехи людей, начиная с Адама [redacted] Евы. (Остается неясным, зачем надо было богу наделять людей грехами, чтобы потом их искуплять.) Основа слова «искупление» — глагол «купить». Старославянское «коупити» — заимствование из готского «каупон» — заниматься торговлей, [redacted] оно, [redacted] [redacted] немецкое «кауфэн» — «купить», из латинского «каупо» — «лавочник», «трактирщик».

◆ИСЛАМ◆

«Ислам» — синоним термина «мусульманская религия» — слово арабское, означает «вручение», «отдача богу».

◆ИСМАИЛИТЫ◆

Так называется мусульманская шиитская секта, по имени первого шиитского [redacted] Али-Исмаила. «Исмаил» — распространенное в странах ислама имя, также топоним — портовый город [redacted] устье Дуная, [redacted] [redacted] форме Исмаилия — порт в Египте. Церковное «Исмаил» означает: «слышит бог» (так называли детей, «выпрошенных у бога»).

◆ИУДАИЗМ◆

Так называется религия евреев, очевидно, по названию сложившегося примерно [redacted] тысячу лет до нашей эры Иудейского царства. Первоисточник — древнееврейское имя Иехуда. Так назывался один из сыновей библейского Иакова. Имя означает «сиятельный», «знаменитый», от корня «ядах» — «славословить», «праздновать».

Русское «евре» — от греческого «хэбрайос», а это в свою очередь — от древнеарамейского «хавири» — «по ту сторону» (Евфрата). В немецкий язык вошло слово «иудэ», в английский — «джу». Как сообщает английский этимолог Скит, «джу» — заимствование из латинского «иудэус», [redacted] [redacted] от древнегреческого «иудайос».

◆КААБА◆

Так называется мусульманская мечеть [redacted] городе Мекке — место паломничества приверженцев ислама. Арабское слово «кааб» (также «кабах») переводится как «куб». Между словами «кааба» [redacted] «куб» — этимологическое родство. Корни [redacted] — [redacted] древнегреческом «кюбос» — «кубок» и [redacted] глаголе «кюбайно» — «славлю», «радую». Такое родство — интересный пример связи индоевропейских и семитских языков.

◆КАДИЛО◆

Существует христианское поверье, корни которого следует искать [redacted] дохристианских верованиях: молитва быстрее достигнет бога, если при этом воскурить дым ладана. Священник насыпает ладан [redacted] горящие угли в круглом металлическом сосуде — кадиле.

Выяснить этимологию этого сло[redacted] довольно трудно. Есть несколько версий: от старославянского «кадит» [redacted] «кад» — «курительное вещество», которые родственны [redacted] «гад» [redacted] «гадить»; или от греческих «хиднэ» — «поджаренный ячмень» и «кандарос» — «уголь». Тут прослеживается также этимологическая близость со словами «копоть», «кедр», с греческим «кедрос», литовским «кадагыс» — «можжевельник», албанским «кем» — «ладан».

◆ КАНДИЛО ◆

Слово это созвучно «кадилу». Такие слова, похожие только внешне, называются паронимами или паронимизмами.

Древнерусское «кандило» — лампада перед образом (в диалектах «кандель») — заимствовано из среднегреческого «канделон», которое [redacted] свою очередь взято из латинского языка — «кандела» — «светильник». Этимологическое родство прослеживается со словами «кандидат» (впервые у Петра I), от латинского «кандидус» — «белый», так [redacted] древнем Риме называли претендентов на государственную должность, обязанных являться на выборы [redacted] белой тоге. Отметим еще родственников: «паникадило» — церковная люстра и «канделябр» — большой подсвечник. Древнерусское «канделябра» впервые встречается в Библии 1499 года.

ЧЕЛОВЕК для ИСТОРИИ или ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА?

А. ЦИПКО,
кандидат философских наук

Атеисты внушают нам, верующим, и нашим детям, что вера лишает счастья в жизни, всех земных радостей. Они говорят, что дорога в жизнь, к счастью — это дорога, идущая помимо бога. Но это неправда. Лишая нас спасения личной души, они не дадут нам взамен личного счастья. Ведь атеисты тоже требуют жертв, только не во имя бога, а во имя будущего счастья людей, требуют жертвовать здоровьем, благополучием, даже жизнью. Так какая разница, во что верить: в бога или в коммунизм? Мы даже добрее, чем атеисты. Бог оставляет надежду на спасение всем поколениям, жившим на земле, а учение атеистов обещает настоящее счастье только тем, кто будет жить при коммунизме, поколению счастливчиков.

В. КОРНЕВ

г. Псков

ВОПРОСЫ о счастье людей, их будущем, об исторической судьбе человечества в равной степени волнуют и верующих, и атеистов. Письмо В. Корнева привлекло мое внимание еще и тем, что в отличие от уже набивших оскомину голословных упреков воинствующих ревнителей дела божьего «детям сатаны», то есть атеистам, он противопоставляет марксистскому учению религиозное толкование конкретных мирских проблем, проблем человеческого бытия. По существу, автор письма ставит под сомнение нравственные основы марксизма — его гуманизм. По его мнению, коммунизму нет дела до каждой человеческой личности, живущей сегодня, и тем более он ни во что не ставит тех, кто жил до нас. Так что для опровержения доводов В. Корнева мало сослаться на наши достижения в деле благоустройства человеческой жизни. Необходимо еще развенчать миф об изначальной аморальности марксистской концепции истории.

Это очень давний миф, и частное письмо В. Корнева — еще один довод, подтверждающий его живучесть. «Страшные» обвинения марксизму и его учению о коммунизме в нелюбви к человеку стали уже традиционными для клерикального антикоммунизма. Еще русский религиозный философ Николай Бердяев в книге «Смысл истории» пугал обывателя марксизмом как страшной теорией, которая оставляет «для огромной массы человеческих поколений и для бесконечного ряда времен ...только смерть и могилу». Он видел миссию марксизма в том, чтобы «превратить каждое человеческое поколение, каждое лицо человеческое, каждую эпоху истории в средство и орудие для окончательной цели — совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела».

Подобная откровенность сейчас не в моде. Сегодня обвинения научному социализму высказываются в контексте «объективного изучения марксизма». Но смысл упреков в забвении человека остается тем же: марксизм будто бы строит счастье далекого будущего на бесчисленных личных жертвах людей, низводя человека до положения «средства». К примеру, изданная несколько лет назад книга известного католического теолога Джулио Джирарди «Марксизм и христианство» тоже содержит традиционный набор таких обвинений. Не скупясь на похвалы марксизму, автор книги в то же время последовательно проводит мысль, что для марксизма «высшей ценностью становится общество, которому все должно быть принесено в жертву... Марксистский человек не имеет чисто личной жизни. Его жизнь — это, по существу, служба обществу».

Джулио Джирарди не боится повторять себя, развивая это положение. «Мы готовы исходить из самой прекрасной гипотезы построения идеального общества, обещанного марксизмом, — пишет он. — Однако, миллиарды людей погибли и еще погибнут, так и не увидев его... Нам могут сказать, что их жертвы не напрасны, что их кровь орошает поля будущего. Фактом остается, однако, то, что отдельное лицо принесено в жертву ради общего дела, что оно в конечном счете низведено до положения средства».

Одно дело, когда для опровержения нравственных основ марксизма наши противники в споре пользуются обветшалыми «аргументами» клерикального антикоммунизма. Это может быть свидетельством или их идейной слабости, или же теоретического незнания. Но порой, сами того не ведая, проповедью аскетизма и необходимости жертв во имя общего дела мы создаем удобный повод для привлечения этих же аргументов.

Возьмем, к примеру, такой острый вопрос в современной идеологической борьбе, как вопрос о месте и значении человеческих жертв в созидании социалистического общества. Безусловно, победа в социалистической революции немыслима без героизма и самоотверженности революционного пролетариата. Но совсем другое дело, когда исключительную ситуацию в жизни общества пытаются представить единственно возможной. Как только мы перестаем смотреть на исключительное как на исключительное, на героизм как на героизм, а пытаемся состояние максимального напряжения духовных и физических сил, характерное для ситуации борьбы, трактовать как нормальное для человека состояние, то разрыв с марксистским гуманизмом неизбежен.

При этом следует отметить, что упомянутая «проблема жертв» возникает не только в полемике с нашими оппонентами из клерикального лагеря, но и в споре с людьми, считающими себя марксистами. Ведь именно из этой концепции жизни как непрерывной жестокой борьбы и напряжения, где без жертв не обойтись, где на личное счастье нель-

ля рассчитывать, исходил В. Серов, автор письма «Слабых быть не должно», опубликованного в «Литературной газете» (1975, № 16). Он «приветствовал жестокость... жестокость сегодняшних неизвестных пока героев... которые, не жалея себя (и своих близких: так уж получается.— А. Ц.), не щадя себя, ищут новые пути в науке, в производстве». В. Серов призывает отодвинуть «на вторую очередь» такие моральные добродетели, как совестливость, сострадание, доброту — во имя той жестокости (она нужна ему, чтобы спокойно воспринимать неизбежные жертвы и даже смерть), без которой, мол, нет дороги в будущее счастье.

Подобную трактовку жизни в социалистическом обществе имеет в виду и В. Корнев, когда говорит, что атеисты требуют жертв и лишений.

Представители разных мировоззрений, В. Серов и В. Корнев, в своих высказываниях смыкаются друг с другом, хотя автор письма в «Литературную газету» руководствовался лучшими побуждениями, когда призывал к жестокому, суровому воспитанию подростков.

Но сведя все многообразие жизненных задач к одной, исключив из человеческой жизни все, что не вмещается в схему, согласно которой ситуация борьбы с врагом — единственно возможная ситуация в жизни, он невольно начал рассматривать жизнь наших детей как не имеющую собственной ценности, как средство достижения исторических целей. Конечно же, такой подход к человеку и такое понимание его места в истории, особенно в жизни социалистического общества, не имеет ничего общего с марксизмом, для которого человек никогда не был слепым орудием в руках истории, наподобие нитки и иголки в руках рока, шьющего ее пеструю ткань. Марксистскому учению о социализме изначально чужд аскетизм с его проповедью бесконечных жертв, с присущей ему недооценкой мирского, личного и человеческой жизни.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «РАСПИСАНИЕ ИСТОРИИ»?

Для того чтобы понять суть марксистского учения об истории, надо отказаться от представления о человечестве как о некой личности, которая имеет какие-то свои цели и задачи. Ибо только стоит одушевить историю, наделить ее волей, каким-то расписанием движения — и мы окажемся во власти исторического провиденциализма, учения об изначальной заданности всех событий и явлений в мире. Тогда может оказаться, что и рабство, и феодализм, и капитализм — это только необходимые ступеньки, обязательно предшествующие коммунистическому обществу, а все, что делали люди в истории, было подчинено этой конечной задаче.

Подобный вывод и приписывают марксизму его противники, к примеру тот же Бердяев и Джулио Джирарди. Научный социализм в их трактовке исходит будто бы из фатальной неотвратимости всего происходящего и потому рассматривает все эпохи только как станции на пути к конечной цели, к коммунизму. Однако нигде, ни в одной работе классиков марксизма нет ни тени подобного провиденциалистского толкования истории. Напротив, ведущие работы Маркса, Энгельса, в которых они формулировали материалистическое понимание истории, пронизаны **критикой** исторического провиденциализма.

Вспомним, например, критику Марксом и Энгельсом исторического фатализма младогегельянцев с его культом истории: «**История** не делает **ничего**, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно **человек**, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — **не что иное**, как деятельность преследующего свои цели человека» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102. Дальше ссылки на это издание).

Вряд ли основоположники научного коммунизма могли предположить, что будет предпринята попытка отождествить их учение с христианским провиденциализмом. И все же, будто предвидя это, они заранее отмели подобную трактовку их учения. Я имею в виду их замечание, что «коммунизм для нас не **состояние**, которое должно быть установлено, не **идеал**, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом **действительное** движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (т. 3, стр. 34). Маркс и Энгельс не случайно выделяют в тексте слова «состояние» и «идеал». Дело в том, что эти понятия широко использовались склонными к провиденциализму младогегельянцами, которые рассматривали «идеал» как конечную цель истории, как «состояние», к которому должно прийти человечество.

Психологически люди склонны подгонять предшествующие события истории под собственные действия и поступки, рассматривать их как нечто неизбежное и неотвратимое, — ведь они не в состоянии повернуть ход событий вспять и переиграть все заново, проверить другие возможные варианты развития событий. Но то, что естественно для обыденных суждений о событиях истории, неприемлемо для ученого, историка. Никто столько не боролся с подобного рода попытками «выпрямления» истории, подгонкой прошлого к настоящему, как Карл Маркс. Здесь уместно вспомнить его мысль о том, что типичное заблуждение «новейшей» социальной формы состоит в том, что она «рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне...» (т. 12, стр. 732).

Конечно, нет в истории событий, которые не были бы причинно обусловлены — каждое чем-то детерминировано. Но опять-таки: если чем и предопределена деятельность людей, то не неким изначальным «расписанием истории», а конкретными результатами действий предшествующих поколений. Сами же эти результаты на протяжении всей истории досоциалистического развития возникали стихийно, они никогда не были ни запланированы, ни запрограммированы, тем более не были как-то соотнесены с интересами будущих поколений. Во все предшествующие эпохи над разобщенными нациями, народностями, племенами довлели прежде всего их собственные заботы и интересы, но отнюдь не цели истории или заботы о будущих поколениях. И это естественно. До тех пор, пока люди не могли возвыситься над социальными обстоятельствами, познать их и взять в свои руки управление ими, они были вынуждены пользоваться методом «проб и ошибок» во всей его приземленности и привязанности к непосредственным условиям и непосредственным потребностям.

Но, может возразить читатель, люди — не «слепая» природа, они наделены разумом и волей. И мы согласимся с ним. Допустим даже, нашелся бы человек, который сумел бы предвидеть последовательность событий на тысячу лет, знал бы, что нужно делать, чтобы людям последующих эпох жи-

лось лучше. Но стали бы, к примеру, древние греки соотносить свои действия со словами провидца? Думаю, что нет. И не потому, что им была безразлична судьба их далеких потомков. Просто очень трудно что-то делать, изначально зная, что вся твоя деятельность — это нечто несущественное по сравнению с тем, что станут делать люди завтра, что это только булыжник в дороге будущего, дороге, по которой когда-нибудь в золоченой карете проедут другие. Скорее прав был хорошо знавший людей Фурье, который писал, что если бы люди прошлого нашли рецепт человеческого счастья, то они вообще не пожелали бы совершенствовать производство ради блага тех поколений, которым предстояло народиться несколько тысячелетий спустя.

Но такого рода рассуждение относится к области нереальных допущений. «...История, — писал Энгельс, — делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, **бессознательно** и безвольно» (т. 37, стр. 395—396).

Из такого понимания истории как результата действия множества перекрещивающихся сил следует, что всякое историческое событие — результат стечения многих обстоятельств; случись другое их стечение — могло совершиться иное событие. Переход к коммунистической формации — не изначально заложенная в истории цель, а результат конкретного стечения процессов экономического, общественного и культурного развития — развития машинного производства, отношений наемного труда и сплочения пролетариата в общественную силу.

Следовательно, и вопрос о счастье людей в коммунистическом обществе марксизм поставил не как проблему искупления всех мук прошедших человеческих поколений, а прежде всего как конкретную задачу высокоразвитых стран, как требование промышленного пролетариата. Марксизм говорит о коммунизме как требовании определенной эпохи, как о задаче, которая возникла на определенном этапе «дороги истории». Вот почему несостоятельны попытки клерикального антикоммунизма искать какие-либо аналогии между христианским учением о спасении и учением марксизма об освобождении пролетариата.

В христианском провиденциализме действующим лицом является только один бог, а сама история человечества трактуется лишь как проявление его воли. В марксизме же субъект исторического действия многолик. Это не только пролетариат, а все классы, все поколения людей, действующие в истории, добивающиеся собственных целей. Христианство учит, что ничто не может существенно изменить предначертания всевышнего, что в мировом спектакле человеческой истории все роли расписаны заранее. «Не может человек ничего принимать на **себя**, если не будет дано ему с неба», — сказано в Евангелии от Иоанна. Марксизм же, отрицая «расписание истории», исходит из того, что каждое человеческое поколение может повлиять на дальнейшее развитие событий.

Марксистская трактовка истории характерна тем, что впервые дает возможность понять и объяснить, в чем же подлинная ценность и историческая значимость дел и свершений прошлых поколений. Анализируя законы развития материального производства, Маркс и Энгельс говорили о восходящей направленности исторического развития как о движении от низших форм общественной жизни к высшим. В предисловии «К критике политической экономии» Карл Маркс пишет об античном, феодальном и современном буржуазном способах производства как о «прогрессивных эпохах экономической общественной формации». Правда, в отличие от идеологов непрерывного прогресса для марксизма идея прогресса не предпосылка исторического анализа, а его итог, вывод, достигнутый путем кропотливого изучения и сопоставления множества исторических фактов. Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали диалектическую, противоречивую природу исторического развития, обращали внимание на то, что «вопреки претензиям **«прогресса»**, постоянно наблюдаются случаи **регресса** и **кругового движения**» (т. 2, стр. 91).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТОЛЬКО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЕТ ТВОЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЦЕННОСТЬ

Признавая в истории научный, технический, социальный, нравственный и другие формы прогресса, марксизм тем самым признает и историческое значение, историческую ценность деятельности других поколений, внесших свой вклад в мировую культуру. Маркс и Энгельс всегда обращали внимание на «личный» вклад этих поколений в развитие человеческой цивилизации, как бы ни были противоречивы их деяния в условиях антагонистических формаций. Ибо без их дерзаний человечество до сих пор оставалось бы в пещерах.

Тенденции естественно-исторического процесса не могут быть реализованы без самого человека. «Деятельность и только деятельность определяет твою ценность» — это изречение Фихте было отправным для Маркса при оценке значения и ценности людей. Поэтому неправ был Бердяев, приписывая Марксу историческую дихотомию — деление человечества на «подлые» и «благородные» поколения. Тот же мотив звучит и у Джулио Джирарди, когда он говорит, что марксистская концепция истории наделяет все докоммунистические поколения признаком изначальной ущербности и человеческого несовершенства. В этом случае не принимается во внимание один из краеугольных принципов марксистского анализа истории — принцип историзма. Не имеет ничего общего с марксизмом приписываемая ему страсть с высот исторического совершенства коммунизма судить о человеческой ничтожности всех тех, кому не суждено дожить до него.

Научная же оценка достижений прошлых эпох предполагает анализ их исторических условий, сравнение результатов их исторической деятельности не с тем, что было **после** этих эпох, а с тем, что было до них. В этом смысле характерно одно высказывание Ленина, относящееся к послереволюционному времени: «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению... к мелкому производству, по отношению к связанно-

му с распыленностью мелких производителей бюрократизму» (Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229).

В одних только экономических рукописях Маркса 1857—1858 годов мы найдем десятки свидетельств признания им заслуг капиталистической эпохи [redacted] развитии человеческой цивилизации. Маркс как объективный исследователь не рисовал историю только двумя красками — темной для прошлого [redacted] настоящего и светлой для будущего. Нет ни одной общественно-экономической формации, которая [redacted] имела бы заслуг перед человечеством и оставила бы после себя «только смерть и могилу». Даже рабство, [redacted] Энгельс, в нравственном смыс[redacted] выше первобытно-общинного общества и «при тогдашних условиях было большим шагом вперед».

Но мы, наверное, погрешили бы против истины, если бы стали утверждать, что [redacted] наши современники свободны от исторического самомнения. Наряду со случаями некритического отношения [redacted] прошлому, умиления простотой, патриархальной бедностью, [redacted] наблюдаем [redacted] случаи напрасного отрицания его заслуг и достоинств. Об этом стоит сказать особо, ибо [redacted] наш век могущества науки и техники, небывалого обновления общественной жизни легко впасть в историческое «зазнайство». Нередко [redacted] вполне оправданной гордости за наше Отечество, [redacted] эпоху, [redacted] которую мы живем, примешивается какое-то внутреннее безразличие, равнодушие [redacted] всему, [redacted] было до нас. Еще чаще сталкиваешься с тем, [redacted] человек, ничем особо [redacted] жизни не блеснувший, ничего в жизни не сделавший примечательного, [redacted] не менее считает себя куда более значительной личностью, чем [redacted] близкие и далекие предки. Мол, мы исключительные люди лишь потому, что живем [redacted] исключительную эпоху.

Совсем недавно молодой инженер на страницах одной нашей популярной газеты без тени смущения [redacted] о том, что ему, «сегодняшнему человеку второй половины двадцатого столетия», глубоко безразличны [redacted] чужды переживания [redacted] страдания, несчастная судьба покончившей с жизнью молодой девушки, которую описал С. Цвейг. Мол, все эти страдания из-за несовершенства той эпохи [redacted] мировоззренческой незрелости девушки.

Отсутствие интереса [redacted] историческому прошлому своих предков наблюдается и среди детей. На страницах «Правды» учительница русской литературы М. Картавцева рассказывала, что, обратившись [redacted] выпускникам с вопросами: кто их предки? что [redacted] были [redacted] люди? что успели сделать [redacted] земле? [redacted] чем ошибались?, она не смогла получить удовлетворительных ответов. «Никому не удалось сказать ничего вразумительного о занятиях, профессии, ремесле, об особенностях характера дедушек [redacted] бабушек, об интересных событиях в жизни предков [redacted] материнской или отцовской линии».

Однажды автору этих строк довелось беседо[redacted] с девятилетним эрудитом [redacted] русской истории. Стоило упомянуть [redacted] Киевской Руси, о ее значении [redacted] нашей истории, как он сразу же прекратил разговор весьма решительным образом: «Они вообще были слабаки, не сумели победить татар, а [redacted] выиграли войну [redacted] немцами, [redacted] вообще [redacted] ничего не знали, не летали [redacted] Космос».

У меня сложилось впечатление, что этот мальчик скорее согласится быть потомком пришельцев с Марса, чем тех забитых крестьян, жестоких помещиков [redacted] чванливых чиновников старой Руси, которую мы ему показываем по телевидению. Идея историзма, связи времен и поколений успела оборваться [redacted] сознании этого ребенка, так и не родившись [redacted] свет. Как будто единственным назначением десятков поколений, пахавших отеческую землю, оборонявших ее от врагов, было рождение этого счастливого собственным превосходством мальчика, живущего [redacted] эпоху научно-технической революции. Наверное, здесь мы сталкиваемся с последствиями упрощенной трактовки борьбы нового со старым, [redacted] соответствии с которой все новое лучше старого. Отсюда идет и безответственный перенос на себя лич[redacted] исключительных черт эпохи.

Я напомнил об этих случаях исторического «зазнайства» [redacted] для того, чтобы согласиться с В. Корневым [redacted] том, что счастливчикам коммунистического будущего нет дела до несчастий неудачников прошлого. Напротив. Думается, что острая критика проявлений исторического высокомерия [redacted] нашей печати свидетельствует [redacted] том, что такого рода явления чужды нравственным основам социалистического общества, чужды марксизму. Это подтверждает и обширная читательская почта, полученная газетами [redacted] на [redacted] публикации.

Эти письма ещё раз утверждают, что сознание исторической исключительности по своей природе противоречиво, сложно. Оно помощник, когда является стимулом духовного развития, побуждает молодого человека тянуться, дорастать до действительно исключительных социальных задач нашей эпохи. Оно может помочь [redacted] трудные минуты, стать реальной силой для серьезных исторических свершений. Но самолюбование своим превосходством чревато тем, что теряется возможность критического отношения как [redacted] своей собственной персоне, так [redacted] к делу, которому служишь.

Здесь действует четкое правило: чем настойчивее мы воспитываем такие нравственные качества, [redacted] уважение [redacted] старшим, стремление [redacted] добру, ответственность [redacted] свою работу, [redacted] меньше остается почвы для самолюбования [redacted] исторического высокомерия. Эта область человеческой деятельности не из легких, но марксизм никогда [redacted] не утверждал, что переделать человека — сущий пустяк. Речь идет, конечно, не о переоценке ценностей, не [redacted] том, чтобы на старый вопрос «что такое плохо и что [redacted] хорошо?» сегодня искать новый ответ. Просто люди [redacted] социалистическом обществе начали более реалистично относиться к себе [redacted] более бережно [redacted] тому, что создано до нас. О последнем свидетельствуют [redacted] наша литература, публицистика, практические дела по восстановлению памятников старины, традиционных промыслов [redacted] т. д. Мысль [redacted] том, что духовная жизнь людей — это самое важное и самое сложное, буквально пронизывает все, что создают советские писатели, художники, философы. Здесь не меньше нераскрытых тайн, чем загадок во Вселенной.

Марксистское учение о человеке [redacted] истории не только не помеха в [redacted] изучении, но [redacted] самый верный помощник. Из самой гуманистической сути марк[redacted] вытекает интерес [redacted] человеку, [redacted] его делам и духовной жизни. Марксистское учение о истории [redacted] деятельности преследующего свои цели человека не только не ведет к разделению людей на счастливые и несчастливые поколения, [redacted] помогает уяснить природу человеческого счастья вообще.

КТО СЧАСТЛИВ [redacted] МИРЕ?

Думали ли вы над тем, [redacted] важна для счастья, для духовного здоровья человека удовлетворенность результатами своей деятельности, достижением своих целей? Признавая самостоятельную историческую ценность и значение каждого поколения человеческого общества, их достижения и заслуги, дол-

жен ли марксизм отказывать людям других эпох в праве на удачи, радость победы, в праве на счастье? Разве не был счастлив средневековый горожанин, добившийся полной независимости от личной прихоти феодала и ставший свободным, независимым ремесленником? Разве не были счастливы участники первой буржуазной революции во Фландрии, прогнавшие испанских поработителей вместе с их феодальными порядками и инквизицией? Неужели до нас люди не знали радости труда, любви, материнства, радости открытий и человеческой дружбы? Или же почему тот, кто трудился в поте лица, обязательно чувствовал себя несчастным? Вспомним замечание Льва Толстого о причинах духовного здоровья трудящегося народа. «В противоположность того, что я видел в нашем кругу, где вся жизнь проходит в праздности, потехах и недовольстве жизнью, я видел,— писал Толстой,— что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде и они были менее недовольны жизнью, чем богатые».

Обычно критики научного социализма из лагеря религии пытаются подкрепить свои доводы ссылками на учение Маркса об экономическом отчуждении. Будто бы оптимистическая сущность марксистской теории исторического прогресса подрывается тезисом о непреодолимости отчуждения и эксплуатации в классовом обществе, отсюда: никто не может быть счастлив, кроме тех избранных, кто будет жить при коммунизме (кроме «поколения счастливчиков», как пишет В. Корнев).

Действительно, марксистская литература много писала и пишет об унижении, страданиях людских, выпавших на долю трудящихся в классово-антагонистическом обществе. Однако из этого неоспоримого факта не следует вывод об изначальной трагичности жизни всех тех, кто жил до нас, о том, что люди на земле ничего не знали, кроме печали и слез. Если бы это было так, то люди уже исчезли бы с лица земли и не осталось после них ни веселых песен и праздников, ни духовно наполненных обрядов, сохранившихся у всех народов.

Проблема счастья, как и любая другая проблема, должна решаться конкретно-исторически, то есть, как говорил Ленин, чтобы она «ставилась (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории». В этом плане понятие о счастье менялось от века к веку, от эпохи к эпохе. То, что считал для себя счастьем в жизни патриархальный крестьянин, наверное, выглядит «идиотизмом деревенской жизни» для городского жителя XX века. Но никто не рискнет утверждать, что последний более счастлив в жизни, чем первый.

Когда мы судим об истории, то довольно часто делаем несколько традиционных ошибок. Укажу на две. Первая состоит в том, что мы переносим специфику развития одних стран и народов на другие, тогда как их исторические судьбы очень разнятся. Очевидно, наибольшие тяготы эксплуатации выпали на долю народов древних деспотий Востока, где человек был абсолютно бесправен, где царил ничем не ограниченный социальный произвол правителей. В Европе даже в странах, познавших рабство, насилие над человеком не всегда было таким систематическим и изощренным. Исследователи установили, что численность рабов в наиболее развитых полисах древней Греции и в метрополии Римского государства в период максимального расцвета рабовладения не превышала одной трети общей численности местного свободного населения и что едва ли не большая часть рабов была занята не в главной отрасли тогдашнего производства — сельском хозяйстве, а в других производительных и непроизводительных сферах.

Преобладающее население древней Греции — свободный земледелец. И только удовлетворенностью свободного грека, его органической связью с природой, родным полисом можно объяснить расцвет искусства Эллады. Только это радостное и цельное мировосприятие могло вызвать к жизни совершенное античное искусство, ставшее нормой и недосягаемым образцом для следующих поколений. «И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» (т. 12, стр. 737). Эти известные слова Маркса меньше всего похожи на то, в чем упрекают марксизм его противники: будто он оставлял всем людям прошлого только «смерть и могилу».

Мы часто, не задумываясь, переносим специфику русского крепостничества с его ужасами, эксплуатацией и насилием на феодальную историю всех народов Европы. Комплекс явлений, известных под названием «крепостничества», остался в целом чуждым Западной Европе не только в эпоху становления феодализма, но и в эпоху его расцвета. Вспомним слова Ленина о том, что крепостное право в России почти ничем не отличалось от рабства. Но именно таких форм угнетения и подавления жизни человека как массового явления не знала Западная Европа.

Вторая ошибка состоит в том, что о жизни людей в той или иной формации судят по периоду, когда наступает ее смертный час, когда производительные силы приходят в полное противоречие с препятствующими их развитию производственными отношениями. Но ведь исторический материализм учит и тому, что во временных рамках каждой формации существовал период, иногда довольно продолжительный, когда устанавливалось относительное соответствие между человеком и общественными отношениями его эпохи. С этими периодами истории как раз и связаны высшие достижения человеческой культуры.

Вспомним о незатейливых радостях ткачей рабочих Англии допромышленной эпохи, которые, по мнению Энгельса, «чувствовали себя хорошо», «жили честно и спокойно», в мире и почете и сами «никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда, весьма романтичным и уютным». Неважно, сколько лет продолжалось счастье этих людей, неважно, что этих островков относительного благополучия было не так уж много на нашей земле. В данном случае важно только то, что марксизм не отнимает и никогда не отнимал у людей права радоваться своей единственной и неповторимой жизни.

ИНТЕРЕСЫ «ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» И ИНТЕРЕСЫ «СОБСТВЕННОЙ ПОДЛОЙ ЛИЧНОСТИ»

Известно, что марксизм-ленинизм отличает период перехода от капитализма к социализму от самого социализма как первой фазы коммунистической формации. В переходный период, в период революционной ломки традиционных отношений производства и были неизбежны определенные ограничения, неудобства жизни. Маркс говорил в «Критике Готской программы» о «муках родов» появления на свет нового общества. Но это отнюдь не означало, что люди в это время только тем и занимались, что жертвовали своими интересами, терпели невзгоды и не испытывали удовлетворения, не были счаст

ливы. На первую же фазу коммунистической формации, на социализм, распространяются уже многие закономерности всей коммунистической формации. Социализм, согласно взглядам Маркса, Энгельса, Ленина, обеспечивает трудящимся массам гарантии свобод, гарантии труда и благосостояния, создает широкую систему социального страхования для нетрудоспособных и престарелых, то есть создает условия для нормальной, полноправной жизни трудящихся масс. Но нигде, ни в одной работе Маркса, Энгельса, Ленина мы не найдем, что в социалистическом обществе необходимы постоянные личные жертвы.

Не только теория социализма, но и практика развития социалистических стран опровергает подобные измышления. Главные цели и задачи, которые ставятся в социалистических странах на повестку дня — рост материального благосостояния масс, их жизненного достатка и благополучия. Особенно много сделано для повышения жизненного уровня населения и развития культуры в социалистических странах в последние десять лет.

Блага жизни социализма — это не потусторонняя иллюзия, о которой пишет В. Корнев, а наша повседневная реальность. Надо уж совсем отвернуться от этой действительности, чтобы не видеть, что с каждым годом растет достаток советских людей. И дело здесь не во временной конъюнктуре или «передышке». Рост благосостояния масс — это историческая закономерность, сущность социалистического строя. Такой подход к жизни людей в социалистическом обществе вытекает из самой сути марксистского учения, если хотите, из его души. Нигде, никто не найдет в работах классиков марксизма тезиса о растворении личного в общественном в социалистическом обществе, но можно привести десятки примеров решительной критики таких упрощенных представлений. Коммунисты говорят о диалектическом сочетании личного и общественного, о том, чтобы общественное стало отражением личного, а личное доросло до общественного. Но «коммунисты отнюдь не хотят... — писали Маркс и Энгельс, — уничтожить «частного человека» в угоду «всеобщему», жертвующему собой человеку: это — чистейшая фантазия...» (т. 3, стр. 236).

Достаточно вспомнить критику Марксом и Энгельсом «коммунизма» Германа Криге, сущность морали которого видна из его изречения: «Мы должны делать нечто большее, чем заботиться только о своей **собственной подлой личности,** — мы принадлежим человечеству» (т. 4, стр. 14). Маркс и Энгельс в этой проповеди самоуничижения отдельной личности и ее интересов увидели компрометацию нравственных основ коммунизма. «Тенденция» христианского аскетизма, «самоосквернения человека», проводимая Германом Криге, его попытки «под трактирной вывеской коммунизма сбыть все мерзости христианства», по мнению основателей научного социализма, «в высшей степени компрометируют коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке».

Марксизм как реальный гуманизм потому и завоевал всемирное признание, стал ведущей идеологией человечества, что ставит интересы трудящейся личности и ее потребности превыше всего. Коммунизм Маркса звал не к полной нравственного достоинства «бедности», как прудонисты, не к равенству аскетов, как бабувисты, а к радости «обильной» жизни.

Ни в каком из известных миру социальных учений не был так органически связан вопрос о человеческой свободе с вопросом человеческого благополучия, как в научном социализме. Требование «полноты человеческой жизни» лежит в основе реального гуманизма Маркса, Энгельса. В соответствии с этим принципом «полноты» марксизм и говорит о личной жертвенности, личном самоустранении как явлении, противоестественном существу человека. Особенно противоестественна для человека нравственная неполнота. Эту неполноту, говорил Маркс, не могут оправдать никакие обстоятельства, как бы ни были они исключительны. В истории и жизни общества бывают ситуации, когда без жертв не обойтись. Но нет таких обстоятельств, которые могли бы оправдать «анархию в области нравственности», нравственную неполноту жизни человека, призывы к жертвам морального порядка.

Эта важная во многих отношениях мысль была высказана Марксом и Энгельсом в их полемике с Бакуниным и Нечаевым. Примечательно же то, что и в случае с религией презрения «к собственной подлой личности» Криге, и в проповеди моральных жертв Бакунина и Нечаева Маркс и Энгельс указывают на один и тот же источник происхождения этих теорий — на христианский аскетизм. Догматика эта — «чисто христианского происхождения», она была разработана еще в XVII веке последователями испанского иезуита Эскобара-и-Мендоса. Бакунин, по мнению Маркса и Энгельса, «только до нелепости утрирует ее характер и на место святой католической, апостольской, римской церкви иезуитов ставит свое архианархическое и всеразрушительное «святое революционное дело».

Мысль Маркса и Энгельса об опасности попыток «установления анархии в области морали» мне представляется чрезвычайно плодотворной и богатой. Гуманизм марксизма, его нравственная суть состоит в том, что он выводит свои моральные принципы, ориентируясь на полноту жизни, а не на исключительные, экстремальные ситуации.

Понимая: без потерь и жертв пролетариат не выиграет победу в исторической битве с буржуазией, для этой победы коммунистам придется отдать многое, даже жизнь и личное счастье (и это подтвердилось на опыте социалистической революции и строительства социализма в СССР), они исходили из того, что характерное для исключительных ситуаций не может стать нравственной нормой поведения, пригодной для всех случаев жизни. Нормой человеческой жизни является не состояние войны, а состояние созидания, положительного творчества, состояние человеческого счастья. Необходимо проводить четкое различие между ситуациями исключительными и нормальным развитием общественной жизни. Мы не вправе подходить с мерками гражданской войны и борьбы с разрухой к сложившемуся социалистическому обществу. Были годы, говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, «когда миллионы коммунистов и беспартийных сознательно шли на жертвы и лишения, были готовы довольствоваться самым необходимым, не считали себя вправе требовать особых жизненных удобств... Но то, что было объяснимым и естественным в прошлом, — когда на первом плане стояли другие задачи, другие дела, — в современных условиях неприемлемо».

Марксизм-ленинизм как теория реального революционного гуманизма видит свою основную цель и задачу в счастье всех людей, она утверждает право каждого на личное счастье. Суть марксизма не в забвении прошлого, а в почитании исторических свершений человечества. Для марксизма человек не средство, а цель. Человек — не слуга истории. История — это жизнь человека.

Леонид СТЕПАНОВ

там,

— Посмотри, Катрин, какие яблоки растут у нас в России! — Эмма достала из чемодана мешочек и высыпала на стол крупные желтоватые плоды. В комнате крепко запахло антоновкой.

Новые подружки уселись на кровать и стали грызть яблоки. Они чувствовали друг к другу большую симпатию, хотя были совсем разные — живая, энергичная Эмма и тихая, застенчивая Катрин.

Отвечая на вопросы Эммы, Катрин постепенно осмелела и стала рассказывать про Кальтенбург, где она жила со дня рождения.

Кальтенбург, по мнению Катрин, был ничем не хуже других немецких городов. После войны он подлечил свои раны, подремонтировался, на месте разрушенных и сгоревших домов построили новые, хотя, конечно, там и тут еще видны руины. Вместо взорванных химических заводов, которые прежде отравляли весь воздух в окрестности Кальтенбурга, построены другие заводы, связанные с реактивной авиацией. Они под землей. Дыма и копоти от них почти нет, но ночами, когда испытывают реактивные моторы, слышен приглушенный подземный грохот и соседние дома трясутся как в лихорадке.

В Кальтенбурге есть два театра, несколько кино, интересный исторический музей и знаменитая старинная ратуша, с которой, по преданию, полтысячи лет назад спрыгнул какой-то изобретатель с самодельными крыльями. Он упал на базарной площади, покалечился, но остался жив. Попы-инквизиторы подлечили его, потом устроили суд и сожгли «летуна» на костре. А теперь вот в Кальтенбурге — реактивные самолеты.

Беседу девочек прервал приход Хуго. Увидев Катрин на кровати хозяйки, он сделал строгое лицо и сказал, что ее срочно зовет господин Кальм.

— О! Это и есть знаменитые антоновские яблоки? Можно одно? Давно хотел попробовать.

Хуго достал из кармана перочинный ножичек, извлек его из футлярчика и стал аккуратно срезать кожуру.

— У нас едят не так, — критически заметила Эмма, которой не понравилось, как Хуго обошелся с Катрин.

— А как?

— Вот так!

Эмма с хрустом отхватила зубами большой кусок.

— Я так не сумею, — сказал Хуго. — А сколько стоит в России одно такое яблоко?

— Не знаю. Я не покупала, мне подарили.

— Кто подарил?

— Шефы нашего интерната.

Хуго ничего не понял, но переспрашивать не стал, чтобы не показаться глупым.

— Это вкусно, — сказал он, разжевывая маленький кусочек яблока, — но немного... как это по-русски? Кисло.

— Кисло? Нисколько. Самые полезные яблоки на свете. В них железа много.

Продолжение. Начало в № 1.

— Железо? — Хуго подозрительно поглядел на огрызок. — Это есть очень примечательно.

Он положил початое яблоко на стол, тщательно вытер ножичек специальным замшевым лоскутком и потянулся к стопке фотоснимков, лежащих на ночном столике.

— Можно посмотреть эти фото?

— Пожалуйста, — ответила Эмма. — Это наш дом на берегу Невы. А это наш дворец в Крыму. Мы там живем летом в лагере. Около Севастополя.

— Около... Севастополь? — Хуго изумленно поглядел на Эмму. — Унмёглихь! Там есть убит мой отец. Как это... Сапун-гора.

— Ну-у?! Вот совпадение! А мы там недавно раскопки делали. На Сапун-горе было большое сражение. Там теперь есть диорама — такой музей. Огромная картина по кругу — видно, как шел бой в разных местах. Оттуда, с Сапун-горы, как раз и началось освобождение Севастополя.

— Вы говорите «освобождение»... — Хуго удивленно пожал плечами. — Странно.

— А как же говорить? — в свою очередь удивилась Эмма. — Освобождение от немецких оккупантов.

Рисунки Г. Мурышкина.

За Эльбой

— Я понимаю: вы, фрейлейн Эмма, так привыкли говорить. Вас так учили в России. Но вы должны понять...

Лицо Хуго стало печальным и строгим.

— Мне тогда был всего один год. Я никогда не видел мой отец.

— Я понимаю, почему же... Виноваты не все немцы, а Гитлер и его главные фашисты.

— Да, Хитлер есть проклятый идиот. Из-за него Германия потерпела поражение и получила позор. Мой отец был храбрый офицер и очень большой патриот. Он хотел Великую Германию. Потому я имею мечту посетить Россию, найти могилу отца на Сапун-горе и преклонить голову.

— Там нет никаких могил. Только виноградники.

— Как? Там нет никакого памятника?

— Памятник есть. Героям-черноморцам. Они погибли, но не пустили врага на свою Родину.

Хуго заговорил голосом, дрожащим от сдержанного возмущения:

— Как вы можете так говорить, Эмма? Ваш отец тоже был немецкий солдат и он тоже убит на русском фронте...

— Да?.. — Эмма недоверчиво взглянула на собеседника. — Я ничего не знаю про него.

— Да, да — горячо заговорил Хуго. — Он был фронтовой солдат и отдал свою жизнь за нашу Германию. Как мой отец и тысячи других патриотов. Мой отец, конечно, был настоящий герой. Он имел железный крест с дубовыми листьями.

— А мой? — хрипло от волнения спросила Эмма.

— Я не знаю. Мне известно только, что фрау Марта получила извещение о его гибели в самом конце войны.

— Кто он был? — еще настойчивее спросила Эмма.

— Немецкий солдат, — торжественным тоном ответил Хуго. — Это есть очень почетно. И он отдал жизнь за немецкое отечество. В этом есть все сказано.

Эмма была подавлена новостью.

А Хуго продолжал:

— У нас в Кальтенбурге имеется свой «Фербанд зольдатенкиндер» — такое объединение солдатских детей. В наш Фербанд вступают молодые немцы, у которых отцы упали на фронте. Вы тоже можете вступить в наш Фербанд. У вас есть право на эту высокую честь.

— Н-нет... растерянно возразила Эмма. — Я про него ничего не знаю. И вообще мой настоящий отец совсем другой человек... Он живет далеко отсюда... Он русский — Петр Нефедович... У него очень много детей... Только вы этого все равно не поймете...

ПРОГУЛКА

В воскресенье Кальм решил прогуляться вместе с Мартой и Эммой по городу. Попросился и Хуго пойти вместе с ними. Старик Кальм охотно разрешил: племянник, кажется, помогает Эмме освоиться с новой жизнью. Весьма благородно!

Старик не знал, что Хуго получил от своего Фербанда задание перевоспитывать Эмму «в немецком духе» и постепенно вовлечь ее в «Объединение солдатских детей». Задание дал ему не кто-нибудь, а сам шеф Фербанда от «Союза бывших фронтовиков», кавалер трех боевых орденов Петер Шварц!

Спускаясь по лестнице в вестибюль, Эмма увидела Катрин, которая никак не могла справиться с испорченным пылесосом.

— Доброе утро, Катрин! — приветливо сказала она.

— Доброе утро, фрейлейн, — ответила Катрин.

Эмма решила, что сейчас самый удобный случай задать вопрос, который она твердо решила сегодня же выяснить у Катрин.

— Послушай, Катрин, — у вас в Кальтенбурге пионеры есть?

— Есть. Только они...

— Понимаю. Запрещены, да? А ты сама — пионерка?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что я трусиха. А вот мой брат Курт — он был пионером.

— Был? Что значит был? А теперь?

— Теперь он уже подрос и стал «юнгкоммунист» — то, что у вас называют — комзо-моль. Только, пожалуйста, никому не говори.

— Что ты! Да пусть меня даже пытают, ни слова не скажу!

Помолчав, Эмма сказала деловым тоном:

— Ты меня обязательно познакомь со своим братом.

— Хорошо. Потом.

— Сегодня же!

— Нет, сегодня не могу.

— Ну, хорошо, завтра.

— Ой!.. — Катрин вдруг засуетилась, подхватила пылесос и засеменила в другую комнату.

Повернувшись, Эмма увидела сквозь стеклянные двери Хуго, поднимающегося по лестнице из сада.

— Доброе утро, кузина. Как спали? — Хуго широко улыбнулся.

Крышка пылесоса с грохотом упала на паркет. Поднимая ее дрожащими руками, Катрин выронила гофрированную трубку, потом блестящий наконечник...

— Что ты там возишься со своим пылесосом? — раздраженно обернулся Хуго к Катрин. — Выметайся отсюда, быстро!

Путаясь в проводах, Катрин торопливо выскочила в соседнюю комнату.

— А почему вы молчите? — спросил Хуго Эмму. — Это есть невежливо.

— А так разговаривать с Катрин вежливо?

— Как разговаривать?

— Как с крепостной, вот как. Думаете, если

вы быстро проговорили по-немецки грубые слова, то я ничего не поняла? Поняла.

— С крепостной? Что такое — с крепостной? — Хуго наморщил лоб. — Это, вероятно, «ляйбайгене»? Совсем нет. Я с Катрин разговариваю так, как полагается говорить, сообразуясь с нашим положением. Я добропорядочный немец. Добропорядочный немец всегда справедлив. И любит во всем порядок. Каждый человек имеет свое место и свою работу. Катрин всего лишь штубенмедхен — служанка.

— Она человек.

— Да, она человек, но при этом служанка. Господин Кальм тоже человек, но при этом хозяин фабрики. Он управляет фабрикой, делает большое дело. Она убирает комнаты, делает маленькое дело. Каждый делает свое дело. Каждый имеет свой положение и свой уважение. По-немецки — решпект. У Катрин решпект маленький, у господина Кальма решпект большой. У вас, Эмма, тоже есть свое место и свой решпект. Вы дочь фабриканта, его законная наследница. Когда-нибудь вы сами станете хозяйкой фабрики. Вы богаты, свободны, тысячи девушек очень завидуют вам.

— Мне? Завидуют? Теперь??

— Да, теперь. Вы имеете счастье.

— Чушь! Какое счастье? Вот раньше я действительно была счастлива. Но я, глупая, даже не знала об этом. Теперь только поняла.

— А что есть по-вашему счастье?

— Счастье? — Эмма на секунду задумалась. — Быть хорошим, полезным человеком! И чтобы вокруг тебя были такие же хорошие, свободные и добрые люди. И чтобы они тебя любили. И ты их.

— И все?

— Все!

— Вы забыли главное — деньги. Без денег человек не может быть счастлив.

— Чепуха! Деньги счастье дать не могут.

Хуго снисходительно усмехнулся:

— У вас неправильное представление о счастье. Но постепенно вы все поймете правильно. Полюбите этот красивый уютный дом, который станет вашей собственностью. Привыкнете повелевать прислугой. Это приятно — чувствовать себя господином. Даже будете давать свою ручку для поцелуя. Это тоже очень приятно. И все это дадут вам деньги. Деньги! Благодаря деньгам вы будете иметь у нас в Кальтенбурге большое уважение — большой решпект! Если еще больше разбогатеете, поставите фабрику на высокие ноги, вас узнают в Гамбурге или даже во всей Германии. Между прочим, известность уже слегка коснулась вас. Да, да — не удивляйтесь. Вы уже становитесь... как это по-русски? Знаменит!

Хуго развернул гамбургскую газету, которую он принес с собой. На второй полосе Эмма увидела себя — с испуганным глупым лицом, со скошенными к носу мутными глазами.

— Это я?! Такая уродина?!

— Снимок сделан на аэродроме. В спешке.

— Обезьяна какая-то. А что здесь написано? Какая чушь! Моя родина — Советский Союз. Дайте-ка сюда газету.

Эмма присела в кресло и прочитала несколько строчек.

— Что такое «штахельдрат»? — спросила она, наткнувшись на незнакомое слово.

— Колючая проволока.

— Что ж тогда получается? Получается, что я все время жила за колючей проволокой?

— Это написано... как это? Иносказательно... В переносном смысле.

— И в переносном — гадость. И снимок... Я же идиотка здесь. Настоящая идиотка. Кто же позволил?

— Никто не позволил. У нас свобода печати.

— Значит, каждый может писать любую гадость и ложь? Изобразить человека уродом, идиотом? Это свобода? Вот у меня фотографии... Наш крымский дворец. Кипарисы, цветы, море. Куда этому кальмовскому домишке. Сарай он по сравнению с нашим дворцом — обыкновенный са-

рай. А здесь что написано? «Двенадцать лет в советской неволе». «Она сидела за колючей проволокой». Что же это такое, а?

— Разумеется, это не есть совсем так. Это всего лишь символически. У нас на Западе есть традиции — как изображать тоталитарный режим.

— Что это значит — «тоталитарный режим»? Говорите яснее.

— Это значит, что режим не есть демократический.

— У нас? В Советском Союзе? — девочка рассмеялась.

— Почему опять «у нас»? — возмутился Хуго. — Ваша родина есть Германия — Федеративная Республика Германия.

Эмма не успела ответить, потому что на верхней ступеньке лестницы появился Кальм под руку с Мартой. Увидев племянника, оживленно беседующего с Эммой, он засиял от удовольствия:

— Гутен морген, голубки! Я вижу, что вы уже подружились. Это хорошо, мне это нравится. Если ты, Хуго, поможешь Эмме освоиться с новой обстановкой, то я подарю тебе роллер последней марки. Ты ведь хочешь роллер, да?

Хуго промолчал.

Кальм благодушно пошутил:

— Смотрите, какая сегодня Эмма импозантная. Она у нас без женихов не засидится. Ты, Хуго, стереги нашу дочь. А то ее украдет у нас какой-нибудь Ротбарт. Хе-хе!

Хуго улыбнулся, сделал успокоительный жест и хотел взять Эмму за локоть. Но она увернулась и пошла одна.

Кальм довольно засмеялся. У него было приятное настроение, какого он уже давно не испытывал:

— Она у нас еще и кокетка! Теперь я нисколько не сомневаюсь, что Эмма сделает себе отличную женскую карьеру!

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Дом Кальма стоял на тихой зеленой улице, на которой расположились особняки богатых семей Кальтенбурга. От нее начинался переулок, где разместились дома мелких лавочников, кондитеров, служащих городского магистрата. А тот переулок примыкал к самой оживленной магистральной улице Бисмаркштрассе — с магазинами, ресторанами, кафе и ночным кабаре «Сильвия».

Едва чета Кальм и Хуго с Эммой появились на Бисмаркштрассе, как из-за круглой тумбы для афиш вывернулся репортер с портативным звукозаписывающим аппаратом на боку и с микрофоном в правой руке. Он подскочил к Кальму, наскоро представился и сразу же — словно его самого включили кнопкой — забормотал в микрофон свой заготовленный радиорепортаж.

— Итак, мои дамы и господа, маленькая гражданка Кальтенбурга, увезенная с берегов Эльбы двенадцать лет назад, снова дышит воздухом свободы! Сегодня она впервые вышла на прогулку на улицы родного города. Справа от нее шествует глубокоуважаемый господин Кальм, хозяин фабрики нитролаков, удочеривший Эмму после того, как было установлено, что девочка действительно дочь его законной супруги Марты Кальм. Марта Кальм, идущая слева, естественно, утопает в лучах материнского счастья. Четвертый в этой почтенной компании — Хуго Шрамм, племянник господина Кальма и сын офицера-героя, погибшего за наше отечество. На маленькую Эмму невозможно смотреть без смешанного чувства сострадания и умиления. Она еще никогда в жизни не видела таких сверкающих витрин и красочных реклам, таких чудесных...

— Что он говорит? — спросила Эмма, подойдя поближе к Хуго. — Я почти ничего не понимаю.

— Ничего важного, — успокоил ее Хуго. — Он просто рассказывает, как мы делаем прогулку по городу и что мы при этом видим.

Между тем Марта, отлично слышавшая, что именно наговаривает репортер на пленку, недовольно заметила Кальму:

— Что за развязная болтовня?

— Так нужно, моя дорогая, — не слишком уверенно ответил старик. — Нами интересуются люди.

— Обычно ты так дорожишь своей репутацией...

— Что ж делать, дорогая? Не могу же я его прогнать. Это было бы неприлично.

— А это прилично? Ты послушай, что он говорит. «Эмма никогда в жизни не видела колбасы». Это же возмутительная ложь.

— Разумеется, ложь. Но ведь ты знаешь, наше радио вообще редко говорит чистую правду. Всегда что-нибудь... м-м... добавляет. Очевидно, так нужно для политики.

Слово «политика» Кальм произнес очень многозначительно. Вообще-то он в политике не очень разбирался, но догадывался, что радиопередача, которую подготавливал христианско-демократический союз, имела прямое отношение к выдвижению в бургомистры Кальтенбурга кандидата ХДС генерала Штендебаха. А подслуживать такому влиятельному человеку всегда хорошо. Уж это он, Кальм, понимает, на это хватает его политического кругозора.

— Я слышал, — сказал Кальм, — что господину Штендебаху скоро дадут орден?

— Орден? — удивилась Марта. — За какие же заслуги?

— Он один из немногих наших генералов, кто сражался до последнего патрона.

— Господи! И за это теперь награждают?

— Почему же нет? Он хороший военный специалист. Нам нужны для армии хорошие специалисты... Однако куда же девалась наша парочка? — старик, чтобы прервать неприятный для него разговор, озабоченно завертел головой во все стороны. — Присядь-ка ты за столик и закажи кофе. А я их разыщу и приведу сюда.

Они зашли в небольшое, но приличное кафе, расположенное за кустиками декоративной зелени прямо на широком тротуаре. Старик пододвинул Марте стул, заботливо усадил ее и подозвал официанта.

В это время у тумбы для афиш произошло неожиданное знакомство.

Эмма увидела подростка в синем комбинезоне, испачканном краской, с ведерком клея и кистью в руках. Парнишка внимательно оглядел ее, а потом подмигнул:

— Зовиетунион?

— Да — зовиетунион! — обрадованно ответила Эмма. — А ты — кто?

— Их бин арбайтер.

— Дас ист гут, — одобрительно кивнула головой Эмма. — Клеешь?

— Ихь клебе, — усмехнулся парнишка. — Расклейщик колоссального ти-па!

Эмма засмеялась: так странно он выговорил это «колоссального ти-ппа!»

— Я — Курт. Катринс брудер, — тихо продолжал мальчик.

— Ты брат Катрин?! — Эмма чуть не подпрыгнула от радости.

Курт предостерегающе поднес палец к губам.

Мимо тумбы прошли Кальм и Хуго:

— Она просто убежала от меня куда-то, — оправдывался племянник. — Я помогал репортеру организовывать мнение прохожих, а она воспользовалась этим и убежала.

Курт держал палец на губах. Когда дядя и племянник прошли вперед, он опустил палец и сказал:

— Пойди покажись им, чтобы не было лишнего шума. Нам это сейчас ни к чему. А вообще с этим тонконогим Хуго будь осторожна. Поняла?

— Поняла, — сказала Эмма.

— Мы увидимся скоро. Катрин тебе скажет...

Она вышла из-за тумбы и чуть не наскочила на Кальма.

— Эмми! — возмутился старик. — Куда ты запропастилась?

Схватив Эмму за рукав пальто, Кальм повел ее в сторону кафе. Хуго чуть задержался, подозрительно поглядывая на расклейщика. Но тот сделал вид, что ничего не замечает и усердно занимается своим делом.

Курту было не до него: человек, которого он ждал, из-за которого пришел на эту улицу, появился, наконец, в толпе зевак, собравшихся около репортера.

Стоя на перекрестке, радиорепортер продолжал быстро наговаривать в микрофон:

— После того, как мы спросили мнение жителей Кальтенбурга относительно благородного поступка господина Штендебаха, благодаря усилиям которого Эмма Кальм возвратилась на родину, вернемся вновь к нашей юной героине. Теперь она направляется в кафе «Аида», где Марта Кальм уже заказала четыре чашечки «мокко». Почетный гражданин Кальтенбурга Йозеф Кальм препровождает счастливую дочурку к столику. Широко раскрыв глаза, словно перед сказкой, она смотрит на витрину, где выставлены кремовые торты, бисквиты и всевозможные сладости. Вот она села за столик рядом с матерью, бедный ребенок. Она никогда не видела такого обилия вкусных вещей. У нее разбегаются глаза. Она даже не знает, как это едят, и растерянно смотрит на дессертную вилочку для торта, которую протягивает ей мать. Извините: госпожа Кальм делает мне какие-то знаки. Очевидно, она хочет сказать несколько слов нашим радиослушателям. Это естественно в такой знаменательный для нее день... Пожалуйста, прошу вас, госпожа Кальм.

Репортер галантно протянул микрофон. Сильно побледнев, Марта спросила:

— Как вы смеете так карикатурно изображать мою дочь!

— Простите, госпожа Кальм, — ответил репортер, поспешно выключая аппарат, — но я действую по утвержденному плану. Разумеется, во время импровизации я могу допустить мелкие неточности, но заверяю вас: в студии все будет потом тщательно отредактировано.

— Ложь, как ни редактируй, правдой не станет! — Эти слова произнес высокий седой человек.

Услышав его голос, Марта Кальм вздрогнула и еще больше побледнела.

— Ложь и правда понятия относительные, — буркнул репортер, копаясь с магнитофоном.

— Ложь, пожалуй, действительно, понятие относительное, — спокойно парировал высокий. — Можно наврать поменьше, а мнения побольше. Смотря по оплате. А вот правда понятие абсолютное: или она есть или ее нет. Что касается вашего, с позволения сказать, репортажа...

— Не лезьте не в свое дело! — всерьез начал раздражаться репортер, — в конце концов у нас свобода слова.

— Ах, свобода слова! — насмешливо пропел высокий. — Как хорошо, что вы нам об этом напомнили. А то мы, западные немцы, как-то совсем об этом забыли. Ну-ка дайте-ка мне на минутку ваш микрофон: я тоже хочу кое-что сказать для наших радиослушателей. А что ж вы не даете?

— Это провокация! — взорвался репортер. — Я ведь могу и полицию позвать!

Высокий развел руками:

— Ну вот вам и вся свобода слова! Сейчас явятся хранители нашей «демократии» с железными наручниками. Боюсь, мне не удастся объяснить им, что я всего лишь воспользовался своими гражданскими правами.

Улыбнувшись, он помахал рукой репортеру и спокойно пошел прочь

— Не ставьте нас, пожалуйста, в глупое положение, — строго сказала Марта Кальм репортеру. — Дайте нам спокойно выпить кофе. И вообще уйдите. Вы записали достаточно.

— Хорошо, хорошо, — поднял руки репортер. — Осталось только записать два слова от вас, господин Кальм. Вы обещали.

Последнюю фразу он произнес потише, чтобы не услышал никто из ротозеев на тротуаре, но Кальм все равно нахмурился.

— Кому это ты обещал? — строго спросила Марта. — Что за новости? Ты никогда раньше не лез в политику.

— Я был вынужден, дорогая. Мы же с тобой очень обязаны...

— Так это для него ты стараешься? Для Штендебаха?

Марта решительно поднялась, взяла Эмму за руку и пошла к выходу.

Кальм с растерянным видом посмотрел ей вслед:

— Я вас тотчас догоню. Идите потихоньку к парку. Я только расплачусь.

— Постойте, господин! Одну минутку. Не нужно ли вам оклеить комнату?

Высокий остановился и внимательно поглядел на парня с ведерком.

— Пока не нужно. Но возможно, понадобится к рождеству.

— Товарищ Грюнвальд! — Курт опустил ведерко с клеем и стремительно протянул свою руку. — Вот удача! Колоссального ти-па! Я Курт — Курт Грубер.

— Да?.. Сын Карла?.. Да, ты похож на него. Где собираемся?

— У Франца Кюна. Он недавно устроился шофером на складе. Получил хибару на краю города. Франц ждет нас со своим грузовиком у гастхауза «Липа».

— Знаю «Липу». Ну, пошли, старина.

И они пошли по боковым улицам и переулкам, стараясь не попадаться на глаза случайным прохожим.

В ХАРЧЕВНЕ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Увидев Бруно на улице, Марта была очень взволнована. Нахлынули воспоминания. Как живой, перед глазами встал Антон...

Два дня мучили Марту воспоминания и догадки. Потом она не выдержала и пошла к своей старой подруге Луизе Грубер, попросила помочь ей встретиться с Грюнвальдом.

Встреча состоялась днем на окраине города в старой харчевне «Черный лебедь». Марта приехала на такси, вышла из машины на параллельной улице и прошла к харчевне переулком.

Завидев Марту в дверях, Бруно вышел ей навстречу. Он уже был одет получше, мог сойти за благополучного чиновника. На верхней губе появились усики. «Слишком быстро отросли,— подумала Марта,— наверное, наклеенные».

На виду у посетителей Бруно поцеловал Марте руку, галантно проводил ее до столика в углу, пододвинул стул.

Минуту они молчали, разглядывая друг друга.

— Где ты пропадал столько лет? — тихо спросила Марта.

— Там, где пропадают теперь многие порядочные люди.

— В тюрьме? Когда ты вышел?

— Неделю назад.

— И сразу сюда?

— Почти. Побывал только у товарищей в Гамбурге. Нашлось, понимаешь ли, для меня срочное дело. И представь себе, оно связано с тобой, вернее с твоей дочерью Эммой.

— С Эммой? Что такое? — в голосе Марты прозвучала тревога.

Подошел официант с подносом. Поставил перед гостями по маленькому кофейничку, по чашечке, по крохотному молочнику со сливками. Ушел.

— Ты меня прости, Марта, — начал Бруно, наливая ей кофе. — Я могу говорить только коротко и потому тебе будет еще больнее. Но суть останется все та же. Во-первых, об Антоне...

— Об Антоне?! — почти простонала она.

— Да. Не удивляйся. Тогда в сорок пятом, когда ты лежала в больнице, я и другие товарищи еще не знали подробностей его гибели. Теперь знаем точно. Антон не был убит на фронте.

— Нет?! — Запавшие глаза Марты вспыхнули — Он... он жив?!

— Нет — с горечью, но твердо ответил Бруно. — Антон был расстрелян военно-полевым судом. За месяц до конца войны.

— За что? — беззвучно прошептала Марта.

— За то, что он агитировал солдат прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие.

— Антон... Бедный мой Антон...

— А знаешь, кто отдал приказ о расстреле? Генерал Штендебах. Да, да, этот самый ваш «благодетель». Его молодчики пытали Антона, хотели, чтобы он выдал своих сообщников. Они жгли его паяльной лампой...

— Молчи!.. Не надо...

— Прости, Марта, прости, родная. Но ты должна знать все. Ты посмотри, что получается теперь? Возвращение твоей дочери Штендебах использует в своих политических интересах. Конечно, это не самое главное в предвыборной борьбе, но такая эмоциональная пропагандистская интермедия может иметь немалое политическое значение.

— Подожди. Я что-то плохо понимаю тебя?

Она в самом деле никак не могла ухватить связь между своей дочерью и политикой правящей партии ХДС—ХСС.

— Что же тут не понять? — продолжал Бруно. — Неужели ты думаешь, что они по доброте сердечной помогли тебе найти девочку? Палач Штендебах рассчитывает стать бургомистром. Ему нужно изобразить себя в глазах избирателей добрым, гуманным человеком. Пользуясь маленьким эпизодом с девочкой Эммой, он выставляет себя благодетелем, доброхотом, настоящим немцем. А наш обыватель сентиментален, он прольет слезы над историей твоей, как ему расскажут, замученной и с трудом возвращенной дочери. Он преисполнится уважения и благодарности к Штендебаху и заодно недоверия к Стране Советов. А любая антисоветская пропаганда всегда направлена и против нас, коммунистов.

— Но ты ведь опять рискуешь, Бруно? Тебя опять бросят в тюрьму. Так нельзя!

Бруно пожал плечами.

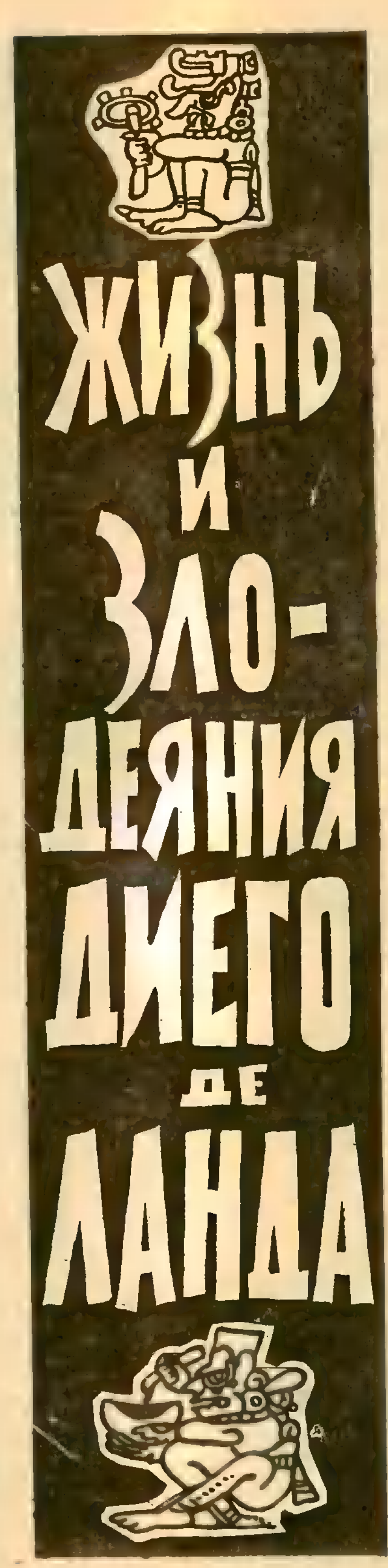
— А разве можно, чтобы бургомистром нашего Кальтенбурга стал Штендебах? Я приехал по заданию партии, чтобы разоблачить его. Потому что я здешний и лучше меня никто это не сделает.

— Да, наверное... — грустно согласилась Марта.

Продолжение следует

По традиции, статьи [redacted] энциклопедических словарях кончаются списком основной литературы по данному вопросу. Не составляет исключения [redacted] раздел «майя» — так назывался индейский народ, населявший территорию современной Мексики, Гватемалы, Гондураса, создатель одной [redacted] древнейших цивилизаций [redacted] Америке, народ, основавший в первом тысячелетии нашей эры более ста городов, создавший свою письменность, точный астрономический календарь, оставивший уникальные образцы архитектурных [redacted] художественных ценностей.

На первом месте [redacted] списке этой литературы стоит: Ланда Д. «Сообщение [redacted] делах [redacted] Юкатане». И год — 1566. Ланда Д. — это Диего де Ланда, первый [redacted] европейцев, кто оставил подробные свидетельства [redacted] бесценных сокровищах культуры древнего народа... и кто больше всех виновен в гибели его духовных памятников. С именем этого ревностного служителя христианской церкви связаны пыт[redacted] ауто-да-фе — публичные сожжения еретиков-язычников, [redacted] пожелавших принять «истинную» веру. Эту практику жестоких наказаний, «угодную» богу, принесли с собой европейские монахи-миссионеры, проповедовавшие местному населению основы христова учения. О том, что [redacted] человек был Диего де Ланда, какую печальную славу о себе оставил он [redacted] веках, рассказывает ленинградский ученый, доктор исторических наук Рудольф Фердинандович Итс в научно-художественной книге «Века и поколения», выходящей [redacted] издательстве «Мысль», отрывок [redacted] которой [redacted] предлагаем.



Р. ИТС

С ПОСЛЕДНЕГО своего портрета Диего де Ланда смотрит на мир сквозь покаянно опущенные веки. Длинное, аскетически худое лицо, на котором выделяется высокий прямой нос, изрезано глубокими складками, подчеркивающими упорство [redacted] волю. Открытый, высокий, без единой морщины лоб окаймляет густая короткой стрижки линия волос, оставленных после тонзуры[1]. На нем мантия епископа, поверх которой парадный, [redacted] драгоценными камнями крест. Величие и раскаяние [redacted] одно [redacted] время.

Почивший, как сказано в церковном жизнеописании, [redacted] «ореоле святости» [redacted] 1579 году [redacted] городе Мериде на полуострове Юкатан, Диего де Ланда оставил в памяти своих современников совсем иной образ...

Случилось это меньше чем через год после высшего духовного совета (капитула) францисканцев[2] Юкатана и Гватемалы, который объединил их [redacted] единую церковную провинцию. 13 ноября 1561 года на этом капитуле главой (провинциалом) новой провинции и был избран Диего де Ланда. Сбылись потаенные честолюбивые мечты отпрыска знатного, но разорившегося дворянского рода Кальдеронов, чей замок стоял [redacted] небольшой возвышенности [redacted] Сифуэнтес де Алькаррия [redacted] Центральной Испании.

Еще шло заседание капитула, еще не прозвучала тщательно подготовленная речь нового провинциала о божеской благодати, сошедшей [redacted] языческую индейскую землю, [redacted] долге священнослужителей быть добрыми [redacted] настойчивыми пастырями, когда тихо вошедший в залу настоятель монастыря [redacted] Мани остановился у кресла Ланда [redacted] быстро зашептал ему на ухо.

Спустя много лет Диего де Ланда даже самому себе боялся признаться в тяжести содеянного им. Провинциал напишет записки, чтобы оправдать себя, но не расскажет всей правды. Может быть, [redacted] смертном одре, боясь страшного суда, [redacted] произнесет слова покаяния, сошлется [redacted] помутнение разума, но никто из тех, кто видел все сам, [redacted] услышит слов покаяния.

От полудня 15 ноября 1561 года до полночного часа 12 июля 1562 года жестокая, обезобразившая его складка в уголках губ [redacted] сходила [redacted] лица провинциала де Ланда, [redacted] много месяцев ненависть застила[redacted] ему глаза, не давая возможнос[redacted] оглядеться [redacted] остановиться [redacted] ужасе перед содеянным по его приказу. Эти месяцы проявили совсем другого Диего де Ланда, не того, который смиренно переступил порог францисканского монастыря Сан Хуан де Лос Рейес [redacted] испанском городе Толедо в 1541 году, [redacted] того молодого миссионера, который [redacted] августе 1549 года оказался [redacted] Юкатанском берегу и сразу [redacted] проявил способности человека, умеющего найти путь [redacted] знатным индейцам, выучившего их язык, обучающего [redacted] детей. И не тот настоятель монастыря Сан-Антонио в Исамале, кто спустя несколько лет возглавил борьбу цер-

[1] Остриженное место на макушке у католических священнослужителей, символ их отречения [redacted] мирских интересов.

[2] Монашеский орден, основанный [redacted] 1221 году.

В статье помещены рисунки [redacted] рукописей майя: бог Чак [redacted] трещоткой, рисовальщик, орел [redacted] змея, кролик, бог смерти, пленник, бог кукурузы, алтарь, добывание огня, собака.

кви против местных испанских помещиков, выступая «защитником индейцев», и добился присылки королевских чиновников из Испании, попытавшихся умерить алчность конкистадоров и способствовавших укреплению позиций церкви. Этот Диего де Ланда не пользовался благосклонностью испанских помещиков, но находил поддержку у городского судьи — алькальда города Мериды.

...Не успел настоятель монастыря в Мани отшептать последнюю фразу, как новый провинциал вскочил, воздел руки кверху и, к удивлению собравшихся, знавших вкрадчивый голос Ланда, заговорил, срываясь местами на крик:

«Братья, мы вели упорную борьбу с пороками индейцев, которыми были идолопоклонство, публичные оргии, купля и продажа рабов для испанцев, препятствовавших нашему смиренному и возвышенному делу. Братья, нам всегда причиняли неприятности и испанцы, и индейские жрецы, которые потеряли свою службу и доходы от нее. Мы во многом преуспели, братья! По нашему распоряжению, всем индейцам, познавшим божью благодать, было сообщено, чтобы они не жили в лесных чащобах, а жили в хороших селениях. Здесь их было легче просвещать и монахи не испытывали в своей деятельности затруднений. Индейцы всегда давали милостыню на пасхальные и другие праздники, на нужды церкви через двух старых индейцев, назначенных для этого. Вместе с тем они давали необходимое братьям, когда те ходили их посещать, а также приготовляли украшения для церквей.

Братья! — звенел голос Ланда, — хотя эти люди были просвещены, а их юноши преуспели в учении, старый индеец — служка монастыря в Мани вчера в чаще леса наткнулся на пещеру. В пещере лежала божья тварь — олень с рассеченной грудью и вырванным сердцем, стояли языческие идолы, обмазанные оленьей кровью. Наша паства, братья, вновь поддалась внушению демона и преступает христианские законы. Эти люди совращены жрецами-идолопоклонниками и испанскими сеньорами, обиженными на наши требования справедливости. Наш долг, братья, все расследовать, изгнать бесовское наваждение, не то скоро вновь индейцы возвратятся к почитанию идолов и жертвоприношениям, причем не только курением, но и человеческой кровью.

Я покидаю капитул, братья, чтобы расследовать дела монастыря в Мани и сообщить вам».

Портрет Диего де Ланда.

Если бы члены капитула знали, к чему приведет это расследование, они возможно и задержали бы своего провинциала, предложив ему обратиться к епископу, но случаи возвращения к идолопоклонству, прежней религии индейцев, были тогда нередки и обычно после увещевания упрямые язычники вновь возвращались в лоно христианской церкви.

Кавалькада всадников выехала в Мани поздно вечером. Обычно звездное в это время года небо было покрыто черными тучами, готовыми низвергнуться сильным ливнем. Где-то вдали, у самого края низменности, как будто мелькнула молния. Почти не видно мерцания светильников в селениях, окружающих монастырь.

Налетел со свистом порыв ветра, застучали о землю первые дождевые капли. Но ничто и никто уже не мог остановить провинциала. Что же задумал Диего де Ланда в тот поздний вечер?

Распахнулись ворота монастыря, выпустив молчаливую процессию людей с зажженными факелами. Впереди быстрым шагом шел сам провинциал. Служка-индеец, показывавший путь, то и дело вприпрыжку догонял его. За провинциалом следовал настоятель монастыря, а за ним двигались солдаты и монахи, монахи и солдаты.

Вот и первые строения деревни — глинобитные сооружения с высокой соломенной крышей.

— Здесь! — прошептал служка и показал на третий дом от края.

Провинциал выхватил из рук монаха факел и толкнул дверь в первую, гостевую, половину дома. Здесь никого. Было позднее время, и индейцы уже спали на циновках в задней комнате, за продольной внутренней стеной. Люди испуганно просыпались, забивались в дальние углы, боясь поднять глаза на неожиданно ворвавшегося человека с горящим факелом в руках, с искаженным яростью лицом.

— Он! — крикнул служка, указывая на рослого молодого мужчину, порывисто вскочившего с лежанки и ухватившего на всякий случай толстую дубину.

— Взять! — отрывисто бросил провинциал, и двое солдат схватили мужчину. Спросонья никто не понимал, что случилось, все в доме были растеряны и беспомощны. Солдаты поволокли схваченного к выходу.

— Падре! — мужчина повернулся к провинциалу, — это ведь я, На Чан-чель.

Ланда лишь повел глазами на говорившего и быстро вышел. Ему не хотелось остужать свой пыл воспоминанием, что На Чан-чель был лучшим и первым его учеником еще в то время, когда он начинал свой путь на Юкатане.

К полудню следующего дня в подземелье монастыря сидело уже сорок мужчин, которых объявили зачинщиками «апостасии» — отступничества от христианства. Ланда многократно спускался в подземелье и пытался выявить у узников, кто принимал участие в богопротивных жертвоприношениях. Сбитые с толку люди не понимали, чего от них хотят. Однако стоило назвать кого-нибудь, кто в последние дни ходил в лес, где была пещера, за ягодами или сучьями, как его тоже хватали и помещали в застенки монастыря.

Когда число узников перевалило за три сотни, уже нельзя было заставить их проговориться, назвать какое-то имя. Из близких деревень люди стали убегать в лес, в дальние горы.

Прошло больше двух недель. До капитула, так и не дождавшегося возвращения нового провинциала, доползли разноречивые слухи, встревожившие духовенство. Будто он своей властью положил начало инквизиции, расследованию, которое может осуществлять только священнослужитель, облеченный саном епископа.

А тем временем из Мериды алькальд по просьбе Ланда выслал новых солдат и вскоре по

всей округе Мани было схвачено 6830 человек, обвиненных в вероотступничестве. Капитул послал двух настоятелей монастырей из Гватемалы проверить упорно распространявшиеся слухи, что, добиваясь признаний, Ланда пошел на применение изощренных пыток.

Когда они прибыли в Мани, то увидели еще более страшную правду и узнали, что без епископального разрешения провинциал начал инквизицию и в соседней провинции Сотуте.

Посланцы капитула нашли провинциала в дальней камере западного крыла монастыря. Он был настолько поглощен происходящим, что даже не заметил «высоких гостей».

— Воском, горячим воском по спине! — командовал провинциал, и палач окачивал спину подвешенного за руки к потолку На Чанчеля. Страшная боль исказила лицо индейца, но он молчал.

— Говори, кто вскрывал оленя, говори, кто толкнул тебя на вероотступничество! — истерически кричал Ланда, тыкая жертву раскаленным прутом в голые пятки.

Ужаснувшись увиденным, вдохнув запах горелого мяса, посланцы капитула воскликнули разом:

— Брат-провинциал, остановитесь! Ваш сан не позволяет вести такой допрос. Брат-провинциал, вы...

Диего де Ланда вздрогнул, швырнул в сторону железный прут и оглянулся. По его знаку палач снял жертву с пут и опустил на пол.

— Братья, — вкрадчиво начал провинциал, — я здесь не по своей воле, а единственно по воле нашего господа. Я вами назначен духовным главой провинции. — Он помолчал и вдруг резко крикнул: — Мне нельзя ждать, когда распорядится епископ брат Франциско Тораль, не знающий наших условий и могущий допустить безудержное распространение ереси. Я делаю так, как велит мне мой долг перед святой церковью, и пусть бог будет мне судьей!

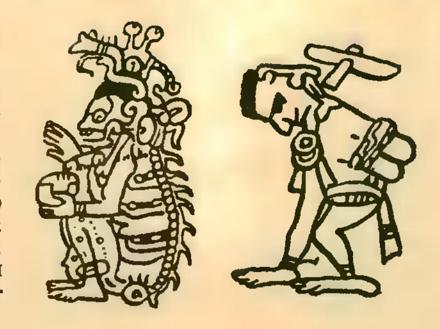
Он повернулся к палачу и дал знак продолжить пытку. В ужасе, многократно крестясь и не оглядываясь, посланцы капитула выскочили из подземелья. Ланда остался. Он склонился, прислушиваясь к неясному шепоту На Чанчеля. Ему показалось, что тот выдохнул наконец имя божье. Но индеец затих — навсегда. На мертвом лице его застыла улыбка. Провинциал отшатнулся и рухнул в кресло. Он просидел в беспамятстве несколько часов.

Монахи осторожно вынесли провинциала на двор. Когда Ланда очнулся, он удалился в свои покои. Три дня он не показывался на люди, и служки подавали ему еду через окошко в двери. А по всей провинции продолжалась охота за отступниками.

Через три дня провинциал вышел на монастырский двор и продолжал инквизиторское расследование. Казалось, теперь уже никто и ничто не остановит его — ни то, что 157 индейцев скончались под пытками в монастырях, ни то, что искалечено уже более четырех тысяч мужчин и женщин. Провинциал готовил самое страшное.

Члены капитула и испанские сеньоры, много месяцев наблюдавшие почти сатанинскую ретивость провинциала во имя Христа, опасались восстания индейских селений. Кто-то предлагал послать известие епископу, но епископ Тораль был далеко, а Ланда и действовавший заодно с ним главный алькальд города были рядом.

Схоронив на погосте нераскаявшихся еретиков, в монастырь Мани свезли языческие идолы, манускрипты на оленьей коже, сосуды с рисунками, каменные алтари. После 10 июля на дороге, ведущей к Мани, можно было встретить знатных испанцев и знатных индейцев, но всех затмила пышная свита главного алькальда. Судья и его сторонники ехали в Мани по приглашению самого Диего де Ланда, который обещал им невиданное еще в Новом Свете зрелище — торжественное ауто-да-фе, знаменующее завершение борьбы с ересью. Сознавая себя рукой божественного провидения, провинциал назначил его на 12 июля.



На широкой площади перед монастырем уже разложены были огромные кучи хвороста, сучьев, соломы. Уже во всех ее концах построены были эшафоты, а перед самым монастырем сооружено нечто вроде помоста с легким тростниковым козырьком от жаркого солнца — для самых знатных гостей. Приехали почти все настоятели этой и соседних провинций, кроме тех двоих, что приезжали посланцами от капитула. Может быть, они остались в своем приходе, может быть, все-таки отправились к епископу сообщить о действиях Ланда, превышающих его права по сану.

В пять часов пополудни на помосте в окружении испанской и индейской знати появился главный алькальд. Затем распахнулись монастырские ворота и вышел провинциал в парадном одеянии. Он вознес к небу молитвы. По его знаку монахи начали выносить на площадь тысячи языческих идолов, 13 каменных алтарей, 22 маленьких камня с рисунками, 27 свитков рукописей майя на оленьей коже и 197 сосудов с изображениями различных богов майя. К эшафотам, выстроенным во всех концах площади, подвели несколько десятков индейцев в колпаках позора.

Поднявшись на помост, Диего де Ланда вновь помолился и подал знак. Вспыхнули костры. В них полетели идолы, алтари и рукописи, сосуды и рисунчатые камни. Солнце зашло, но от пламени костров было светло и жарко, как летним днем.

И снова Ланда подал знак. К несчастным жертвам христианского бога подскочили палачи с бичами и ножницами. Кого-то они остригали наголо, кого-то били до крови бичами, кого-то привязывали к столбу, прежде чем запалить костер, кого-то просто толкали в огонь.

И в четвертый раз провинциал поднял руку, не обращая внимания на гневные выкрики в толпе, на испуганный шепот среди знати. Факелы озарили страшное зрелище. На погосте сотни людей, одетых в шутовские наряды — «сан-бенито», под присмотром монахов разрывали могилы, где покоились погибшие под пытками. Они вытаскивали их тела и несли к площади. В ужасе люди шарахались от жуткой процессии.

Алькальд дернул Ланда за сутану, но тот даже не обернулся. Он вперился в труп, освещенный бли-

жайшим костром, и узнал На Чан-челя. Он и теперь улыбался. И когда его тело бросили в костер, провинциалу вновь померещилось тихое «боже!».

Провинциал так и не отвечал на призывы алькальда. Догорали костры, а он все стоял, вцепившись в столб помоста, и смотрел вниз и видел улыбку На Чан-челя. Наспех простился с гостями и спешно умчался в свой первый приход, в свой монастырь Сан-Антонио.

Он пробыл в добровольном заточении месяц. Раскаивался ли Диего де Ланда в содеянном? Возможно, и он устрашился, но не настолько, чтобы добровольно сложить сан. Во всяком случае, когда наслышанный о беззаконном палачестве Ланда епископ Франциско Тораль прибыл в Мериду и низложил его с поста провинциала, тот не собирался сдаваться.

Главный алькальд и бывший провинциал были отозваны в Испанию. Диего де Ланда выехал в Мадрид, рассчитывая оправдаться перед советом по делам Индии. Совет предъявил ему обвинение в подмене полномочий епископа и инквизитора. Оправдания Диего де Ланда вначале не были признаны удовлетворительными, и решением короля провинциал Кастилии обязывался провести расследование и учинить правосудие. В итоге семь высших духовных сановников в Толедо оправдали действия Ланда «в случае с ауто-да-фе и другими мерами наказания индейцев». Так пишет сам Диего де Ланда в сочинении «Сообщение о делах в Юкатане», законченном в 1566 году во время вынужденного пребывания в Испании. Именно в нем содержатся лицемерные строки, скрывающие правду о его деятель-

ности с ноября 1561 по июль 1562 года. Об этом периоде он пишет так: «Братья сделали расследование, попросили помощи у главного алькальда и схватили многих. Их подвергли суду, и было устроено ауто-да-фе, на котором многие попали на эшафот и были одеты в позорные колпаки, острижены и подвергнуты бичеванию, а другие одеты в сан-бенито на определенное время. Некоторые от огорчения повесились, обманутые демоном, но в общем все проявили много раскаяния и желания стать добрыми христианами».

У лжи Ланда оказались короткие ноги. Иезуит Доминго Родригес разоблачил провинциала и дал более правдивую картину, сообщив о гибели десятков людей, о тысячах искалеченных пытками, об уничтожении редких и последних образцов высокой культуры майя.

Очевидно, где-то в самых дальних закоулках этой фанатически религиозной души еще существовала совесть, она руководила пером Ланда. Его «Сообщение о делах в Юкатане» не предназначалось для печати. В этих записках Ланда, оправдываясь перед самим собой, попытался восстановить ту культуру майя, в уничтожении памятников которой он сыграл роковую роль.

В 1573 году Ланда, оправданный отцами церкви и возведенный в сан епископа, возвратился в Мериду. Привез он сюда и свои записки. После смерти Ланда в 1579 году их положили в архив францисканского монастыря в Мериде, сделали с «Сообщения» копию и отправили ее в Испанию. Дальнейшая ее судьба складывалась так. Обнаружена и опубликована копия записок Ланда была лишь в 1864 году, хотя фрагменты из нее или из подлинника, исчезнувшего в 1820 году после изгнания монахов из Мериды, до этого появились в других сочинениях.

«Сообщение о делах в Юкатане» по оценке советского ученого, переводчика труда Ланда и специалиста по культуре майя Ю. В. Кнорозова, — «основной источник по истории и этнографии индейцев майя во время испанского завоевания. Ланда недаром называли «первоначальным историком Юкатана». В его работе нашли отражение все стороны жизни древних майя».

Но костры на Юкатане запылали по его приказу...

Мое предостережение

Воспитывает ученика, конечно, школа, но главное влияние на детей исходит от родителей, и если они верующие люди, то считают своим родительским долгом воспитать ребенка тоже верующим. Очень трудно переубедить их в этом. Дети в такой семье страдают.

Все это я говорю о себе самой.

Помню свое беспечное, веселое детство в маленьком рабочем поселке на Дальнем Востоке. Боженькой в нашей семье детей не пугали. Мама в церковь не ходила, хотя и верила «слегка», отец был неверующий, а я — пионерка.

Сколько радости было, когда организовался у нас в 1928 году первый пионерский отряд! Нам, принятым в пионеры, выдали красные сатиновые галстуки и пошили красивую форму — зеленые блузки и синие юбки, а мальчикам — синие трусы и зеленые рубашки. Под барабанный бой, с песнями и флагами ходили мы по улицам поселка, отмечая революционные праздники, а кулацкие дети бросали в нас грязью и камнями. Но мы шагали гордо. Была у нас своя, пионерская художественная самодеятельность, даже ставили в клубе платные спектакли, и деньги шли МОПРу или на борьбу с беспризорностью. Церковь в поселке закрылась. Не помню, чтобы о закрытии «божьего храма» кто-то уж слишком печалился. Очень любили в те годы люди ходить в поселковый клуб. Не пустовал он и по религиозным праздникам, а, наоборот, еще сильнее развертывалась в эти дни самодеятельность. Были тогда в большой моде антирелигиозные песни, стихи и пьесы. С нетерпением ждали их появления на сцене как зрители, так и сами «артисты». Почитать газету, послушать радио— и за этим шли в клуб. Редко в каком доме висел репродуктор.

И вот безбожное житье поселка нарушилось: забрел к нам какой-то проповедник. Какую веру он проповедовал, никто толком не понимал, но хвалили: хорошая, дескать, вера — нельзя курить, пить спиртное и ругаться. Нашлись женщины, которые ухватились за этого проповедника и потащили на его «беседы» своих мужей, а потом открылся и молитвенный дом, где стали собираться регулярно. Так возникла в нашем поселке секта субботников. Попала туда и моя мама и повела нас, детей. Попробуйка не послушайся матери, прибьет, да еще как сильно. Убегу я на пионерский сбор, а вернусь домой, бываю жестоко избита.

Школу по субботам я теперь пропускала, а уж о художественной самодеятельности и думать не приходилось. Псалмы мы пели в молитвенном доме, стояли часа по 3—4, опустившись на одно колено и подперев ладонью склоненную голову. Пища субботникам годилась не всякая: запрещалось есть свинину и ту рыбу, которая не имеет чешуи. Помню, повезли пионеров на первомайские праздники в Хабаровск. Поехала и я. Встречали нас на вокзале со знаменами и барабаном ребята из детского дома, где мы должны были остановиться. Повели нас детдомовцы обедать в свою столовую, а там, я уже видела, готовили свинину, и не пошла со всеми, побоялась, что узнает об этом моем грехе мама и когда приеду домой, то буду бита. Дети дразнили меня: «Э-э,субботница!», но пионервожатая быстренько их увела есть, а мне принесла хлеб с маслом и кружку молока. И теперь ту вожатую вспоминаю добром.

Мать, чтобы мы ее слушались, била нас за всякую малость. Ведь пока не заделалась она субботницей, не бывала с нами такой жестокой. А мы стали тихие, забитые, всего боялись.

Исполнилось мне 13 лет, поступила я в школу фабрично-заводского обучения, открывшуюся в том году в нашем поселке при лесозаводе. Ученики ФЗО с утра работали, проходили практику на заводе, а во второй половине дня занимались в классах общеобразовательными предметами. И вот всех тех, кто отлично учился, приняли в комсомол, и меня в том числе. Бросила я ходить в молитвенный дом, некогда стало: то комсомольское собрание у нас в ФЗО, то вечер какой-нибудь интересный. Однажды в выходной день я вернулась домой с репетиции и пришли со мной несколько моих подруг. Мать не постеснялась их, накинулась на меня с руганью и кулаками. Никто не смел за меня заступиться, даже отец. Все в нашей семье боялись маму. А подруги заступились, увели меня с собой в общежитие ФЗО. Мать кричала, что ни единой тряпки не даст мне с собой, буду я ходить голая и босая. Не ходила! Одели меня в школе, получила я телогрейку. Все в то время носили телогрейки. Премировали одеждой: получала я каждый месяц то «чертовой кожи» на юбку, то ситчику на кофточку, а то и полный комсомольский костюм. С ремнем, с портупеей! С тех пор я уже дома не жила и о субботниках ни капельки не тосковала. Мать несколько раз посылала ко мне младших сестренок, звала обратно в семью, а значит, и в секту, потому что там нужен был мой голос. Хорошо я пела псалмы. Но я уже разучила другие песни, которые нравились нам, всей молодежи поселка, и исполняла их с удовольствием в нашей заводской самодеятельности.

Секта субботников просуществовала в поселке еще несколько лет, а потом распалась, и очень многие люди сожалели о том, что посещали молитвенные собрания, потому что ни одной семье это не принесло блага. Пример тому — моя судьба.

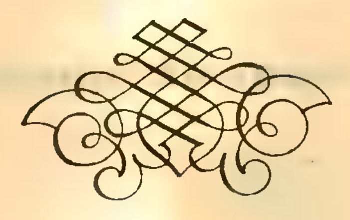
Теперь я охотно выступаю в школе, рассказываю детям о пережитом, предостерегаю их от подобных ошибок. Находятся такие приверженцы религиозной веры, которые используют ребячью доверчивость, детское любопытство и пополняют свои ряды за счет неокрепших еще умов. А ведь у них, молодых и юных, жизнь впереди и горьким будет однажды их разочарование.

Вот почему я решилась написать вам в журнал.

М. КОЛОМИЕЦ.

г. Ужгород

Всего сто лет,



уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в марте 1876 года

Из Вознесенска Херсонской губернии пишут, что в последнее время секта штундистов стала там разрастаться. Главными распространителями ее являются женщины. Недавно на базаре была задержана одна из таких проповедниц с несколькими последователями. Ее привели в полицию. Пригласили протоиерея местного собора для наведения заблудших на путь истины. Но все доводы протоиерея разбились о слепой фанатизм штундистов, и дело ничем не кончилось. 1-го марта в предместье Вознесенска в селе Натягайловке штундисты среди поста, к великому соблазну православных устроили свадьбу. Это возмутило крестьян, и они потащили виновных в волостное правление. Не застав старшины, крестьяне решили наказать штундистов своим судом — произошло сечение... Главной виновнице досталось около 150 розог.

«Новороссийский телеграф»

В настоящее время монастыри владеют 750 тысячами десятин земли. Самые крупные монастыри-землевладельцы — это Соловецкий, имеющий 66 666 десятин, Саровская пустынь — 26 305 дес., Зеленецкий монастырь — 19 277 дес. и пр.

Доходы от земель — громадны. Но кроме земель, правительство еще при Екатерине II назначило и теперь выдает монастырям в пособие казенные деньги, которые в 1875 г. простирались до 408 749 руб., из них на каждого наличного монаха приходится по 98 руб. в год.

...Александровская лавра от домов, лабазов и пристани получает ежегодно до 200 тыс. руб., монастырские дома в Москве приносят также до 400 тыс., одна типография дает Киево-Печерской лавре до 100 тыс. в год и пр. Кроме этих оброчных статей доходов, монастыри получают много с капиталов, лежащих в разных кредитных учреждениях... капиталы всех монастырей, находящиеся в процентных бумагах, состоят из 23 млн. руб., могущих приносить ежегодного дохода более миллиона рублей.

«Гражданин»

ДУША ВОСКРЕСШАЯ

В. РАЗИН

СТАРОДАВНЯЯ БЫЛЬ

...бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

Послание Иакова, гл. 4, ст. 5—6.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 4.

ЭКИПАЖ был из барских: крытый, с мягким сиденьем, со шторками на окошках. Ухоженный. Катился легко, нетряско, и лошади — пара караковых — в лад, лихо, весело цокали по мостовой.

Яков плотнее прижал к себе самодельный баул с инструментом: не задеть ненароком хозяина, этого важного господина. Тот сидел рядом, сцепив на коленях белые, крупные руки. Вид вальяжный, осанистый. Бородка, длинные темные волосы из-под шляпы. Все на нем дорогое, добротное. Яков рад: подвезло, похоже, пофартило. Господь, он не без милости...

Весь день почти что простоял Яков с сыном на Бессарабке, как всегда колготной, суматошной. Продают, покупают, торгуются. Гвалт, ругань, кой-где и пьяная драка, свистки городового. Такой он — этот старый киевский базар.

Продрог Яков на сыром осеннем ветру. Оттого продрог, что ослаб, хворал перед тем. На нем семья, один покамест кормилец-то. Из кожи вон лез — заработать, ан хворобу и нажил. Теперь хоть зубы на полку. А тут еще такой день: потерял и надежду, что будет работа, что наймет кто-нибудь. Нанимали стекольщиков, столяров, полотеров, какому-то мещанину понадобился кровельщик. На каменщиков, печников спроса не было. Конечно, пора уж не та, пора поздняя. У добрых хозяев печи давно в порядке. Хотя всяко случается: кто, может, и не успел. В прежние годы работа была всегда, в любую пору. Какая-никакая, а находилась по его же печному делу.

Ну, главная работа — это уж, как водится, с весны, в лето. Перекладывать печи, ремонт им делать. Больше всего любил Яков класть новые. Чтобы от первого кирпичика и до последнего. И обмазать, и побелить. Потом, когда просохнет, — проверку ей, первую протопку. Наколоть щепочек, дровишек посуше. Березовых — чтобы дух сладкий, еловых — чтобы жару больше, сосновых — чтобы жар подольше держался. Чиркнуть спичкой — и единой той спичкой поджечь. Увидеть, как поползут во все стороны красные языки, как схватятся, вспыхнут поленья. Притворить потихоньку дверцу. Услышать: печь ожила, задышала, подала голос. Еще недолго, еще чуток, и вот уже тепло тронуло руки, лицо. Пошло благостное по дому... Смекай, хозяин, какой мастер печь тебе сотворил! Не раз добрым словом помянешь...

На любой вкус строил печи Яков. Умел понять, что кому по душе, что кому надобно. Мог и кафель, и лепнину, мог изразцы. Отец, царство ему небесное, всему выучил, всей этой премудрости. А изразцовая печь — дело тонкое. Тут того мало — чтобы топилась пожарче, дров брала поменее. Подбери по узору, положи в тон. Так положи, чтобы ожили, заиграли все краски. Изразец должен глаз ласкать, сердце людям радовать... Что ж, они и радуют, и греют, печи Якова. Сколько разных сработано им на веку! Кабы их перечесть — вышло бы солидно... Э-э, тем только и погордиться. А жили? Да как придется — всяко бывало. Часом с квасом, порой и с водой. Теперь вот и того хуже. Одно слово — маета.

В полдень Яков взял в долг у знакомой торговки лаптей с фасолью. Тем они с Федей и сыты. Федя — старший, помощник при нем. А дома еще трое: близнецы-девчонки да младшенький. Да жена, да мать. Что они там едят?..

К концу дня народу поубавилось, страсти базарные улеглись. Озябший Яков переминался с ноги на ногу и думал все одну и ту же опостылевшую думу: где бы разжиться деньгами? Тошно ему было от той думы.

Позвал сына, поднял с земли свой фанерный баульчик: дома небось заждались. И тут к ним подошел какой-то господин. Высокий ростом, представительный. Пощупал Якова холодными глазами. Спросил:

— Каменщик? Печник?

— И каменщик, и печник. В самую точку, — кивнул обрадованно Яков.

Господин незнакомый еще пощупал его глазами, поглядел по сторонам. Может, Яков ему не показался, желал бы другого. Но других никого уже не было, поразошелся мастеровой люд. А может, еще чего смотрел, кто его знает.

— Ну, коли так, есть для тебя работа, — снова заговорил он. — М-м, подручный? — указал он на Федю.

— Он самый, сынок наш.

— Отпусти, там дела не так много. — Достал кошелек, протянул Феде блеснувший серебром полтинник.

— Снесешь домой, скажешь, отец скоро вернется.

И снова к Якову:

— Семья большая?

Выслушал, качнул головой, двинулся вперед. За ним — Яков.

И вот они едут. Кучер зычным голосом осте-

Рисунки
Р. Авотина.

регает пеших. Экипаж мягко качает, лошади цокают. Ох, лошадки! Темно-гнедые красавцы с подпалинами в паху и на морде. Залюбовался Яков, когда увидел... Славно едут! Яков хотел поглядеть, где, по каким улицам. Да шторки задернуты, вечереет к тому же. Ну и ладно. Его забота не о том. Барин, видать, с пониманием, сразу задаточек, мол, не обижу. Дай-то, господи! А уж он, Яков, постарается, все сладит в лучшем виде. Будет барин удоволенный.

Экипаж все катил и катил. Куда-то сворачивал, снова катил — на подъемах потише, на спусках пошибче. Потом — как-то вдруг — остановился.

Приехали, решил Яков, наконец-то. Но господин этот самый, хозяин, выходить не спешил. Повернулся к нему, сказал:

— Стало быть, так, братец. Будешь понятлив — заплачу как надо. Получишь денежки, и свободен, велю кучеру отвезти. А сейчас, уж не взыщи, должен ненадолго завязать тебе глаза.

— Как — завязать? — растерялся Яков. — Зачем?

— Да ты, мил человек, не пугайся, урону тебе никакого не будет. Так надобно. Для твоей и моей пользы.

Яков готов был запротестовать: что, дескать, за причуда. И про какую такую пользу он ему толкует? Однако ж говорил тот уважительно, как со старым знакомым, вроде бы даже как просил. Страсть не хотелось ему перечить. Да и мало ли, почему он таится.

— Ладно, — пересилил себя Яков. — Чего уж там...

Они еще немного проехали, опять встали. Яков услышал, как заскрипели ворота. Потом заскрипели еще раз, уже позади.

Вышли. Хозяин взял Якова под руку и повел. Каблуки ударяли по камню, гулкие в тишине раздавались шаги.

— Осторожно, здесь лестница, ступени, — предупредил хозяин.

Ступени, тоже каменные, вели вниз. Сам не зная зачем, Яков стал про себя считать их. На двадцать седьмой лестница кончилась. Стукнула дверь, и они вошли в дом.

— Ну что там? — спросил кого-то хозяин.

— Все то же, отче, — чуть нараспев ответил густой басовитый голос.

Сняли с глаз повязку, и Яков осмотрелся. Большая, чинная передняя, какие уже случалось видеть, из нее — несколько дверей. Угловатый, медвежьего склада человек принимает у хозяина шляпу, пальто, целует ему руку. Тоже с бородой, тоже длинноволосый и — странное дело — в черном, до полу, подряснике.

Так вот почему было сказано «отче». Видать, они оба духовного звания. Только хозяин — для удобства, что ли, — переоделся.

— Проведи, — сказал он. И тот, другой, его прислужник, почтительно наклонил голову, затем жестом пригласил Якова за собой.

В комнатах, через которые они шли, было красиво и уютно, горели свечи, мягкие ковры под ногами делали шаги совсем неслышными. Ценили здесь, видно, почитали за благо покой, тишину. Оно и понятно: кто служит господу, печется о спасении людских душ, тому лучше вот так, в уединении. Отрешиться от всего суетного и мирского.

Очутившись в этой тихой обители, Яков, человек набожный, тотчас проникся чувством благоговения. Точно так с ним бывало, когда переступал порог храма, осенял себя крестным знамением, произносил молитвы. Ему даже подумалось, что судьба, может быть, не случайно привела его сюда в это трудное для него время.

Комната, куда они пришли, была, наверно, самой дальней, других дверей не имела. Здесь тоже горели свечи, царила тишина. Ковер на полу свернут, сдвинут в сторону, а у глухой, с неширокой нишей, стены сложен штабелем кирпич, приготовлен раствор в корыте, тут же вода, все прочее.

Можно было сразу, не мешкая, приступать к работе. Одно только вот неясно, что, собственно, надо делать? Печь тут класть незачем. Есть в соседней комнате, и сюда выходит теплая изразцовая стенка. Изразцы вроде бы в полном порядке. Они цвета спелой вишни, на блестящей поверхности переливаются красноватые отблески...

Озадаченный Яков глянул на своего провожатого. Тот молчал и, похоже, не собирался ничего ему растолковывать. Ладно, решил Яков, у них тут все не просто. Можно и обождать.

Внезапно он вздрогнул, сам не зная отчего, обернулся. В дверях, руки за спину, стояла женщина, молодая, стройная, редкостной красоты. Большие, темные, бездонные какие-то глаза, нежная, смуглая кожа. Только нижняя часть лица почему-то... Яков не сразу понял, почему она прикрыта. А когда понял — перехватило дыхание. У женщины был туго завязан рот.

Не мигая, она смотрела на Якова. На него и куда-то дальше — где была ниша и громоздился кирпич. Медленно, словно понуждая себя, женщина сделала шаг вперед, еще шаг и еще. Руки у нее по-прежнему были за спиной, и тут только Яков заметил, что они крепко чем-то перехвачены, связаны.

Следом за ней шел хозяин. Взгляд все тот же: холодный, льдистый, чуть-чуть настороженный.

— Видишь? — с каким-то особым, не понятным Якову значением спросил он женщину.

Та стояла, [redacted] двигаясь. Голова [redacted] была высоко поднята, лицо, заметно побледневшее, спокойно.

Выждав, [redacted] заговорил снова:

— В последний раз спрашиваю тебя: ты согласна?

Женщина даже не шелохнулась. Она уже не смотрела на Якова, не видела, казалось, [redacted] стены [redacted] нишей. Что она видела или хотела увидеть в те минуты, бог весть.

— Еще не поздно, еще все можно изменить...

Женщина словно оцепенела. Потом тихим, замедленным движением повернула голову.

Какое-то время они смотрели друг на друга.

— Что ж, ты сделала свой выбор, — с тем же, прежним значением проговорил хозяин. И, помолчав, жестко добавил: — Быть посему.

Он приблизился к женщине, грубо схватил [redacted] [redacted] плечи и втолкнул [redacted] нишу.

— Печник! Принимайся за дело, — голос звучал повелительно, властно. — Закладывай.

Оторопь взяла Якова. Он уже понял, что тут что-то неладно, что-то недоброе затевается. И все-таки смысла этих последних слов сразу постичь не смог. А когда постиг, уразумел, — будто пол под [redacted] качнулся. Стало жарко глазам, из груди рванулся не то крик, не то вопль. Но он задушил [redacted] себе этот вопль, остановил где-то у горла. Что проку было кричать, давать выход своим смятенным чувствам! Он стоял ошеломленный, сбитый [redacted] толку, [redacted] те двое, хозяин [redacted] прислужник, не сводили с него глаз.

— Сообразил, раб божий, что от тебя требуется? — сурово спросил хозяин. — Ну так приступай. — Подошел, сказал помягче: — Заплачу хорошо. Как обещал, так все [redacted] будет. Начинай.

Яков замотал головой, проговорил торопливо:

— Как можно, барин, батюшка... живу-то душу?! Помилосердствуй...

— Не тревожься. О спасении ее души [redacted] помолимся. О твоей тоже. Беру эту заботу на себя. А [redacted] выбрось все [redacted] головы [redacted] делай свое дело.

Яков повалился ему в ноги:

— Отпусти, батюшка, не надо мне твоих денег. Христом богом прошу — отпусти меня, отпусти!

Тот зло пнул его:

— Замолкни! — вытащил револьвер [redacted] повел темным дулом перед лицом Якова. — Ей, — он указал [redacted] женщину, — ты все равно ничем [redacted] поможешь. Ничем! А будешь упрямиться — живым отсюда [redacted] уйдешь. Не увидит тебя твоя семья, не увидят дети. Осиротишь всех, по миру пустишь...

Кирпич за кирпичом, ряд [redacted] рядом поднималась стенка. Невелика ниша, немногим больше человеческого роста. Долго ли ее заложить! Но Яков потерял счет времени, ему кажется, будто целая вечность прошла [redacted] той минуты, как он переступил порог этого страшного дома, положил первый кирпич. Его знобит, голова [redacted] тумане, руки непривычно дрожат. А внутри — холод, все [redacted] нем сжалось — как [redacted] пропасть летит.

Вот так подвезло, подфартило! Попал [redacted] историю... Теперь многое становилось понятно. Почему хозяин этот самый, поп переодетый, за мастеровым поехал под вечер. Почему велел отпустить сына, почему шторки, почему глаза завязал... Злое, лютое задумал дело, вот почему. Даже добыл оружие. На все пошел. Хорош, слуга господен!..

Покамест Яков укладывал кирпич понизу, он видел только платье женщины, самый подол, да носки ее туфель. Головы старался не поднимать.

Но стенка росла, становилась [redacted] выше. По пояс женщине, по грудь, теперь уже почти по шею. [redacted] никуда [redacted] спрятаться: ее лицо, ее глаза — прямо перед ним. Не спастись от этих больших, бездонных глаз, от [redacted] взгляда. В том взгляде смертная тоска, прощание с молодой жизнью. Но не только. Непокорство [redacted] что-то еще, может быть, самое главное — глубокое и святое, что сильнее всего...

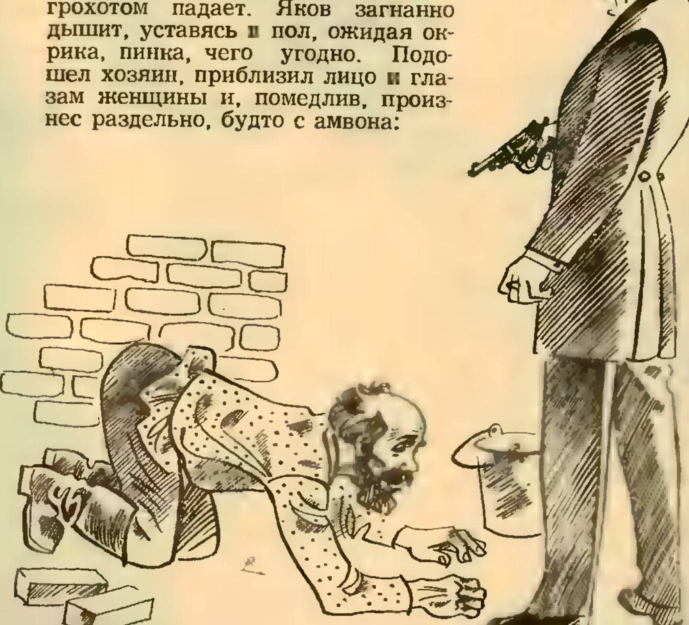
Ей бы жить да жить, этой прекрасной женщине. А ее казнят мучительской казнью. Надо ж такое измыслить! Измыслили. И кто? Благочестивые отцы святые, пастыри. Конечно, Яков и слышал не раз да [redacted] сам понимал: разные среди них люди. Служат владыке небесному, но живут-то на грешной земле. Подвержены слабостям, как многие прочие. Понять [redacted] можно. А всевышний милостив, прегрешения прощает. Но тут... это [redacted] злодейство неслыханное! Кровь в жилах стынет. А этим двоим хоть бы что. И он, Яков, выходит, заодно [redacted] ними. Его ру-[redacted] они творят свое черное дело. Но он не хочет, н е х о ч е т!.. А что тут можно сделать? Что? Оба у него за спиной [redacted] никуда ни на шаг. Ежели он что — не сдобровать, прикончат тут же.

В глазах женщины, широко раскрытых, ни слезинки. В них нет уже [redacted] страха, совсем нет. О чем теперь ее думы? С кем говорит она в душе [redacted] в мыслях, с кем прощается? Что думает о нем, ей совсем незнакомом? Каким, должно быть, жалким и безвольным человеком его видит. Что ж, такой [redacted] есть на самом деле, такой и есть.

Ему становится невыносимо душно, он рвет на груди рубаху, отирает со лба холодный, липкий пот. И мысленно клянет себя, свою судьбу, этот злосчастный день. За что ему такое? Уж лучше бы он сам себя замуровал в этой проклятой нище. Наверно, было б легче. Как ему жить потом, как ходить по земле?..

Стенка поднимается все выше. Теперь видны только глаза женщины, полоска лба, ее смоляные волосы.

Крупная дрожь бьет Якова. Он роняет очередной кирпич, тот с грохотом падает. Яков загнанно дышит, уставясь [redacted] пол, ожидая окрика, пинка, чего угодно. Подошел хозяин, приблизил лицо [redacted] глазам женщины и, помедлив, произнес раздельно, будто с амвона:



— Дальше — мрак и муки. Но ты еще можешь спасти свою жизнь. Один только знак, и я разрушу эту стенку, освобожу тебя. Ну!..

Единственно, чего жаждал Яков, о чем молил в те мгновения небо: чтобы женщина уступила, послушалась, подала нужный знак. С какой радостью раскидал бы он кирпичи и бежал, без оглядки бежал отсюда.

Женщина отозвалась — подала знак. В упор глядя на своего лиходея, повела из стороны в сторону головой. Тот отшатнулся:

— Значит, так? — Голос у него стал хриплым. — Ну что ж. — И к Якову: — Кончай с этим делом. Клади доверху. Клади!

Яков поднял упавший кирпич, простучал его зачем-то мастерком. Снова выронил. И, не помня себя, бросился на хозяина. Тотчас резкий, тяжелый удар, обрушенный сзади, сбил его с ног...

Все остальное было, как в дурном, горячечном сне. Захлебывался водой, которой его обливали. В голове тупой болью отдавалось каждое движение, кровоточили ссадины. Избитый, вконец подавленный, из последних сил штукатурил, белил по сырому. Потом с завязанными вновь глазами поднимался по каменным ступеням. Хотел опять их счесть, да не смог, раз за разом сбивался. Перед тем как дверце экипажа захлопнуться, услышал густой, низкий голос прислужника:

— Ну, печник, поезжай. И заруби себе: сболтнешь где хоть полслова — наживешь беды. Крепко это заруби!

Он плохо помнил, как ехал, как кучер молча высадил его, молча бросил ему под ноги баул, как покатился и исчез в ночной тьме экипаж.

Мучительно соображал, куда его привезли, наконец догадался: на Бессарабку. От Бессарабки до Прозоровской, где жил он в старом отцовском домишке, было рукой подать. Но Яков добрался не скоро. То и дело терял шаг, к чему-то прислушивался, вздрагивал безотчетно. Все ему что-то чудилось, мерещилось.

Уже недалеко от места решил чуток почиститься, умыться. Остановился возле рва, зачерпнул ладонью воды. Студеная водица, знобкая. Полез в карман за платком, рука наткнулась на плотную пачку. Вытащил. По шелесту, по всему понял: деньги. Много денег. Сразу столько он отродясь в руках еще не держал.

И тут его огнем ожгло: это же обещанная плата. Плата за... Громко, как от великой боли, застонал и с силой швырнул в поток.

Проснулся Яков от женского вскрика. Короткого, слабого, жалкого. Ждал: не повторится ли? Нет! Он как умер, этот печальный, хлестнувший по сердцу вскрик. Может, почудилось? Может быть, это?.. Яков сел и в темноте стал креститься. Губы чуть слышно шептали: «Упокой душу ее, господи, яви свою милость... Прости и мя грешного, слабого, сотворившего страшное супротив воли своей...»

Встал, торопливо оделся и, никому не сказавшись, вышел. Прозоровская еще спала: ни звука, ни огонька. Темень. Только там, где Черепанова гора, небо чуть взялось серым. Яков спешил, гнал себя, давясь стылым воздухом. Недолгий, беспокойный сон не освежил. Его пошатывало, все еще гудела голова. С Прозоровской свернул на Бассейную, миновал Бессарабку и, выйдя к Крещатику, остановился. Куда теперь?

Стал вспоминать, как стоял вчера экипаж, когда они садились, как трогали с места, как поехали. Вроде бы сперва вверх — по Бибиковскому бульвару. А потом? Потом сворачивали вправо, влево, опять и опять, черт-те сколько поворотов они сделали. Яков тому даже подивился. Хотя все просто: кружили. А шторки задернуты, сумерки. Пусть его гадает, как они едут, в каком направлении.

Помнилось, когда из экипажа вышли, было тихо-тихо. Ни конского топота, ни голосов. Но тихих улочек в городе много. Больше тихих, чем шумных. Это может быть и далеко, и близко. И в центре, и где-нибудь на окраине. Особняки, дома за глухими заборами, скрытые от людских глаз, тоже есть повсюду. Где их меньше, где больше, но в самых разных местах. Так куда же, спрашивается, идти? Откуда начинать поиски?

Вокруг, в предрассветной мгле, лежал город, большой и недобрый. Немые улицы, оглохшие дома. И никому нет дела до его, Якова, беды, до его неизбывной муки.

Он почти не верил, что сможет отыскать ту улочку, тот потаенный дом, его хозяев. Разве что случай какой поможет. Бывает же. Ах, ежели б отыскать, ежели бы такая удача! Он бы созвал народ, он крикнул бы: «Смотрите, люди! Вот они, ироды, душегубы. Вяжите их! Отдайте их под закон. Под самый суровый! И меня с ними вместе. Как есть я кругом виноватый — перед людьми и перед господом. А еще перед собственной своей совестью...»

Нет, не выпадет ему такая удача. Не найти! Он даже не ведает, в какую сторону податься. Ловко обставили дело отцы святые. Сработано чисто. Ничего не сможешь, Яков, ничегошеньки...

Враз ушли, будто вытекли, силы. Яков присел на край тротуара, подпер кулаками голову. Одно только и оставалось — завыть по-волчьи, по-звериному. А что еще! Никакой же надежды... Да, никакой. Но идти надо, надо искать. Не идти невозможно.

Он превозмог себя, встал. Можно начать с Печерска. Особняки там всякие, барские дома — чуть не на каждом шагу. Крутая Круглоуниверситетская повела его вверх.

День-деньской, пока ноги держали, бродил

Яков по тихим улицам и улочкам. Переходил от дома к дому, заглядывал во дворы, присматривался к людям, к экипажам. Возможно, тот дом стоял где-то на склоне. Дорожка вела к нему через двор, дальше были ступени. Яков и то брал в расчет, лазил по косогорам, спускался, поднимался. Да все зазря, все впустую.

На другой день взял с собой Федю. Вдвоем было не так тоскливо. И снова улочки, закоулки. Сколько ж их в родном городе! В месяц не обойти.

А дома голодно. Что было из одежды, жена на толкучку снесла. Соседям позадолжали. Надо бы Якову за дело браться, на жизнь зарабатывать. Невмоготу — гложет его горесть горькая, рвет душу. Пошел к куму, жившему по соседству. Илья Николаевич человек рассудительный, бог даст, и надоумит. Проговорили допоздна. Кум все вздыхал, сокрушался. Дал совет:

— Перво-наперво, сходи-ка ты, Яков, в участок, обскажи все, как было. Ну, что они там смогут, наперед нам неведомо. Все же будь в надежде: полиция как-никак. И себе ты тем поможешь. На душе полегчает, беспременно. Дальше так. Побывай в церквах, соборах, погляди тех людей. Раз духовного звания, стало быть, там и искать их надобно...

Поначалу участковый пристав слушал Якова с недоверием, то и дело останавливал, переспрашивал. Потом все-таки взял перо в руки и, крепко хмурясь, стал составлять протокол. Напоследок сказал:

— Ты вот что, братец. Насчет всей этой истории — молчок. Понял? Ни гу-гу! А теперь ступай, понадобишься — вызовем.

Много божьих храмов обошел за зиму Яков, во многих побывал церквах, соборах, монастырях. В златоверхом, колокольном Киеве их хватало. Выстаивал долгие службы, покупал свечу, молился за упокой души той несчастной, заживо погребенной женщины, о которой он ничего не знал, даже имени. И приглядывался к священникам. Искал...

Иногда ему казался похожим голос, поворот головы, жест. Он подходил ближе, заглядывал в лицо. Часами ожидал на улице, чтобы получше рассмотреть, проверить себя. Случалось, на него обращали внимание, глядели с удивлением. Тогда он неловко пятился, бормотал извинения, поспешно удалялся.

Как-то по весне Яков работал на Куреневке; самая начиналась строительная пора. Еще задолго до того он слышал: есть там больница для душевнобольных, а при больнице старинная церковь. Кирилловская. Свет не близкий — другой конец города, так ни разу и не выбрался. Теперь надо было сходить.

В один из дней кончил работу пораньше, расспросил дорогу, отправился. Еще издали увидел на холме, за деревьями, небольшие купола-луковки, зеленую кровлю. Служба недавно кончилась, богомольцы потихоньку разбредались. Обнажив голову, истово крестясь, Яков вошел в храм.

Он с малых лет любил бывать в церкви, где все так необычно, торжественно и таинственно в одно и то же время. Где люди, как ему казалось, устремляя свой взор к богу, должны думать только о возвышенном, о том, чтобы стать лучше, чище, творить в жизни добро, одно лишь добро. Знакомое, ни с чем не сравнимое чувство охватило его и теперь. Здесь все волновало. Мерцание разноцветных лампад, сияние свечей, запах ладана. Лики святых, картины страшного суда и конца света. Он долго рассматривал ангела, свивающего небо, дивясь тому, с какою легкостью справляется тот со своим непостижимым делом. Постоял, попечалился у ниши, где был изображен надгробный плач по убиенному, замученному Христу. Потом прошел к иконостасу.

Иконостас был красивый, из светлого мрамора. Яков полюбовался работой, знал в этом толк. Стал не спеша смотреть иконы — большие, нарядные, под стать всему иконостасу. Про те иконы Яков тоже слышал. Писал их приезжий художник, из Петербурга, что ли. Приглашен был для этого дела.

Яков начал с Христа. Сын божий в полумраке, спокойный, мягкий. Но весь ушел в себя, и потому, должно быть, какой-то недоступный. Святой Кирилл, погруженный в раздумье. Святой Афанасий. В каждом и ум, и характер, и жизнь в каждом тлеет, как уголь под золой, готовая вспыхнуть в любую минуту.

Да, руку мастера сразу видно. Не зря его приглашали. Не зря...

Богоматерь Яков приметил еще издали, да решил оставить напоследок. Пуще других почитал он благодатные иконы богородицы, сердцем всегда тянулся к царице небесной, считал, что она способна лучше всех понять и помочь. Заступница, скоропослушница, в скорбех и печалех утешение...

Таких икон, как эта, он еще не видывал. Нигде, никогда. То была не икона, нет. То была живая женщина, портрет с натуры. В ней все дышало земным и понятным. Она сидела, держа на руках младенца, свое божественное дитя, и будто знала наперед, что его ожидает. Все, все, до смертного часа, до самой последней минуты... Ее красивое, чуть смугловатое лицо было печально. Печаль, страдание в больших, темных глазах, которые глядят тебе прямо в душу.

Якову вдруг стало зябко, по спине побежал холодок. Он поспешно опустил голову и осенил себя крестным знамением. Минуту-другую шептал молитвы, стараясь совладать с собой, успокоиться.

Снова посмотрел и, пораженный тем, что ему открылось, окаменел. Измученная своим страданием, великой своей болью, прямо на него неотрывно глядела... та женщина. Та, замурованная!

Он уже ничуть не сомневался: это была она. Ее лицо, ее взгляд, ее немой крик. Он видел эту женщину опять и так же близко и вновь терзался ее мукой — всем, что однажды уже пережил. И еще пришло ему в голову: значит, она — богородица? И это с богородицей они так поступили, с божьей матерью?!

Чувствуя, что мысли мельтешат, путаются, Яков прикрыл глаза ладонью, круто повернулся и пошел прочь. На воздухе ему стало лучше, в голове прояснилось. Он вспомнил, зачем приходил в эту церковь, но возвращаться не стал: как-нибудь в другой раз. Сегодня заставить себя не мог.

Шел и думал, что побывал уже во многих храмах, был в лавре, во всех почти монастырях, но тех людей так и не встретил. И в полицию не зовут. Стало быть, не нашли, звать незачем. А может, они, те двое, в другой город перебрались? От греха подальше. Возможно, что и так. Кто ж знает?

Он был уже недалеко от дома, спускался вниз по Большой Васильковской, многолюдной, по-весеннему оживленной. Гудели ноги: далековато все-таки. Хотелось чаю и лечь. Впереди у тротуара стоял экипаж, запряженный парой темно-гнедых, караковых. Держась за дверцу, какой-то видный из себя, осанистый священник собирался садиться. Длинная, в талию, черная ряса, аккуратная бородка, на груди золотой крест. Священник говорил что-то кучеру,

искоса посматривал на прохожих. Холодный, льдистый взгляд скользнул по Якову.

Яков сразу узнал этот взгляд, узнал этого человека. Он не мог не узнать его... Выронив из рук баул, он бросился к экипажу. Но прежде, чем он успел добежать, дверца захлопнулась и лошади резво взяли с места.

— Стой! — крикнул на бегу Яков. — Стой!

Экипаж катился все быстрее, Яков стал отставать.

В отчаянии он снова закричал:

— Держите их, люди! Держите-е!

На него смотрели — кто с любопытством, кто с недоумением. Экипаж отъехал уже порядком, кого держать, было непонятно.

Сердце рвалось наружу, Яков задыхался, но бежал, бежал... На перекрестке какие-то коляски, дрожки, пролетки преградили ему путь. Но он не мог пережидать, он должен был во что бы то ни стало догнать тот экипаж. И, выставив вперед руки, нырнул в первый же просвет. Кто-то рядом заорал на него, кто-то пустил матюга. Захрапели лошади, раздался треск. Якова зацепило, поволокло, потом швырнуло под колеса...

В Александровской больнице, куда он был доставлен искалеченный, Яков лежал долго. Боль постепенно слабела, и он уже мог думать. Не об увечье: с этим он примирился. О другом — все о том же, о том же. Говорил мало. Но иногда вдруг принимался горько сетовать:

— Беда, беда! Богородицу-то убили. Извели приснодеву нашу пресветлую.

— Кого, говоришь, убили? — переспрашивали его поначалу.

— Матерь божию, вот кого, — отвечал Яков вполне серьезно. — Сгубили заступницу нашу, сничтожили.

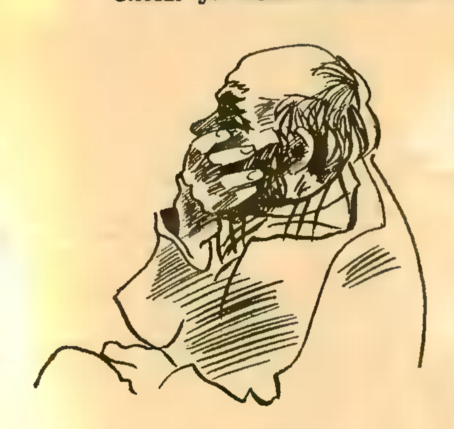
Все чаще забываясь, никого вокруг не замечая, обращался в тревоге куда-то в пространство:

— Как же это, а? Богова же матерь... А им все нипочем... Пошто не покараешь, господи? Пошто? Где твоя справедливая кара? Где кара, господи?!

Домой Яков уже не вернулся. Когда он смог без посторонней помощи передвигаться — на костыликах, перевели его в другую больницу. В ту самую, что находилась рядом с Кирилловской церковью, в одной с нею ограде. Больной был тихий. Ему даже позволили ходить в храм. Пусть себе молится: вдруг да низойдет на него благодать божия — исцелится от своего недуга. А если и нет, то вреда не будет. И все хворому, убогому — занятие.

Яков ходил в церковь среди дня, когда там больше света, лучше видно. Приближался к своей иконе и замирал перед ней. Смотрел, не отрываясь, ждал. В первые минуты в лице богородицы, в ее глазах все было как обычно, как для всех. Но вот черты смягчались, взгляд теплел, в нем не было уже ни прежней боли, ни упрека. Она все понимала, мудрая, она его прощала, да, прощала...

Слезы умиления катились по жестким, заросшим щекам Якова. Он их не замечал. С мокрым лицом, с дрожащими губами, расслабленный и ублаготворенный, покидал храм, чтобы прийти сюда снова завтра, чтобы приходить все оставшиеся ему дни. И душа его, измученная, изболевшаяся душа была преисполнена благодарности за эту ниспосланную ему радость. Господь милостив...



Из архивных недр

ДЕЛА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

ЖАДНЫЕ и своекорыстные служители культа, как известно, были постоянным предметом насмешек и злых шуток крестьян дореволюционной России. В делах святейшего синода имеется немало документов, свидетельствующих о неблаговидном поведении священников. Вот один из них, относящийся к 1860 году: «О священнике села Флорова ясака Акромском, судимом за нанесение побоев святым крестом крестьянке Федотовой» [1].

Священник Акромский использовал свою должность для систематических поборов. Крестьяне долго терпели, но чаша терпения переполнилась, когда однажды «святой отец» отправился для очередных поборов в крестьянские дома в пьяном виде. Пастырь не держался на ногах, и от него стали закрывать двери. Рассвирепев, он с непристойной бранью ворвался в дом крестьян Федоровых и крестом для «осенения верующих» стал крушить все подряд. Избил хозяйку.

Жители села подали в суд. Судьи не желали шума и хотели помирить крестьян со священнослужителем. Но те о перемирии и слушать не желали. Казанский архиепископ вынужден был доложить синоду о неблаговидных поступках Акромского. Синод решил: дабы народ не волновался, удалить оскандалившегося священника из прихода. И только. Видимо, вскоре он уже служил молебны и обирал крестьян в другой епархии.

Синод не любил заниматься разбором поведения священников, издевательски относившихся к крестьянам. Для него важно было другое: чтобы священнослужители проповедями и молитвами убеждали верующих, что царизм и крепостное право от бога, а посему роптать — великий грех.

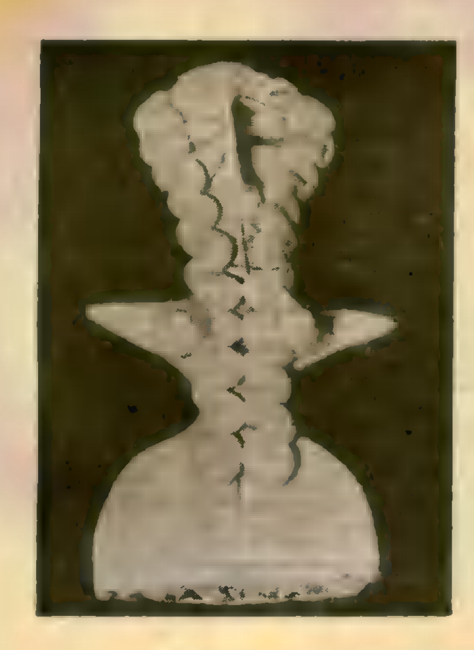
Но так как авторитет служителей культа падал, святейший синод время от времени принимал кое-какие меры для его поднятия. Об этом свидетельствует дело «о награждении священника Зверева за человеколюбивые подвиги» [2].

Священник села Недельного Малоярославского уезда Иаков Зверев, «будучи тронут чувством человеколюбия», оказал помощь замерзающему крестьянину, «получив при этом простуду и боль в ногах». Поступок Зверева был оценен синодом как героический.

Рассказы о подобных «подвигах» священников систематически печатались в брошюрах, издаваемых синодом и распространявшихся в народе.

[1] Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), фонд 796, опись 141, за 1860 г., дело 2546/5034.

[2] Там же, ф. 796, оп. 136, д. 372.



Н. ВИРОНОВ

ЮНЫЕ БОГИНИ ДРЕВНИХ КАРАКУМОВ

ВЕЛИКАЯ среднеазиатская пустыня Каракумы. Под нестерпимо палящим солнцем море песка с вздыбленными волнами — барханами. В тени одного из них литым изваянием застыл варан. Редко-редко прошмыгнет безобидная ящерица, мелькнет шоколадной лентой красавица эфа — одна из самых ядовитых змей на свете... Почти мертвое царство песка.

Трудно представить себе, что некогда здесь жили люди. А между тем археологи с точностью установили, что за 80—70 столетий до наших дней в юго-восточных Каракумах существовали первые постоянные поселения эпохи каменного века.

Пройдут века, и на месте небольших деревушек возникнут крупные земледельческие поселения, а затем и первые города с дворцами и храмами, богатыми домами знати и лачугами бедного люда. В своих мастерских местные гончары тщательно распишут сложными узорами парадную посуду, выкуют бронзовое оружие, отольют золотые и серебряные бусы, печати. Караваны верблюдов, груженные товарами, отправятся в далекий путь — местные купцы дойдут до Персии, Индии. В городских силуэтах четко выделятся стройные башни храмов. За городскими стенами до самого горизонта протянутся поля колосящейся пшеницы и ячменя. На прибрежных лугах будут пастись огромные стада овец и коз...

Сегодня с документальной точ-

ностью известно, что около четырех тысяч лет назад здесь, на окраине великой каракумской пустыни, находилась высокоразвитая оригинальная цивилизация — самая первая на территории нашей страны! Мы даже знаем древние названия некоторых ее городов. Правда, ныне они представляют собой хотя и величественные, но оплывшие руины гигантских холмов — Намазга-тепе, Алтын-тепе, Улуг-тепе.

От первых горожан дошло до нас многое из того, что окружало их в повседневной жизни,— от скромной чашки для еды до богатых погребальных приношений, заботливо уложенных в свое время в могильную яму благочестивыми родственниками умершего.

Сохранилось многое, но не сохранилась письменность этой древней цивилизации. Во всяком случае, пока еще ни одному археологу не посчастливилось найти глиняную табличку с клинописными знаками, которые донесли бы до нас кусочек истории давно исчезнувшего народа. Археологу сравнительно легко установить, как жили люди, и очень трудно, порой невозможно определить, как и о чем они думали, мечтали. Реставрировать духовную жизнь людей только с помощью вещественных исторических источников, добываемых археологами, необычайно сложно. Но все же попытаемся это сделать.

Ремесленники, в поте лица трудившиеся в своих мастерских, надеялись на свой талант, трудолюбие и предприимчивость, но всех своих начинаниях часто полагались на благорасположение всемогущих богов. Но какими были эти боги, созданные человеческим воображением за много столетий до появления мировых религий? Где и когда появились первые их изображения у племен, некогда живших в ныне пустынных Каракумах? Ответ на эти вопросы уведет нас в те отделенные барьером времени тысячелетия, когда здесь появились первые поселения древнейших земледельцев.

Когда многолетние археологические поиски привели к открытию таких поселений, порой полностью занесенных барханными песками, то под лопатами рабочих сначала попадались лишь обломки черепков глиняной посуды. Однако среди сотен и тысяч подобных черепков изредка стали мелькать хотя и редкие, но бесспорно человеческие изображения. Грубо, неумело вылепленные миниатюрные статуэтки можно было принять за детские игрушки, если бы дальнейшие открытия археологов не заставили по-новому оценить значение этих находок.

Помог счастливый случай, когда при раскопках несколько более позднего поселения была найдена крупная терракотовая статуэтка сидящей полной дамы, со слегка запрокинутым, схематично намеченным лицом. Глаза подчеркнуты черными бровями, шею охватывают расписные кольцевые полосы, изображающие ожерелье. Рук нет, зато тщательно вылеплены полные груди; на пышных бедрах рисунки солнца. Несомненно, древний скульптор в первую очередь стремился подчеркнуть в своем произведении черты пола, черты женщины-матери — полные, набухшие груди, выпуклый живот, пышные бедра. Нет, это не детская игрушка, а скульптура, связанная вероятнее всего с религиозными представлениями людей, живших в юго-восточных Каракумах за 65—60 столетий до наших дней.

Археологические раскопки извлекали на свет все новые и новые фигурки, правда, не всегда исполненные с таким мастерством, но всегда это были женские изображения, такие трогательные в своей обнаженной непосредственности! Особое впечатление производит статуэтка, изображающая мать с младенцем на груди, невольно вызывающая в памяти общеизвестный образ богородицы, который появился позднее.

Казалось бесспорным, что терракотовые статуэтки древних земледельцев изображали какое-то местное женское божество, но все же у некоторых специалистов еще оставались сомнения, которые рассеяла еще одна случайная, но выразительная находка. Причем конец сомнениям положили не сами статуэтки, а те невзрачные черепки, которые десятками и сотнями встречаются при раскопках любого древнего поселения.

Дело в том, что один неизвестный мастер-керамист вместо привычных узоров на рядовой посуде решил изобразить сценку из реальной жизни. На чаше он нарисовал двух своих соплеменников, возносящих молитву женскому божеству, находящемуся высоко над ними, — точной копии терракотовых статуэток. Последние сомнения исчезли: многочисленные глиняные фигурки, изображающие женщин, были материальным воплощением божества, созданного воображением древних людей. Оставалось только неясным, какое это божество.

Предпочтительнее всего было предположить, что на ранней стадии зарождения религиозных представлений то был универсальный образ всеобщей богини-матери, прародительницы всего сущего. Этот образ получил широкое распространение у многих древнейших земледельцев мира. Именно праматерь должна была охранять поля от засухи и наполнять закрома зерном, оберегать стада домашних животных от падежа и хищников, приносить благополучие и радость в каждый дом и, в конечном счете, сохраняя жизнь людям, помогать им в борьбе с природой и всяческими невзгодами. Ведь недаром на бедрах таких статуэток мы встречаем рисунок то колоса, то солнца, то рогатого козлика. Скульпторы древности так наглядно подчеркивали разнообразные ипостаси, воплощенные в едином образе универсального по назначению женского божества.

В разных, порой далеко расположенных друг от друга поселениях археологи встречали однотипные статуэтки, чаще обломки их, постепенно составившие огромную коллекцию. Так продолжалось до тех пор, пока не приступили к раскопкам первых городов каракумской цивилизации — Намазга-тепе, Алтын-тепе, Улуг-тепе, выявивших остатки дворцов и храмов, кварталы зажиточных людей, скромные жилища бедного люда и мастерские ремесленников.

Что могло сохраниться в них, кроме все тех же черепков разбитой временем посуды или, в лучшем случае, потерянной кем-то и закатившейся под циновку редкой бусинки, медного колечка, булавки? Собственно, от былых домов к моменту раскопок сохранились лишь руины, нижние части стен, фундаменты, сложенные из сырцового кирпича. Как правило, все находки располагаются внутри былых комнат, на их полах, так что именно полы самым тщательным образом и расчищают археологи.

Но в очередной раз картина оказалась обратной. Шли раскопки квартала ремесленников на Алтын-тепе. Рабочие отрывали одно помещение за другим, а в полевом музее стопками раскладывались все новые десятки и сотни черепков разбитой посуды. Вдруг один из рабочих заметил, что между кирпичами фундамента дома замурована целая терракотовая женская статуэтка. Случайно попасть сюда она не могла — целую ста-

туэтку могли положить только преднамеренно. Но зачем?

В то же время в другой части раскопок Алтын-тепе расчищали погребения былых обитателей города. В могильных ямах вместе с костями умерших лежали целые сосуды, немногочисленные личные украшения — короче, все то, что, как считали тогда, могло понадобиться в загробной жизни. И вдруг, как-то совсем неожиданно в одной из могил вместо обычных погребальных вещей оказалась целая терракотовая статуэтка. Смысл этих двух находок еще предстояло выяснить, но пока археологи с интересом разглядывали первые совершенно целые статуэтки, попавшие им в руки.

Обе терракотовые фигурки изображали сидящих женщин. Головы со сложной прической венчают длинную тонкую шею, руки широко разведены в стороны. Тонкая, длинная талия плавно переходит в широкие бедра. Лица обеих фигурок удивительно однотипны — с далеко выступающими, безобразно большими носами, огромными как бы гипнотизирующими глазами. Статуэтки в прямом смысле безмолвны — у них нет рта. Широкие бедра охвачены многоярусными нацарапанными поясами, назначение которых пока не ясно. Археологи сначала решили, что этими горизонтальными линиями изображались складки на животах пышнотелых богинь. Но скорее всего это своеобразные «пояса стыдливости»: прикрытая ими обнаженная женская сущность, которая по необходимости должна была быть изображена на этих статуэтках, превращалась таким образом в отвлеченное, абстрактное понятие культовой символики.

Казалось бы, обе статуэтки с Алтын-тепе полностью копируют одна другую, однако при тщательном рассмотрении выявились и некоторые различия. На их плечах процарапаны какие-то отличающиеся друг от друга знаки. Еще раньше при находках обломков таких статуэток на плечах, спинах, бедрах также замечали какие-то прочерченные линии, чаще простые, иногда более сложные. Они определялись специалистами то как детали одежды, то как украшения, то как следы татуировки. Теперь предстояло заново пересмотреть старые музейные коллекции, где в лотках и ящиках хранились обломки статуэток из предшествующих раскопок. Такая работа была проведена — и результаты ее превзошли все ожидания.

Далеко не на всех обломках статуэток имелись нацарапанные знаки, но на тех, где они сохранились, поражал характер их начертаний. Обычно знаки наносили по еще сырой, мягкой глине заостренной палочкой или даже металлическим инструментом. Почти всегда обнаруживается твердая рука мастера, уверенно выводившая последовательную серию насечек, комбинация которых образовывала соответствующий знак.

На первый взгляд кажется: что важного могут означать подобные знаки, в ряде случаев небрежно, как бы наспех, нанесенные на фигурки? Но исследования показали: очень многое. Знаки, сохранившиеся на статуэтках, удалось разделить на шесть групп: треугольник с ресничками, восьмилучевая звезда, знак в виде ветки, зигзаги и т. д. Чаще всего знаки нанесены на лицевой стороне фигурок, но имеются экземпляры, где подобные изображения начертаны на оборотной, тыльной, стороне, что подчеркивает их смысловое значение.

В самом деле, для чего было древнему коропласту [1] в который раз выводить сложного начертания знак на тыльной стороне статуэтки, если они, как правило, стояли в нишах или прислоненные к стенке, обращенные к зрителю лицевой стороной? Очевидно, в подобные знаки вкладывался какой-то смысл. Но какой? Ответ пришел с самой неожиданной стороны. Оказалось, что по своему внешнему начертанию выделенные знаки в ряде случаев находят поразительные соответствия в древнейшей на земле шумерской письменности, возникшей в далекой Месопотамии. На шумерских глиняных табличках имеются те же знаки, но уже в значении пиктограмм: восьмилучевая звезда — «небо», «бог», зигзаг — «вода», «канал», ветви — «зерно» и т. д.

Мы не знаем с точностью, знакомы ли были племена, обитавшие в первых городах каракумской цивилизации, с шумерской письменностью, но почти наверняка именно она повлияла на появление знаков на найденных фигурках.

[1] Коропласт — ваятель, изготовитель женских статуэток из обожженной глины, воска, гипса.

В этом случае знаки на статуэтках можно рассматривать как пиктограммы — символы, раскрывающие назначение отдельных божеств. Возможно, что статуэтки со знаком треугольник с ресничками являли собой образ великой богини матери, с восьмилучевой звездой — госпожу небес, со знаком ветви — богиню растительности, с зигзагом — богиню воды. Налицо целый пантеон местных божеств, пришедших на смену единой и универсальной богини-матери предшествующего времени. И в этом нет ничего необычного. История религии показывает, как велико было разнообразие различных божеств уже на сравнительно ранних этапах развития человеческой культуры. Классическим примером могут служить боги эллинского Олимпа, чьи культы восходят к еще более древним верованиям архаического периода.

В Каракумах же мы встретили самостоятельное, независимое развитие сходного пантеона божеств, восходящих к более древним культовым воззрениям первых земледельцев.

В еще большей степени это показательно для уже упоминавшегося Шумера (современная территория Ирака), где, судя по письменным источникам, существовало несколько сот различных богов, в том числе пятьдесят «великих богов» и семь богов, «вершащих судьбы». Среди них значительную роль играли женские персонажи с ярко выраженными признаками плодородия.

Но каково было назначение каракумских статуэток?

Тоненькой путеводной нитью в наших исследованиях стали... мужские статуэтки с начертанными на них такими же знаками. Таких терракот найдено очень немного, но все же они известны ученым. Фигурки эти также вылеплены предельно обнаженными, с подчеркнутыми признаками пола. Может быть, в этом удастся проследить определенную закономерность, отражающую культовую специфику наших терракот? Что это так, видно хотя бы уже и по тому, что вместе мужские и женские статуэтки встречаются на разных, порой далеко отстоящих друг от друга поселениях. И все же: какая тут закономерность? Некоторый ответ дают те детали, которые подчеркивали скульпторы древности при изготовлении мужских фигурок. Так, имеются отдельные экземпляры, у которых на бедрах тщательно процарапаны рисунки ветвей или деревьев. По аналогии с женскими статуэтками, имеющими подобные знаки, возникает закономерное предположение: не связаны ли и мужские фигурки с культовой символикой. Иными словами, не использовались ли эти разнополые статуэтки в каких-то ритуальных церемониях зарождающегося жречества?

Во всяком случае, нам известно из древней письменности все того же Шумера, что подобные культовые обряды были широко распространены здесь в очень отдаленное время. Оказывается, существовали специальные храмы, где проходили ритуальные церемонии, связанные со священным браком царя и местной богини плодородия и любви. Роль богини исполняла одна из жриц, и вся сцена священного брака недвусмысленно окрашена эротической оболочкой и связана с древними аграрными представлениями.

Аналогичные культовые церемонии известны и в другом конце тогдашнего мира. Это знаменитые элевсинские мистерии древней Греции. Кульминацией празднеств была сцена священного брака Зевса и Деметры, когда гасились светильники и жрец демонстрировал срезанный колос как плод божественного брака.

Такие публичные обрядовые браки, якобы способствующие получению богатого урожая, известны в юго-восточной Азии, на острове Ява, у папуасов Новой Гвинеи и у многих других земледельческих народов. На островах, прилегающих к Австралии, например, до сих пор существует представление, что в начале каждого года солнце вступает в брак со священным деревом, чтобы оплодотворить землю. По этому поводу устраивается пышное празднество с различными жертвоприношениями, причем одна пара публично имитирует мистический брак.

Если теперь вернуться к нашим терракотовым фигуркам, то станет очевидной их связь с аграрно-оргаистическими культами. В самом деле, перед нами разнополые, всегда обнаженные статуэтки с намеренно подчеркнутыми признаками пола, с тщательно выгравированными на них растительными символами. Очевидно, что в городских центрах каракумской цивилизации уже существовали строго регламентированные аграрно-оргаистические культы. Не исключено, что в этих церемониях, до определенной степени напоминавших вышеупомянутые «священные браки», участвовали не только живые персонажи, но в первую очередь их заменители, мужские и женские статуэтки.

Весенняя пахота, когда древний земледелец выходил на поле и размашистым жестом щедро одаривал вспаханные поля семенным зерном, живо ассоциировалась в его сознании с всеобщей идеей оплодотворения. Отражением ее и были соответствующие обрядовые празднества и ритуальные церемонии наподобие «священного брака». Антропоморфные статуэтки не были плодом бездумной забавы, за ними скрываются древние аграрные представления, облеченные в религиозно-магические формы.

ФОЛЬКЛОР ПОМОГ

Наибольшее значение в верованиях мордвы VIII—IX веков имели представлеиия о «том свете» как о мире, где продолжается земная жизнь человека после его смерти. Такой вывод можно сделать, изучая инвеитарь древиих погребений, куда вместе с умершим клали вещи, которыми тот пользовался при жизни. Довольно распространениым был и культ предков, то есть представления о том, что души умерших сородичей могут стать добрыми духами, покровителями рода. Имеино с этим и связаны помииальные обряды, всякого рода тризны, описания которых сохранились в старииных иародных песнях. Здесь на помощь археологам пришла фольклористика.

Помогла она разрешить и загадку ажуриых металлических бляшек, найденных в погребеииях. Бляшки эти представляют собой подобие небольшого колеса. К нижнему краю его припаивалось несколько колец, к которым крепились металлические же изображеиия лапок водоплавающей птицы. Сами колеса-бляшки имеют отношение к культу солнца — одному из древнейших культов, но при чем здесь лебеди, утки или гуси?

Известио, что водоплавающие — священные птицы древней мордвы, а лебедь — посланец верховного бога Нишке. В старинной мордовской песне поется:

Посылает... лебедя Нишке
Полететь над миром над нашим,
Побывать средь народа тайно,
Посмотреть на богатых и бедных,
Попытать их правду и кривду.

Так фольклор помог разгадать загадку и увязать древний культ солнца с последующим культом верховного бога Нишке. А птицы, в частности лебедь,— посредники между людьми и богами.

ВСЁ ВОЗМОЖНОЕ СЧАСТЬЕ

Камил ИКРАМОВ

ВЕЛИКИЙ БАКСЫ

Хуже зимы только голод.

Хотя [redacted] жаркое, засушливое выдалось лето, [redacted] голода вроде быть [redacted] должно. Судя по всему, особого голода быть [redacted] должно. Никто, конечно, не поручится, но вроде бы не должно. Скорей всего, голода сильного не будет. Во всяком случае, очень сильного голода, возможно, не будет.

В тот год, переходя на зимовки, многие казахи думали так, потому что суховеи и джут измотали людей [redacted] Тургайских степях. По рассказам стариков выходило, что когда-то очень-очень давно — сто [redacted] тысячу лет назад — бывали времена, когда воды в степях было много, весенняя трава перла [redacted] земли так, что скрывала всадника с лошадью и не теряла влажной свежести до поздней осени. С тех пор, однако, прошло слишком много поколений, чтобы понять, правда это [redacted] сказки.

Теперь получалось, что каждое лето суше предыдущего, [redacted] каждая новая зима холодней прошлой.

Никто не любит зиму, никто не хочет переходить на зимовки. После вольного ветра кочевок, после юрт, пропахших полынью и солнцем, нужно вползать [redacted] сырые землянки, где оживает память прошлогодних болезней и бед. Старые женщины рассказывают детям, что [redacted] землянках живут злые демоны; зимой питаются здоровьем людским, [redacted] летом сохнут в тоске [redacted] ждут не дождутся, когда загорелые и окрепшие вернутся хозяева [redacted] своим зимним кровососам.

Каким бы сухим [redacted] жарким ни было лето, [redacted] в землянках никак не может исчезнуть прошлогодняя сырость [redacted] дух прошлогоднего холода. Здесь всегда пахнет прогорклым дымом, [redacted] когда готовят еду, просыпаются другие забытые [redacted] ненужные запахи. Даже новый густой кизячный дым [redacted] перебивает их. Пока готовят еду, хоть [redacted] дымно, но тепло, [redacted] не успеешь съесть обед, как со спины подступает свинцо[redacted] сырость, сразу чувствуешь, [redacted] дует из щелястой двери, как мокро дышат углы землянки.

На зимовке у людей многое может заболеть. Может быть жар с ломотой суставов, с головной болью и кашлем — это горячка. Может заболеть живот, что ни съешь — все насквозь летит или, наоборот, что ни съест человек — все желудок тут же назад выбрасывает. Может просто желудок болеть, будто ножами изнутри режут... Этому название — поветрие. Для всех остальных недугов одно слово — порча.

Получается, что болезней всего три, [redacted] болеют ими чуть не все.

У тетки Зейнеп была порча. С того теплого осеннего дня, когда всем на удивленье Яйцеголовый Кенжебай добился, чтобы Калдыбай Бектасов вернул жену Бейшаре, она почти не выходила [redacted] людям. Бейшара старался угождать ей, добывал и мяса, [redacted] кумыса, и баурсаки, кипятил ей чай два раза [redacted] день, а она не смотрела на него и не говорила с ним. О чем говорить, если второй раз силой возвращают ее от любимого и сильного мужчины к постылому [redacted] немощному, от богатой жизни — к нищей. Понимала Зейнеп, что не задарма помогает [redacted] мужу Яйцеголовый. Конечно, он рад насолить Калдыбаю, но ведь он не упустит своего, совсем закабалит Бейшару.

Так оно и было. Только сначала Кенжебай подкармливал Бейшару, а с переходом на зимовку совсем перестал. Бейшара почернел, еще больше [redacted]схудал и слезы текли по его лицу беспрестанно. На людях он плакал беззвучно, [redacted] оставшись наедине с женой [redacted] своей самой бедной землянке, начинал стонать. Стонал тихо, чтобы никто не слышал. Впрочем, Зейнеп слышала это каждую ночь, она просыпалась от стонов мужа и вновь засыпала, но ни разу [redacted] пожалела его [redacted] ни разу не осудила Калдыбая. А ведь Калдыбай поступил против обычая, не должен был он возвращать жену прежнему хозяину. Только русские заставили его [redacted] только потому он согласился, что [redacted] хотел ссориться с ними, не хотел на будущих выборах волостного [redacted] глазах начальства выглядеть хуже Кенжебая.

Не осуждала Зейнеп Калдыбая, а только горестно думала, что мужчины власть ценят больше, чем любовь.

Калампыр [redacted] Балкы презирали Бейшару за пресмыкательство перед Кенжебаем, не одобряли они и возврат жены, потому что знали про любовь Зейнеп и Калдыбая, про то, как Калдыбай дважды платил отступного, и главное про то, как не хотела Зейнеп возвращаться. Конечно, Калдыбай лучше Яйцеголового, сильнее, умнее, красивее; он не [redacted] лебезит перед русским начальством, но [redacted] он собачье дерьмо, если по чужой воле отдает любимую женщину.

Плохая это история! Для всех плохая! Для двух аулов, по крайней мере. А Зейнеп порой особо-то жалеть [redacted] хочется. Не хочется [redacted] жалеть, хоть и говорят какие-то безжалостные языки, что не толь[redacted] под нажимом русских отдал Калдыбай Бейшаре беглую жену, [redacted] еще и потому, что первым заметил [redacted] ней тяжелую порчу.

Продолжение. Начало [redacted] № 2.

На летовке Зейнеп болела тихо, высыхала внутренним жаром, на зимовке заходилась громким мокрым кашлем, харкала кровью и однажды позвала соседей и попросила, чтобы они пригласили баксы[1] Суйменбая. О нем в последнее время в долине Тересбутака говорили много.

— Пусть придет баксы, пусть изгонит из меня порчу, тогда я снова смогу жить как человек, и Калдыбай опять сможет полюбить меня.

Эти слова исхудавшая Зейнеп сказала Калампыр, и та не осудила ее. Как Калампыр могла осудить женщину, у которой муж — Бейшара. Калампыр понимала это, потому что и первый ее муж Удербай и второй Балкы были настоящие мужчины, они умели любить, умели защитить, умели прокормить Оставшись когда-то с двумя мальчиками у могилы Удербая, Калампыр чуть не умерла от горя, и обычай, обязывающий вдову стать женой деверя, обычай, который она с детства знала и не осуждала, показался ей диким. Не сразу смирилась она, но теперь забыла о тогдашнем своем чувстве, потому что Балкы был хорошим мужем и отцом, ничем не оскорбил в ней память об Удербае. Калампыр и Балкы хорошо понимали друг друга.

— Может быть, баксы ей поможет? — сказала жена, когда вышла от больной

— Кроме него, ни на кого надежды нет, — ответил муж.

— Ей давали горькие коренья, которые не ест ни лошадь, ни баран, ее поили настоями трав и кумысе, ее завертывали в только что снятую горячую шкуру коровы, потому что свежая шкура может втянуть в себя чужую хворь.

— Шкура коровы мало кому помогает, я заметил.

— Это надо было сделать, чтобы не ругать себя за жадность и черствость.

— Шкуру Яйцеголовый дал на время, потом сразу забрал. Мяса он не дал совсем. — Балкы был мрачен. — Конечно, мы должны позвать баксы. Может быть, это ее последняя просьба. Сообща заплатим, на каждого не так много выйдет. Нельзя, чтобы Бейшара платил за это, он совсем в кабалу попадет.

— Он давно уже в кабале, — махнула рукой Калампыр. — Ты поедешь за баксы? Скажи, когда поедешь, я ему подарки приготовлю.

Баксы Суйменбай велел всем друзьям Зейнеп собраться возле больной.

— Чем больше людей, тем страшней джиннам, — сказал он. — Дети пусть тоже придут.

Когда Амангельды втиснулся в землянку Бейшары, там было тесно. Взрослые пропустили мальчика вперед, и он сел у чьих-то ног.

В первый раз в жизни он видел баксы и сразу такого знаменитого.

Ничего необычного в колдуне не было. Он сидел на цветастой кошме и улыбался. Морщинистый лоб, тысяча морщинок вокруг глаз, но сами глаза ясные, испуганные, не по лицу молодые. Человек как человек, только кобыз у него особенный. Черная кожа на нем поистерлась, стала белой на сгибах, струны из конского волоса давно порыжели. Амангельды неотрывно смотрел на старинный кобыз, потому что сила любого баксы в кобызе. Настоящий баксы с кобызом не расстается, а про кобыз Суйменбая говорили, что он подарен добрыми духами предкам нынешнего баксы ровно семьсот лет назад. Все джинны повинуются тому, кто умеет играть на этом кобызе. Говорят, что временами кобыз сам на себе играет.

Люди тихо и изредка переговаривались между собой, а баксы молча сидел на цветастой кошме и улыбался смущенно, будто помнил, что сидит не на своей кошме и не на кошме хозяина землянки, а на совсем чужой, взятой на время. Бедная Зейнеп сидела в стороне, прислонясь к печке. Печку недавно протопили.

Зейнеп дышала часто, глаза ее горели лихорадочно, и она совсем не кашляла. Недалеко от нее сидела на корточках Зулиха и тоже смотрела на баксы.

Все замерли, когда Суйменбай, по-прежнему смущенно улыбаясь, потянулся к кобызу, взял смычок и будто нехотя потянул им по струнам. Кобыз сначала пискнул, потом застонал, загудел. Никакой мелодии и никакого ритма не было в этих звуках, резких и диких.

Амангельды почувствовал, как кожа у него пошла мурашками и неприятный холод проник внутрь. Мальчик рассердился: так-то играть каждый дурак может. Он зря рассердился, потому что не от каждой музыки ползут мурашки и замирает сердце, не от каждого пиликанья хочется не только заткнуть уши, но и зажмуриться. Впрочем, жуткая музыка как-то постепенно и незаметно перешла в приятную и сильную. Сначала звучал один кобыз, потом баксы присоединил к нему свой голос, низкий, грудной и тоже сильный. Теперь они пели вдвоем, иногда согласно, иногда — споря друг с другом.

— Эй, Курабай-джинн, послушай меня! Я сошью тебе шубу из тридцати овчин, штаны из бухарского шелка с ширинкой, ты полети, пожалуйста, в Ташкент, Стамбул, Москву, Петербург, везде побывай, все узнай, сам про нас ничего не говори. Прилетай и лечи силой своей.

Амангельды не слушал слов, только музыка захватывала его, завораживала, кружила голову. Между тем мелодия звучала все приглушеннее, потому что все громче и четче выговаривал баксы слова, обращенные к богу и джиннам. Все громче, громче, громче! Все четче, все четче!

— О бог Аллах, джинн Курабай, другие сильные добрые духи, помогите несчастной избавиться от порчи! Защитите ее от порчи, но не обижайте злых джиннов! Если вы, добрые силы, поссоритесь со злыми силами, то в борьбе своей раздерете пополам красивую Зейнеп. Сохраните ее для сильного мужа, для крепкой семьи, для умных детей, которых она еще родит.

На разные лады повторял баксы эти слова, потом только мелодию вел голос, потом и мелодия стала гаснуть. Наконец, только тихое мычание напоминало о просьбах. Нельзя докучать сильным.

В землянке становилось все жарче, дышать было нечем и люди будто надвинулись на колдуна. Жаркими немигающими глазами смотрела на него несчастная Зейнеп. На щеках сквозь желтизну пробился румянец. Маленькая Зулиха съежилась в комочек.

Вдруг Суйменбай слабо вскрикнул, судорога повела его плечи, руки выпустили кобыз, полузакрылись глаза баксы, опустились углы сжатых губ. Казалось, силы надолго оставили его, но вдруг Суйменбай открыл глаза и увидел что-то, чего не видел никто, кроме него.

— Знаю! — крикнул он. — Вижу! Все вижу! Прочь!

---

[1] Баксы — колдун, шаман у казахов.

Баксы выхватил из-под кошмы камчу и стал хлестать ею вокруг себя. Свистела тяжелая плеть возле испуганных насмерть лиц, все отшатнулись от колдуна, отпрянул и вжался спиной в чьи-то колени маленький Амангельды, а знаменитый баксы перестал хлестать плетью по воздуху, теперь он стал изо всей силы наяривать себя по спине. Рука с камчой будто целилась в кого-то, кто вцепился в загривок колдуна, кто прижался между лопаток.

— Так! Так! Я тебе покажу! — вскрикивал Суйменбай, и, наверно, удары достигали цели. Невидимый джинн соскочил со спины колдуна, тот в изнеможении остановился с опущенной камчой в руке и стал всматриваться в лица людей. Сначала он глянул в лицо Бейшары, тот опустил глаза и заплакал; потом — в лицо Зейнеп, она ответила таким взглядом, что сам баксы не выдержал его и повернулся к маленькой Зулихе. Девочка испугалась и потеряла сознание. В полной тишине отец Зулихи Омар Джаксылыков вынес ее из землянки. А баксы все вглядывался в лица. Ох и злой, оказывается, был этот Суйменбай. Глазки, оказывается, совсем маленькие, красные, зубы желтые, длинные.

На Амангельды колдун даже не глянул. Злые джинны вселяются в близких родственников, чаще всего в женщин. Джинны любят даже старых женщин. В мальчишках их никогда не найдешь. Амангельды много знал про джиннов и совсем за себя не боялся, пусть баксы поищет их среди взрослых. Может быть, они поселились в животе Яйцеголового. Вот он какой тихий сидит у самой стены в углу. Так сел, чтобы никому не лезть в глаза. Может, от него все болезни, все несчастья, падеж скота и бескормица? Хорошо бы, от него. Хорошо бы, Суйменбай нашел в Кенжебае злого джинна и стал бы пороть его на глазах у всех.

Все ближе и ближе приближался баксы к тому углу, где сидел Яйцеголовый, все медленней двигался его взгляд. Он видел за спинами людей, за стенами землянки, за степями и реками, за дальними горами. Он видел джиннов соленых морей, шайтанов белых снегов, он видел кемпир-джинна, старуху девяноста лет, такую огромную, что на шубу ей идет девяносто овчин, одна губа у нее до луны, другая — до земли.

Остекленелыми глазами баксы глядел на невидимое, а маленький Амангельды видел, как бледнеют и вытягиваются лица тех, к кому приближалось испытание взглядом. Пожелтело и словно бы мгновенно отекло длинное, расширяющееся книзу лицо Кенжебая. Вот уж верно, Яйцеголовый. Макушка острая, подбородок круглый. Злые глазки глубоко запали, боится он баксы, боится камчи... Четыре человека осталось до него. Три...

Вдруг Суйменбай подпрыгнул высоко, согнулся и закружился волчком все быстрее и быстрее. Вращение, которое он начал согбенно, будто распрямляло его, пока не выгнуло грудью вперед. Голова Суйменбая запрокинулась, почти до поясницы стала доставать, потом баксы упал, изо рта пошла белая пена...

Амангельды забыл про Кенжебая, про Зейнеп, ради которой все это происходило, про мать и дядю Балкы, про подружку свою Зулиху. Он смотрел на умирающего колдуна и понимал, что видит чудо. Это ведь чудо, что один человек может так заставить страдать себя, чтобы избавить от страданий другого. Ведь и пел, и стегал себя, и прыгал, и вот умирает у всех на глазах, захлебывается пеной, на сухом месте тонет. А как он пел! Пел и играл на кобызе, как никто никогда не пел и не играл. И почему он должен умирать из-за жены Бейшары? Неужели только потому, что ему хорошо заплатили? За деньги так не умирают! Наверное, ему нравится умирать за других людей и еще на виду у всех... А может, он и не умрет совсем.

Амангельды, сын Удербая, не ошибся. Баксы, который минуту или две лежал вовсе бездыханный, пошевелил рукой, открыл глаза, поднял голову и сел на кошме, точно там, где сидел в самом начале.

— Теперь она поправится, — сказал баксы. — У нее был один только шайтан. Он убежал через маленькую девочку. Он насквозь убежал. Девочке вреда не будет, а твоя жена, Бейшара, выздоровеет.

Оказалось, что на дворе была глубокая ночь и небо светилось тысячью ярких точек. Дул холодный ветер, снег голубел и скрипел. Впереди Амангельды прыгающей походкой к своей землянке шел Яйцеголовый, сзади — мать и дядя Балкы.

— Кто не верит, тому не помогает, — объяснял дядя Балкы матери. — Это всем известно. Кто не верит, тому не помогает.

— А кто верит? — спрашивала она. — А кто верит?

— А кто верит, тот дурак, — не сразу ответил дядя.

ВЕСНА

Зейнеп умерла ночью, теплой весенней ночью, когда сорок речек Тургая после долгого и свободного разлива вошли в свои берега, оставив на огромных пространствах бесчисленные озера, озерца, бочажки и просто грязь.

Зейнеп умерла ночью в канун того дня, когда в Кайдаульской волости должны были состояться выборы. Конечно, смерть женщины не омрачила предстоящих торжеств. Зейнеп умерла после слишком долгой болезни, когда все устали ожидать этой неминучести и больше всех устал Бейшара-Кудайберген. Многие уже перебрались на летовки, а Кудайберген не решался трогать больную с места и оставался там, где провел страшную зиму; только из сырой землянки перенес он жену в дырявую юрту на взгорке.

Далеко видно с того склона, но Бейшара не смотрел в степь, он плакал, уткнув голову в колени. Он не видел всадников, гарцующих на конях в направлении далекого холма, где стояла белая юрта, поставленная баями для начальника уезда полковника Яковлева. Уездный приехал на выборы, чтобы объявить результаты и поздравить нового волостного. Там, возле белой юрты, будет празднество, там будут скачки, борьба и много-много удовольствий. Там будет большое угощение. Кто-то станет волостным, кто-то огорченный ускачет в степь, кто-то обрадуется, что его род обрел новую силу, кто-то затоскует от предчувствия грядущих обид. Бейшара не интересовался исходом выборов, какое ему дело до соперничества сильных. В эту зиму Калдыбай Бектасов несколько раз без просьбы посылал через людей подарки Бейшаре. Деньгами посылал, одеяло прислал, двух баранов. Чем ближе были выборы, тем больше он не хотел ненужных разговоров. Видно, очень надеялся на должность. Кенжебай тоже надеялся, но все меньше и меньше. В злобе своей ссорился с друзьями и родичами, стал жаднее, чем прежде, возненавидел Бейшару за то, что тот принимает подарки Калдыбая, и забрал себе за долги те тридцать рублей, которые по десятке давал бай в возмещение за пользование чужой женой.

Об этих деньгах очень пожалел Бейшара теперь. Семь старух обмывали покойницу, и по закону, по обычаю, каждой нужно было подарить по

платью. Бейшара вспомнил про этот обычай ночью, и не сам вспомнил.

Подошла к нему Калампыр — они тоже задержались с перекочевкой, задержались из-за Зейнеп, из жалости к ней,— сказала, не глядя на него.

— У тебя в сундуке семь одинаковых платьев лежат, потом подаришь старухам. Ты ведь и не подумал, несчастный.

Бейшаре стало обидно до слез. Как это он не подумал?! Кто может знать, что он думал?! Почему все его упрекают?! Если бы это была не Калампыр, он бы обругал ее. Калампыр он побаивался, как иного мужчину. Кроме того, Бейшара удивился, откуда взялись платья, их там не было? Он на прошлой неделе лазил в сундук.

— Семь? — переспросил Бейшара. — Откуда они? Бектасов прислал?

Дурацкий вопрос! Несколько раз за зиму случайные люди передавали подарки Калдыбая, последний раз—одеяло и два фунта колотого сахару; но платья, семь платьев для старух он не присылал, это точно. Он и не должен был присылать платья, не мужское это дело. Нечего было и задавать такой вопрос, срамиться. Калампыр поглядела на Бейшару с презрением.

— На тебе смерть Зейнеп. На тебе одном. Помни это. — Калампыр пошла прочь от Бейшары, но потом вдруг сказала еще: — Не можешь, не женись!

Бейшара сидел возле своей юрты и плакал. Какое ему дело до праздника, до выборов, до угощения. На чем он поедет туда, где праздник, у него даже клячи теперь нет. Не пешком же идти. Далеко туда пешком, а то бы, конечно, угостили. Ох, хорошо угощают в такие дни!

«Странная какая жизнь у меня, странные дела, — думал он. — Был я женат или не был женат? Кто это знает, если даже я этого не знаю. Странные какие дела: всю зиму умирала жена, а меня ни в бреду, ни в сознании ни разу не позвала. Никого не звала. Проклинала многих, а не звала никого».

Торжественное окончание учебного года мулла Асим Хабибулин наметил провести после выборов волостного. На следующий же день, когда улягутся страсти и все войдет в обычную колею, хорошо бы пригласить на занятия уездных начальников, нового волостного и, конечно, Ибрая Алтынсарина. Он и сам бы пришел, без приглашения, по должности, но красивее — пригласить. Русский миссионер тоже придет, он к детям очень большой интерес имеет. Что ж, пусть приходит. Мулла Асим был доволен своими учениками, впервые ему удалось собрать таких сильных ребят. Пока они все вместе, нужно показать их господину полковнику, господину инспектору киргизских школ и всем остальным. От этого зависит положение муллы Асима в будущем, его переход на законное положение, надежда на казенное жалованье в качестве учителя волостной школы. Ведь нет же пока настоящей волостной школы.

Как только объявят, кто будет волостным, и начнется празднество, так сразу надо подойти к русским и пригласить еще раз.

— Не откажите в милости присутствовать, оценить труды детей и мои скромные усилия...

Старший брат муллы держал большую торговлю в Батпаккаре и Тургае, скупал шкуры и шерсть, сбывал мануфактуру и скобяные изделия; младшего брата он не слишком жаловал. Пока Асим учился в Казани и в Бухаре, старший брат помогал, как положено, а теперь перестал. Даже словом, даже советом не помогал.

— Зачем тебе учить киргизят? Зачем тебе быть муллой? Ты хочешь власти и почета, хочешь славы? Все это дают только деньги. Степняки не уверуют ни в тебя, ни в Аллаха, они все святое мимо ушей пропускают.

Так старший брат говорил младшему и предлагал должность приказчика на своем оренбургском складе. Но мулла Асим не для того учился, не для того совершил паломничество к Каабе, не для того пешком прошел всю Турцию, чтобы торговать шкурами, шерстью и вонючими кишками. Мулла Асим хотел стать властителем дум, человеком, стоящим над людьми. Он искренне верил в бога, чтил пророка и точно знал, что с распространением грамотности среди степняков вырастет для них и значение религии. Кто, как не он, выросший в здешних местах, киргиз в душе, человек, прошедший все мусульманские науки и умеющий ладить с любым начальством, может стать во главе верующих. Ему предстоит большое будущее, которому бесспорно и завидует старший брат. Конечно, за деньги любой торгаш готов и христианином стать. Все дела старшего брата и все его мысли направлены в сторону Оренбурга, Казани, Москвы и Петербурга. И в глазах местных жителей он скорее русский, чем мусульманин.

Мулла Асим знал, что будущее принадлежит тем, кто идет по стопам пророка Мухаммеда и даже сама православная Россия неизменно движется к исламу.

Мулла Асим знал, что с русскими он должен мириться лишь временно, для будущего они не нужны. В будущем все тюркские народы, все мусульмане должны объединиться, слиться воедино и стать, как дамасская сталь. Тогда не будет ни татар, ни сартов, ни киргизов, ни турков. Тогда будет одно слово — мусульманин. Это будет скоро, скорее, чем думают многие, но не так скоро, как хочется.

Программа, которую мулла покажет уездному начальнику, инспектору школ и новому волостному, была хорошо продумана. Сначала арифметика, устный счет, сложение и вычитание. Потом таблица умножения, деление и уже двузначных чисел на двузначные.

Первым буду спрашивать Жакупа. Какая дикость, эти киргизские искажения имен. Ведь лучше говорить Якуб. Так большинство мусульман произносят это имя, так почти все тюрки говорят. И в благословенной Турции так. А здесь — Жакуп! Пусть будет так пока. Со временем сделаем, как у других. Жакуп пойдет первым. Он сильный мальчик. На вид моложе других, худенький, бледный, а голова работает отлично. Далеко пойдет!

Жакуп — любимый ученик муллы Асима, его надежда. Для Жакупа заготовлены рекомендации друзьям и наставникам, этому мальчику открыта дорога в любое медресе. Нужно только видеть, как воодушевляется он, слушая учителя; глазки горят, на щеках румянец... Много раз мулла Асим рассказывал ученикам о своем паломничестве к святым местам, о благословенной Турции, о священном Стамбуле, о торжестве суннитства. Он приукрашивал виденное, сознательно приукрашивал, ибо людям нужна легенда, нужно красивое и высокое. Детям же это совершенно необходимо. Мулла Асим хорошо говорил о своем паломничестве, но однажды он подслушал, как про то же самое рассказывает Жакуп. Он не говорил, а пел. Голос у мальчика звонкий, девичий.

...Жили два брата, старший богатый купец, младший скромный и бедный мусульманин. Жили

два брата, один думал [redacted] теле, другой [redacted] душе. Не знаю, что снится богатым людям, не знаю, что снилось купцу, а младшему брату приснилось однажды, что он ест мясо из одной чашки с пророком Мухаммедом и Мухаммед говорит ему: бросай все дела, простись с братом и иди в Мекку на поклонение святым местам. Иди, сынок, в Мекку и только так ты станешь святым и чистым, только тогда снизойдет на тебя благодать. Младшего брата уговаривал старший: не ходи [redacted] Мекку, давай лучше мы сыгра[redacted] тебе богатую свадьбу. Ты молод, [redacted] путь долог и опасен, пусть идут в Мекку старики...

Далее Жакуп столь же красочно [redacted] едином рит[redacted] рассказывал под домбру, как учитель вместе с другими паломниками выехал в Троицк, оттуда на почтовых в Челябу, затем по железной дороге до Оренбурга, где получил билеты от самого русского губернатора...

Удивительная память у мальчика. Все запомнил, все перипетии пути до Одессы, обмен русских денег на турецкие, подробно описал пароход, будто сам его видел, и шторм [redacted] море, будто сам чуть не утонул в пучине. Особые краски приберег Жакуп для рассказа про то, как пароход утром входил в порт Стамбул. Самое красочное в рассказе — это Стамбул [redacted] Турция. Даже нехорошо вышло, будто не Мекка главное, [redacted] Стамбул. Тут мальчика можно было бы поправить, но мулла Асим боялся своим вмешательством испортить впечатление. Пусть поет, [redacted] поется.

Какая удивительная восприимчивость ко всему новому, яркому, интересному, возвышенному.

Впрочем, восприимчивость Жакупа не только радовала, но и тревожила. В другой раз мулла слышал, как дети спорили о христианстве, о сказках, которые слышали от миссионера отца Бориса. И опять Жакуп хорошо говорил, даже слишком хорошо, запомнил все десять заповедей: «Я, господь, бог твой... да не будет у тебя других богов... Не делай себе кумира... Не произноси имени господа... напрасно... Помни день субботний... Почитай отца твоего и мать твою... Не убивай; [redacted] прелюбодействуй; [redacted] кради; не лжесвидетельствуй».

Хорошо, когда у молодого человека такая память, нет ничего плохого [redacted] этих заповедях, [redacted] Аллах говорил похоже. Плохо, что мальчик такой податливый. Такой и креститься может, если его упустить.

Жакупа надо показать первым. Это без ошибки. Если волостным выберут Бектасова, кажется так оно [redacted] случится, можно будет показать его старшего сына Смаила. Звезд [redacted] неба не хватает, но грамотен, учтив, приветлив. Третьим учеником числился Амангельды. Очень много он пропустил зимой, когда мулла Асим выгнал мальчишку за пререкания, но считает сорванец хорошо, читает быстро и отчетливо. Пишет, правда, с ошибками. Его опас[redacted] делать козырем: неизвестно, что ему взбредет в голову сказать при почетных гостях. Шальной.

Амангельды мулла Асим не любил. Он бы простил, что родители весьма неаккуратно платили [redacted] мальчика. В конце концов не из-за одних денег он учит детей. Он не любил Амангельды за дерзкий нрав [redacted] ухватку степного разбойника. Когда учитель запретил ему посещать школу, тот заставил остальных ребят пересказывать и показывать все, что говорил и показывал им мулла Асим. Силой заставил ребят, угрозой, что изобьет.

Вся семья не нравилась учителю. Неприветливая мать, насмешливый отчим, не нравился и старший брат — Бектепберген. Не нравилось мулле, что говорили [redacted] покойном отце Амангельды, о его деде Имане — разбойная семья, чуждая покоя. У русских есть пословица: яблоко от яблони недалеко падает. У киргизов тоже есть похожая, но мулла Асим никак не мог ее вспомнить.

Все самое худшее, что есть [redacted] степняке, видел мулла [redacted] маленьком Амангельды. Выше всего мальчик ставил физическую силу и каждую свободную минуту устраивал борьбу, возню, [redacted] то [redacted] драку. Однако если оставался один, вдруг грустнел по-взрослому и начинал петь. Удивительное дело — есть люди, которые больше любят петь [redacted] одиночестве, чем на людях. Тоже типично киргизская черта.

Многое раздражало учителя в этом ученике. Даже его манера стоять, расправив плечи, манера смотреть чуть мимо собеседника [redacted] то, как не торопился мальчик отвечать на вопросы старших. Не потому, что — тугодум, [redacted] потому, что уверен, его ответа будут ждать.

Пришлые учителя порой поколачивали учеников прямо на занятиях; без длинного прута или палки никакой урок не проходил, но приговаривать к серьезному наказанию решался здесь далеко не каждый. И зря! Амангельды потому и вырос таким наглым, что, как узнал от аульчан мулла Асим, дома его с рождения никто пальцем не тронул.

Однажды Амангельды сказал учителю.

— Вы очень хорошо рассказываете, куда попадет душа праведника и куда попадет душа грешника. И русский мулла говорил про это интересно. Не хуже [redacted] говорил. Он свои молитвы читал, вы свои молитвы читаете. Вы, конечно, красивее читаете... Выходит, у русских есть свой бог, у казахов свой, [redacted] почему тогда нет бога для лошадей, быков, баранов? Им ведь тоже плохо приходится. Например, когда из барана хотят сделать бесбармак, а?

Или наивность, или наглость. И то, и другое пережитки язычества.

Мулла Асим беспокоился, не выкинет ли мальчишка чего-нибудь такого и при почетных гостях. Не выкинет — [redacted] дурак.

Продолжение следует

Из [redacted] читателей

АФОРИЗМЫ

[redacted] СОЖАЛЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЗНЕСТИСЬ НА НЕБО, НУЖНО ПОБЫВАТЬ НА ЗЕМЛЕ.

НА ИСПОВЕДИ ПРИЗНАЛСЯ, ЧТО [redacted] БОГА ВЕРИТ, БОГУ ЖЕ — НЕТ.

В. Ситнов
г. Горький

СВЯТОШИ — ЛЮДИ СМЕЛЫЕ: ИХ НЕ ПУГАЕТ НЕЧИСТАЯ СИЛА ПРИВЫЧКИ.

ЕСТЬ АНГЕЛЫ, КОТОРЫХ ЧЕРТИ НОСЯТ НА РУКАХ.

МОЛИТВЫ ОКРЫЛЯЮТ ТЕХ, КТО ПАРИТ [redacted] ОБЛАКАХ.

Б. Борташевич
г. Кимовск Тульской области

ИНОЙ ДОБЫВАЕТ МЕСТО [redacted] РАЮ АДСКИМИ МЕТОДАМИ.

Е. Тарасов
г. Электрогорск Московской области

Большой театр.

Фото А. Казимирова.

Петровский театр. Гравюра.

ТЕАТР, ПРОСЛАВЛЯЮЩИЙ ЧЕЛОВЕКА

Т. ПРИХОДЬКО

Середина XVIII века. Молодой Петербург стремится стать вровень с европейскими столицами. Приглашаются иностранные гастролеры, при дворе собираются артисты из Франции, Италии и других стран. Западноевропейское искусство становится образцом для русских художников.

...Театр Зимнего дворца. «Опера «Цефал и Прокрис». Стихотворчество г. Сумарокова. Музыка г. Арайя. Театральные украшения г. Валерияни, ее императорского величества первого исторического живописца и театральной архитектуры инженера. При исправлении красками живописец Антоний Перезиноти», — так сообщала 2 июля 1755 года афиша тогдашнего Петербурга.

Иностранные артисты и в Москве частые гости. Правда, москвичи принимают их скорее с недоумением, чем с восторгом: здесь издавна славились скоморохи и «потешные люди». Хроника русского театра за 1759 год сообщает: «В исходе 1758 года оперист Локателли, испросив высочайшее разрешение, прибыл в Москву... Московские жители приняли гостей иностранных со свойственным им радушием, посещали их храм веселия и платили за все их танцы и пение щедрою рукою; но большая часть зрителей, не зная итальянского языка, прекратила посещения в их храм веселия, говоря, что да, ходить нам да изводить деньги на иностранные непонятные для нас игрища не годится; пускай приедут к нам сюда комедианты русские, да потешат нас!»

Вся театральная Москва того времени — театр при Московском университете, частные труппы, где актеры из служилого люда и дворовых, да совсем недоступные широкой публике крепостные театры. А интерес к большим представлениям, подобным иностранным, но на свой, русский манер, все рос и рос. И вот большой театрал и любитель искусства мос-

ковский губернский прокурор князь П. В. Урусов решается просить соизволения Екатерины II на создание в Москве русского театра — при условии, что он в течение десяти лет будет единственным содержателем всех московских представлений, но зато заведет хороших русских актеров, а со временем и балет и построит в пятилетний срок каменный театр со всеми принадлежностями и «с таким внешним устройством, чтобы он мог служить украшением городу и сверх того, чтобы был удобен для приличных маскарадов, комедий и комических опер».

Такая привилегия была получена Урусовым 17 марта 1776 года, и эта дата считается днем рождения будущего Большого театра. Каменное здание русского театра было построено в 1780 году на Петровке (до тех пор спектакли давались в помещении на Знаменке). Первые представления состояли из драматических, вокальных и балетных номеров, где использовалась народная музыка, обрядовые песни и танцы. На мотивы русских народных песен «В лесочке», «Ой, реченька», «Над рекой девка стояла» была подобрана, в частности, музыка и к опере «Перерождение» на текст Матинского. Это была первая русская оригинальная опера, ее премьера состоялась в Московском театре 8 января 1777 года.

Русская опера и балет создавались как жанры, свободные от всяких канонов и условностей. Им были свойственны гротеск, разностильность, пренебрежение к правдоподобию, их фантастическая образность была свободна и от религиозной мистики — она исходила из народного поэтического, карнавального мироощущения, опиралась на традиции скоморошьих игр, народных площадных представлений, которые издавна противостояли церкви.

Церковь, со своей стороны, тоже, как известно, осуждала народные песни и особенно пляски, называя их «бесовскими игрищами». «Многовертимое плясание отлучает человека от бога и во дно адово влечет», «блюдитеся и не любите беззаконных игор бесовских, паче же удаляйтеся плясания, да не зле в муку вечную осуждени будете», — предостерегали церковники. Однако традиции народного искусства были так жизнеспособны и сильны, что смогли повлиять и на формирование профессионального театра XVIII века. Вот одна из первых комических русских опер, представленная будущим Большим театром 20 января 1779 года, — «Мельник — колдун, обманщик и сват» (текст Аблесимова, музыка оркестранта Соколовского). В опере использованы и обработаны игры и песни, исполняемые на посиделках, свадьбах (со скоморошьей традицией связана, в частности, песня «Ходил молодец на Пресню»). При этом лирическое начало сочетается в опере с почти неприкрытым осмеянием сословных и религиозных предрассудков.

В конце XVIII — начале XIX века в постановках театра большое внимание стало уделяться сценическим эффектам, связанным с изображением всякого рода чудес и фантастики. Даже в сообщениях о спектаклях тех лет подобным эффектам посвящались специальные описания: «В 1829 году на Большом Московском театре давалась волшебная опера «Князь-Невидимка» в 4-х действиях, с хорами, балетами, группами, сражениями, декорациями, машинами и великолепным спектаклем. Музыка — г. Кавоса. Балеты — г. Глушковского. Сражения — г. Мальшева. Машины устроены машинистом г. Шрейдером, как-то: полеты, стол, превращающийся в огненную реку; дуб, разделяющийся на две части, из коего вылетает Полель на облаке... слон, механически устроенный, натуральной величины... храм, занимающий всю ширину сцены и спускающийся на облаках с многочисленною группою гениев и амуров».

Все это было связано, конечно, с немалым влиянием романтических традиций западноевропейского оперного искусства, но, с другой стороны, несло в себе и дальнейшее освоение зрелищных возможностей сцены, расширение жанровых границ формирующихся оперы и балета, их связей с фольклорной традицией. Поэтому-то, хотя действующими лицами спектаклей были волшебники и чародеи, в судьбы героев вмешивались злые и добрые духи, представляемые на сцене волшебства не имели тем не менее религиозно-мистического звучания.

Однако дурной вкус, легковесность проблематики спектаклей, засилье «машинерии» тоже были характерными атрибутами этих спектаклей, и недаром они вызывали нередко острую критику передовых художников того времени.

Русское романтическое искусство, наиболее ярким представителем которого на сцене Большого театра был А. Верстовский, поставило перед собой новые, более сложные задачи. Так, показанная в 1828 году опера Верстовского «Пан Твардовский» была написана на сюжет польских и украинских народных легенд о чернокнижнике (своеобразный славянский вариант Фауста). Главный герой оперы — уже вовсе не традиционный злодей и волшебник. Это натура противоречивая, сложная. Он продает душу дьяволу, не просто желая разбогатеть, но чтобы получить власть и бессмертие. Таким образом, борьба добра и зла переносится в опере Верстовского из веденья сверхъестественных сил в область человеческих отношений, и понятно, что для воплощения сценическими средствами мотивов романтического разлада с миром, гордого титанического одиночества героя сценическая фантастика старого типа уже не годилась.

Необходимость новых сценических решений чувствуют и сами художники. Так, тот же Верстовский в опере «Вадим» (на сюжет поэмы Жуковского «Двенадцать спящих дев») дает пародийное решение сцены ада.

...В царстве Сатаны духи затеяли веселые песни и пляски. Сам повелитель сидит на троне в центре зала. Вдруг — «телеграмма»: прибывает дьявол, которому было поручено убить Вадима. Выспренный рассказ дьявола о неудачной попытке истребить главного героя Сатана встречает с бешенством: «Все скверно от начала до конца, какого черта ты со мной говоришь такими подлыми стихами!»

Так уже сатира этой веселой водевильной сцены оперы беспощадно высмеивала отжившие к тому времени театральные штампы изображения чудес и волшебства. Но только более позднее реалистическое искусство принципиально отказалось от фантастики и сценических эффектов как основы театрального действия. На первый план были выдвинуты задачи раскрытия человеческих характеров, постижения правды истории. Но соответственно сразу же усилился и цензурный надзор за репертуаром Большого театра. Так, уже первая русская реалистическая опера — «Иван Сусанин» Глинки — подверглась, как известно, значительной корректировке самим Николаем I в процессе ее создания. Он же, заботясь о полной благонадежности представления, изменяет название оперы — «Жизнь за царя». Но и этого оказалось мало. После первых же постановок в Петербурге было приказано исполнять в конце оперы гимн «Боже, царя храни» композитора Львова. В таком приглаженном виде опера Глинки шла на сцене Большого театра с 1842 года до Октября.

Подобное вмешательство со стороны официальных кругов испытала и историческая опера Мусоргского «Борис Годунов». Мусоргский шел к исследованию судеб народа в истории от современной ему русской действительности, и в опере его звучала идея враждебности народу всякой царской власти и ее опоры — церкви. Народ обманут и Борисом, и Самозванцем. Но он — и огромная, неведомая еще самому себе сила. Муки совести царя Бориса показаны в опере не как кара божья за совершенное преступление, а как трагедия утраты народного доверия. Юродивый становится вестником не «гласа божьего», но мнения народного. Первая редакция оперы, в которой центральное место занимала народная сцена у собора Василия Блаженного, где юродивый призывал народ не молиться за царя-ирода, не была принята к постановке. Хотя во вторую редакцию эта сцена не вошла, Мусоргский все равно перенес смысловой акцент с гибели Бориса на раскрытие трагедии народа. Завершающая оперу сцена под Кромами, где народ встречал Самозванца, оканчивалась плачем Юродивого:

Горе, горе Руси,
Плачь, плачь, русский люд!
Голодный люд!

Обобщающий смысл этих слов и всей оперы был настолько очевиден, что и во второй редакции опера долгое время не ставилась. В Большом театре она была исполнена только в 1888 году, и все дореволюционные постановки ее шли с многочисленными сокращениями народных сцен, а сцена у собора Василия Блаженного совсем не ставилась.

Осмысление в жанре реалистической оперы проблем народной жизни, связанных с религиозной тематикой, нашло свое прямое выражение в знаменитой опере Мусоргского «Хованщина», написанной, как известно, на сюжет из истории религиозного раскола и стрелецких бунтов. Вместе с тем этот исторический сюжет многозначно перекликался и с событиями русской действительности второй половины XIX века (выступления старообрядцев в это время были протестом против самодержавного гнета и насилия). Заключительная сцена самосожжения раскольников — это не оправдание религиозного изуверства, как пытались трактовать ее официальные круги, это огромной силы образ трагической гибели простых людей в их стихийном протесте против зла и насилия.

Опера «Хованщина», которую после смерти Мусоргского подготовил к постановке Римский-Корсаков, была так изменена под влиянием цензуры, что темы религиозного раскола, борьбы с церковью, намеки на современность почти исчезли из нее, а конфликт превратился всего лишь в локальное столкновение приверженцев «старины» с петровскими преобразованиями. Но даже в таком виде «Хованщина» не была принята оперным комитетом для постановок; на сцене Большого театра до революции она так и не была поставлена.

Своеобразному переосмыслению подвергались в реалистической опере сказочные сюжеты. Мудрая русская сказка использовалась здесь нередко для сатирического изображения современной композитору действительности. Так, в операх Римского-Корсакова «Золотой петушок» и особенно «Кащей Бессмертный» было дано блестящее музыкальное осмеяние самих устоев самодержавия, устоев косности, зла, насилия. На сцене Большого театра эти оперы шли в начале XX века со значительными цензурными изменениями, и знаменательно, что именно эти оперы (в первоначальной редакции Римского-Корсакова) Большой театр поставил накануне революции 1917 года.

История дореволюционного Большого театра — это история борьбы прогрессивных русских художников за самобытную народную культуру, свободную от казенного патриотизма, государственно-церковных догм, театральных штампов и рутины.

В первые же годы Советской власти вопрос создания истинно народного театрального искусства стал государственной задачей. М. И. Калинин, обращаясь к деятелям Большого театра, говорил о том, что «чем больше мы будем укрепляться, само собой будет уменьшаться значение религии. Но параллельно с этим будет возрастать стремление к проявлению творческого возбуждения, которое свойственно каждому человеку».

Большой театр активно включился в процесс создания нового искусства. Из старого репертуара предпочтение отдавалось произведениям на исторические, героические сюжеты: «Борис Годунов», «Князь Игорь». Появились и первые советские произведения: на сюжет о Степане Разине были поставлены опера П. Триодина и балет с музыкой симфонической поэмы Р. Глиэра. Попытки соединить классический балет с обработками танцев массовых празднеств были сделаны в спектакле балетмейстера А. Горского «Вечно живые цветы».

Появились первые советские оперы и балеты на революционные сюжеты: «Красный мак» Р. Глиэра, «Пламя Парижа» Б. Асафьева, «Тихий дон» И. Дзержинского, «Мать» Т. Хренникова. А затем впервые на сцену Большого театра пришла современность: опера Ю. Мейтуса «Молодая гвардия», балет В. Власова «Асель» по повести Ч. Айтматова...

И к каким бы темам ни обращался Большой театр сегодня — к античному мифу об Икаре, героям Шекспира, русской истории и современности, — пафос его спектаклей в утверждении человека-борца, человека-созидателя, человека-творца.

Большому театру — 200 лет. Это и много, и мало. Мало — потому, что история культуры измеряется веками. Много — потому, что вклад театра в историю отечественного и мирового искусства огромен. С самого начала своего существования Большой театр явился универсальным центром национальной культуры: здесь было положено начало русской опере и балету. Здесь сформировалась и русская драма. На сцене Большого театра реалистическое искусство вырабатывало художественные принципы историзма и народности. В репертуар театра входили и лучшие произведения зарубежных художников, на его сцене гастролировали многие всемирно известные артисты.

Большому театру по праву принадлежит ведущая роль в создании нового советского искусства. Сегодня — это театр, активно участвующий в формировании свободного, творчески активного человека. Достижения лучших мастеров театра — свидетельство огромных творческих сил, духовного богатства нашей культуры.

Большой театр! На разных языках мира это звучит как символ русского, советского искусства, вечно молодого и вдохновенного.

МАРКСИСТСКИЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор выходящего в Берлине «Дойче цайтшрифт фюр философи» («Немецкий философский журнал») доктор **Франк Руппрехт** принял в Берлине нашего корреспондента И. Эльвина и осветил задачи и роль этого периодического издания в исследовании и пропаганде научного атеизма в ГДР.

— Какое место в работе вашего журнала занимают проблемы научного атеизма?

— «Дойче цайтшрифт фюр философи» — журнал, посвященный проблемам марксистско-ленинской философии, ее углубленному исследованию, дискуссиям в этой области. Будучи пока единственным философским периодическим изданием в нашей стране, он уже в силу одного этого призван отразить на своих страницах весь спектр философских проблем. Причем его содержание рассчитано прежде всего на научных работников, преподавателей философии и студентов высших учебных заведений, на всех, кто интересуется проблемами философии и философскими основами естественных и общественных наук. Тираж нашего журнала — около 10 тысяч экземпляров, из них почти две тысячи выписывают научные учреждения и ученые многих стран мира.

В сфере научного атеизма мы сосредоточиваем свое внимание на коренных проблемах, поскольку лишены возможности охватить научно-атеистическую тематику во всем ее объеме, не располагая пока что необходимыми для этого научными кадрами, да и просто достаточным местом в журнале. Иначе говоря, мы стремимся всегда подчеркивать атеистическую сущность нашей философии, особенно при освещении коренных вопросов диалектического и исторического материализма, этики и эстетики, теории познания, истории философии, философского анализа конкретных итогов современных научных исследований и т. д.

На атеистическую тему выступают и другие периодические издания ГДР. Могу назвать, например, журналы «Урания» (орган одноименного Общества по распространению научных знаний) и «Виссеншафт унд фортшритт» («Наука и прогресс»), которые популяризируют достижения естественных и технических наук. Для тех, кто специально интересуется проблемами научного атеизма, издается периодический бюллетень, освещающий исследовательскую работу в этой области. Кроме того, те же проблемы затрагиваются и в более или менее регулярно выходящих теоретических сборниках «Байтрэге цум гезелльшафтсвиссеншафтлихен грундштудиум» («Вопросы изучения основ общественных наук»), предназначенных для преподавателей марксизма-ленинизма высших учебных заведений.

— Какие конкретные проблемы критики религиозного мировоззрения затрагиваются на страницах журнала?

— В первую очередь мы останавливаемся на вопросах, связанных с кризисом, переживаемым в нашу эпоху религией и церковью. Анализируем особенности этого кризиса и стремление религиозных идеологов приспособиться к изменениям в современном мире, рассматривая эти явления во взаимозависимости с общими кризисными тенденциями буржуазной идеологии. Мы считаем особенно важным неизменно разоблачать связь политического клерикализма с антикоммунизмом, с питающими его реакционными, враждебными международной разрядке силами монополистической буржуазии, в каком бы обличье ни выступала антикоммунистическая идеология реакционных церковных сановников и теологов Запада. Одновременно анализируем ту роль, какую в настоящее время играет левоклерикальный радикализм, подвергая и его принципиальной критике. Конкретно в этом плане за последние годы журнал рассмотрел идеологические проблемы антиимпериалистического сотрудничества марксистов и верующих, выступил с критикой религиозного толкования научно-технической революции и ее последствий, разоблачал клерикальные фальсификации прогрессивного наследия прошлого, сравнительно широко и обстоятельно проанализировал развитие идеологии современного церковного реформизма. Наконец, весьма заметное место на наших страницах занимает история атеизма и просветительства. В частности, в прошлом году, когда отмечалось 450-летие Крестьянской войны в Германии, мы опубликовали несколько статей, анализирующих идейное наследие ее революционного идеолога Томаса Мюнцера, обращались также к анализу творчества Якоба Бэме, Иммануила Канта, Людвига Фейербаха и других немецких философов. Авторы этих материалов — наши ученые-марксисты Герман Лей, Олоф

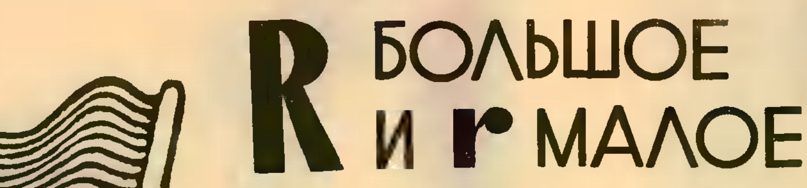
Клор, Мартин Роббе, Хельмут Дресслер, Илеана Бауэр, Анита Липерт *.

— Какие задачи стоят перед собой журнал в области дальнейшего развития научно-атеистической мысли?

— Мы намерены впредь еще глубже освещать проблемы научного атеизма, что имеет особенно важное значение в условиях нашей республики, где выходят также и периодические издания Христианско-демократического союза — партии, входящей в Национальный фронт Демократической Германии. Мы учитываем также, что с нового учебного года на гуманитарных факультетах наших вузов вводится курс лекций по научному атеизму. Мы уже писали о задачах атеистического образования и воспитания студентов в отчете о семинаре, посвященном этим проблемам, который состоялся в 1973 году в Лейпциге (1974, № 4). Был опубликован обстоятельный реферативный обзор известного советского учебника «Научный атеизм». Должен подчеркнуть, что мы намерены еще шире, чем до сих пор, пропагандировать опыт советских коллег. Помещенное в нашем журнале подробное сообщение профессора А. Ф. Окулова о научных исследованиях в СССР в области религии и атеизма встречено читателями с большим интересом. Кроме того, мы стремимся систематически укреплять наши связи с марксистскими мировоззренческими изданиями социалистических стран, в том числе и с журналом «Наука и религия».

---

* Сокращенный перевод одной из этих статей — «Новая встреча революции с верой?» И. Бауэр и А. Липерт см. в январском номере «Науки и религии» за 1976 г.



Данута КУЛАКОВСКА,
заместитель заведующего редакцией философской литературы издательства «Ксенжка и ведза»

ПОСЛЕДНИЕ 15—20 лет ознаменованы в Польше заметным ростом интереса к религиоведческой литературе. И эта тенденция не случайна — она связана с теми глубочайшими социальными и идеологическими преобразованиями, которые произошли в нашем обществе за три десятилетия народной власти, с общим бурным ростом культуры и образования народных масс, с сопровождающим социальный прогресс и духовное развитие народа процессом лаицизации *. Научное знание о религии — ее сущности, истории, роли в общественной жизни — все больше становится необходимым компонентом общей культуры человека.

«Ксенжка и ведза» («Книга и знание») — не единственное издательство в ПНР, выпускающее литературу по марксистскому религиоведению и научному атеизму, такие книги выходят во многих издательствах и Варшавы и других городов, эти проблемы широко освещаются и на страницах периодической печати, в том числе в таких специальных изданиях, как научные сборники «Студия религиознавче» («Религиоведческие исследования»), религиоведческое обозрение «Эухемер», еженедельник Общества распространения светской культуры «Аргументы», журнал «Чловек и святопоглёнд» («Человек и мировоззрение») и т. д. Однако «Ксенжка и ведза», будучи партийным издательством широкого профиля, занимает здесь свое особое место — является ведущим не только по количеству выпущенных книг, но и по широте охватываемых проблем, по разнообразию жанров издательской продукции.

Если исходить из количественных показателей, то религиоведческие издания нашей редакции философской литературы, казалось бы, не занимают особо важного места в номенклатуре «Ксенжки и ведзы» — всего 3,5 процента всей ее продукции. Но за этими несколькими процентами — около трехсот названий книг, выпущенных за последние 25 лет общим тиражом почти в 3,5 миллиона экземпляров. В масштабах нашей республики цифры достаточно внушительные.

Главный принцип нашей издательской политики в этой области — понимание религиоведения как совокупности многих научных дисциплин, силами которых разрабатывается обширный комплекс проблем марксистско-ленинской теории религии, научного атеизма, истории религии и церкви. Отсюда и широкий тематический диапазон издаваемой литературы: теоретические и методологические проблемы (сущность, происхождение религии, закономерности ее развития и отмирания, ее отношение к другим формам общественного сознания), история религии и церкви (с особым вниманием к истории христианства, в частности католической церкви, ее социальной доктрины, истории польского католицизма), философия религии, социология религии, психология религии, исследование эволюции религиозного сознания, религиоведческая этнография, история свободомыслия и атеизма, правовые проблемы религии и атеизма, отношение социалистического государства и марксистской партии к религии и церкви, проблемы свободы совести, исследование процесса лаицизации в условиях социалистического общества и т. д. Среди авторов этих книг — ведущие польские ученые, их коллеги из братских социалистических стран, марксисты из стран Запада, видные популяризаторы науки, публицисты. Достаточно разнообразны и жанры нашей продукции: научные исследования и публикации трудов мыслителей прошлого, научно-популярные издания и книги для массового читателя, учебные пособия, справочники и т. д.

Естественно, в кратком обзоре

---

* Этим термином (равнозначным употребляемому у нас «секуляризация») обозначают в Польше весь многообразный процесс освобождения общественной жизни и сознания людей от влияния религии и церкви.

нет возможности не то что охарактеризовать, но и перечислить все изданные нами книги, я назову лишь некоторые — вызвавшие наибольший интерес читателей, отмеченные прессой, переведенные на другие языки. Уже по этим примерам советский читатель сможет составить общее представление о нашей продукции.

Т. М. Ярошевский «Личность и собственность» (1965 г.) и «Личность и общество» (1970 г., в 1973 г. переведена на русский язык); С. Опара «Очерк теории индивидуальной религиозности» (1975 г.); двухтомная хрестоматия «Философы о религии» (1960, 1963 гг.); А. Новицкий «Лекции по критике религии» (1963 г.) и его же «Лекции по критике религии в Польше» (1965 г.); З. Понятовский «Введение в Евангелие» (1971 г.); Т. Маргуль «Сто лет науки о религиях» (1964 г.); Х. Свентковский «Отношение церкви к государству в разных странах» (1962 г.); В. Мыслэк «Католическая церковь в Польше в 1918 — 1939 годах» (1966 г.); Б. Кшивоблоцка «Хадеция» (1974 г., о христианских демократах в Польше); Ю. Семэк «О сотрудничестве верующих и неверующих» (1958 г.); В. Помыкало «10 раз о проблемах лаицизации» (1971 г.); Э. Сыздек «Социалистическая перспектива лаицизации» (1967 г.); С Маркевич «Противоречия в современном католицизме» (1964 г., в 1967 г. переведена на русский язык) и его же «Католическая церковь в социалистических странах» (1974 г.); Я. Веруш-Ковальский «Миряне в католической церкви» (1965 г.); Т. Плужаньский «Марксизм и феномен Тейяра» (1967 г.); Е. Коссак «Бунт на коленях. О христианском экзистенциализме» (1965 г.); Т. Мрувчиньский «Персонализм Маритэна и современная католическая мысль» (1964 г.): М. Хорошевич «Католическая церковь в современной Африке» (1962 г.); А. Мрозек «Коран и арабская культура» (1967 г.) и многие другие книги польских авторов.

Среди переводных первое место занимают работы советских авторов. Вот некоторые из них: Ем. Ярославский «Как родятся, живут и умирают боги и богини»; В. Никольский «Происхождение религии»; Г. Гурев «Наука и религия о строении Вселенной»; Ю. Левада «Социальная природа религии»; М. Шейнман «Краткие очерки истории папства»; Б. Шаревская «Старые и новые религии Тропической и Южной Африки» и другие. Готовятся к изданию «Введение и теоретическое религиоведение» Д. Угриновича, в планах редакции — выпуск совместно с Политиздатом СССР сборника «Критика современного католицизма».

Из переводов с других языков: «Почему я не христианин?» Б. Рассела, «Происхождение религии и веры в бога» Г. Кунова, «Происхождение христианства» К. Каутского, «Находки у Мертвого моря» Э. Вильсона, «Наука и религия» М. Кашена, «Марксисты и религия» М. Веррэ, «Папесса Иоанна» Э. Роидиса и другие.

Наиболее известные религиоведческие работы польских и зарубежных авторов прошлого и современности составили нашу серию «Большое R», получившую признание в научных кругах как в нашей стране, так и за рубежом. Здесь изданы «Происхождение христианства» А. Робертсона, «Социология религии» И. Ваха, «Религия и возникновение капитализма» Р. Тони, «Очерки психологии религии» Э. Фромма, «Человек, религия, культура» З. Фрейда, «Всезнание богов» Р. Петтаццони, «Психология и религия» К. Юнга, «Земля скорби» Э. де Мартино, «Первобытные формы религии» А. Токарева, «Верования народов Севера» А. Анисимова и другие книги.

Готовятся к изданию в этой серии: «Очерки социологии религии» М. Вебера, избранные труды Б. Малиновского, «Первобытная религия в свете этнографии» Л Штернберга, «Религия и культура» В. Лантернари и ряд других работ. В планах на будущее — книги В. Бонч-Бруевича, А. Рановича, Н. Никольского, Ю. Францова, Л. Кшивицкого, С. Чарновского.

Как видим, главное место среди наших переводов занимают работы религиоведов-марксистов, в первую очередь советских авторов (в знакомстве с ними польских читателей издательство «Ксенжка и ведза» занимает ведущее место: мы выпускаем 85 процентов переводов советских книг по научному атеизму). Однако интересы развития марксистского религиоведения, критика ошибочных, ненаучных концепций предполагают ознакомление научной общественности и с наиболее важными работами авторов, стоящих на иных, немарксистских позициях. Разумеется, эти издания снабжены вступительными статьями и комментариями, дающими им научную критическую оценку.

В отличие от большого R, серия «Малое r» — научно-популярная. В ее изданиях освещаются такие темы, как религия и культура, религия и искусство, религия и воспитание, обычаи, обряды, традиции, религия в эпоху научно-технической революции, религии разных стран мира и т. д. В этой серии опубликованы книги: А. Токарчик «Тридцать вероисповеданий» (столько религиозных течений насчитывается сейчас в Польше), Я. Розен-Пшеворска «Религии кельтов», упоминавшийся уже перевод книги Б. Шаревской «Старые и новые религии Тропической и Южной Африки» и другие работы. В ближайших планах: М. Сташевский «Государство и религиозные организации в европейских социалистических странах», М. Новачик и Х. Свенко «Марксистская философия религии», Ю. Грудзень «Церковь в современном мире».

В заключение скажу еще об одном важном направлении нашей работы — издании пособий для системы партийного просвещения. Начали мы еще в конце 50-х годов с выпуска сборников, подготовленных на основе стенограмм лекций, прочитанных на курсах при отделе пропаганды и агитации ЦК ПОРП: «Атеизм и религия» (1-е изд. 1957 г., 2-е — 1960 г.), «Религия и лаицизация» (два издания в 1961 г.), «Светская культура в истории нашего народа» (1960 г.). Следующим шагом был вышедший в 1964 году сборник «Вопросы религии и лаицизации» — небольшое по объему, но весьма насыщенное по содержанию учебное пособие. Наконец, в 1967 году был выпущен учебник «Проблемы религии и лаицизации» (2-е изд. 1970 г., 3-е — 1971 г.). Не повторяют, а существенно дополняют его, развивая вглубь ряд важных тем, вышедшие в 1972 году (2-е изд. — 1973 г.) «Избранные проблемы марксистского религиоведения».

В 1975 году наша редакция выпустила для системы партийного просвещения новый учебник «Избранные проблемы марксистской этики». Дополнением к нему стала тематическая хрестоматия. Вскоре выйдет учебник «Основы марксистского мировоззрения».

Недавно редакция философской литературы издательства «Ксенжка и ведза» отметила свой 25-летний юбилей. Мы надеемся, что подведение итогов проделанной работы, их критическая оценка, сосредоточение усилий на еще не решенных задачах, на устранении пробелов и недостатков в нашей работе положительно скажутся на издании религиоведческой, атеистической литературы.

г. Варшава

ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКИХ АТЕИСТОВ

И. ДАВЫДОВ

О ежемесячнике «Раджоне» («Разум»), органе Национальной ассоциации свободной мысли имени Джордано Бруно в Италии, можно сказать словами латинской поговорки «Нон мульта сед мультум», смысл которой таков: немного, но содержательно. Действительно, обширна тематика этого небольшого по объему журнала, стоящего на базе марксистского толкования проблем религии и атеизма: здесь и история церкви, и критика религиозных учений, главным образом католицизма, и анализ политического курса Ватикана в прошлом и настоящем, и информация о положении и деятельности церкви в мире, и проблемы теории атеизма и практики атеистического движения в разных странах. В журнале публикуются статьи видных представителей атеистической мысли в Италии — таких, как известный историк религии, автор ряда капитальных трудов Амброджо Донини, как редактор «Раджоне» Джорджо Конфорто, как председатель Национальной ассоциации свободной мысли, ветеран атеистического движения Ди Джованни.

«Наука и религия» уже не раз писала о «Раджоне» (см., например, его обзор «Голос разума» — 1974, № 11). Чтобы не повторяться, остановимся несколько подробнее на одной стороне тематики журнала — на его неизменном стремлении знакомить своих итальянских читателей, активистов атеистического фронта с достижениями научно-атеистических исследований в СССР, с трудами советских ученых. Такие материалы публикуются почти в каждом номере «Раджоне».

Так, бесспорный интерес представляют путевые очерки одного из его постоянных авторов Бруно Орано, посетившего СССР летом 1974 года вместе с группой итальянцев разных политических направлений (1974, № 9,10). В отличие от своих спутников — рабочих, крестьян, служащих, ремесленников, студентов, архитекторов, домашних хозяек, учителей, впервые приехавших в нашу страну, — он посетил ее уже третий раз со времени всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г.).

Делясь своими впечатлениями о Ленинграде и Москве, Орано говорит об огромных, бросающихся в глаза достижениях. Для него важна каждая деталь, каждый штрих советской нови, столь несхожей с жизнью современной Италии и других капиталистических стран. Естественно, что внимание Орано прежде всего привлекает все, что связано с атеистическим воспитанием. Особенно глубокое впечатление на него произвел Музей истории религии и атеизма, расположенный в Казанском соборе в Ленинграде.

«Среди многочисленных картин, — пишет он, — есть одна, очень талантлнво живописующая казнь рабов, восставших в 73 году до н. э. под водительством Спартака и распятых на крестах вдоль Виа Аппиа между Римом и Капуей. В числе экспонатов этого музея — бесчисленные орудия пыток, которыми пользовалась инквизиция. Здесь стоит бюст великого философа — Джордано Бруно. Мужественный борец против религиозного обскурантизма, он впервые сформулировал гипотезу о бесконечности Вселенной. Директор музея принял нас с исключительным радушием, сказал много лестных слов в адрес нашей Ассоциации и передал ей в дар шкатулку с изображением своего знаменитого музея... По сравнению с теми толпами посетителей, которых можно встретить в любом из музеев (в одном Ленинграде их около полусотни), да и по сравнению со всеми другими центрами культуры, такими, как библиотеки, выставки, театры, концертные залы и т. д., особенно отчетливо выявляется равнодушие к религиозной жизни. Действующие церкви почти пустуют. Новые поколения советских людей свободны от религиозного влияния, которое так мучительно тяготело над старой Россией, деспотической и темной».

Орано рассказывает о своем посещении церкви, расположенной на территории бывшего Новодевичьего монастыря в Москве, куда ему довелось попасть во время богослужения, на котором присутствовали главным образом старики и старухи. «Какой глубокий контраст с новой Россией, Россией спутников, космических полетов, научных городов, строек коммунизма!» — восклицает автор. Вместе с тем он подчеркивает, что в Советском Союзе строго соблюдается статья 124 Конституции, гарантирующая свободу отправления религиозных культов.

«Кратковременное пребывание в Москве и в Ленинграде, — заключает Б. Орано, — позволило нам лучше понять социалистическую действительность, прямодушный и трудолюбивый характер советского народа. Народа подлинно свободного, потому что у него нет более господ ни на земле, ни на небе. Здесь человек был хозяин всего того, что создано природой... Мы были рады посетить страну, которая не знает кризисов, страну, где такие явления, как инфляция, спад, безработица, столь присущие нашей системе, не имеют права гражданства. Советский народ уже давно не знает, что такое безработица, нищета и эксплуатация, от которых так страдает капиталистическое общество... Ценой великих жертв он построил новое общество, способное уже ныне обеспечить всем своим членам спокойное существование, а завтра — полное счастье».

«Раджоне» познакомил своих читателей и с интервью, которое советский философ профессор М. Мчедлов, присутствовавший на 37-м конгрессе Всемирного союза свободомыслящих (ВСС) в Париже (1973 г.), дал печатному органу французских свободомыслящих ежемесячнику «Ля резон».

На вопрос, официально ли преподается атеизм в университетах СССР, М. Мчедлов ответил, что научный атеизм преподается в советских вузах как составная часть марксистско-ленинской философии. Его спросили далее, существуют ли в СССР общества, занимающиеся распространением атеистического мировоззрения. В ответ М. Мчедлов назвал Всесоюзное общество «Знание», объединяющее в своих рядах десятки тысяч представителей советской интеллигенции.

На конгрессе ВСС в Париже присутствовал также другой советский философ — профессор В. Гараджа, выступивший с сообщением о проблемах научного атеизма, напечатанным затем в «Раджоне».

Журнал информирует своих читателей о положении религии и церкви в СССР и в других странах социалистического содружества. В сентябре 1974 года, например, он опубликовал перевод отрывка из вышедшей в Воронеже книги Н. Мартыненко «Критика православного учения о нравственности», анализирующей глубокий кризис, переживаемый ныне русской православной церковью.

Являясь членом правления римской секции общества «Италия—СССР», редактор «Раджоне» Джорджо Конфорто выступил на съезде этого общества в городе Сиена (ноябрь 1974 г.). В своей речи, опубликованной в ноябрьско-декабрьском номере журнала, он сказал, что Национальная ассоциация свободной мысли имени Джордано Бруно стремится

внести свой вклад в культурный обмен между Италией и Советским Союзом и с этой целью знакомит итальянцев с марксистским мировоззрением, господствующим в СССР, а советских людей — с положением религии и церкви в Италии, с движением протеста против вмешательства духовенства в личную жизнь итальянцев.

«Советская печать («Наука и религия», «Вопросы философии»), — продолжал Конфорто, — неоднократно доказывала, что она ценит наши усилия, цитировала статьи, напечатанные в нашем журнале».

Джорджо Конфорто подчеркнул, что ассоциация имени Джордано Бруно, в состав которой входят представители разных партий — от коммунистов до либералов, участвует вместе с другими демократическими организациями в борьбе за разрядку международной напряженности, в работе общества «Италия — СССР», крепя дружбу между итальянским и советским народами и добиваясь правдивого освещения жизни в Советском Союзе.

«Раджоне» обращается и к историческим проблемам, не утратившим актуальности и по сей день. В частности, статья «Святой престол и Советская Россия на Генуэзской конференции 1922 года» (1974, № 11—12 и 1975, № 1) представляет собой отрывки из вышедшей недавно в издательстве общества «Италия—СССР» книги Амброджо Донини «Генуэзская конференция и Рапалльский договор 1922 года».

Журнал часто публикует переводы из советской печати, например «Науки и религии», сборников «Вопросы научного атеизма» и других изданий. Только за последние два года «Раджоне» познакомил своих читателей с напечатанными в «Науке и религии» статьями В. Гранова «Под флагом «этического социализма» (1974, № 8), Н. Трусеневой и Ю. Зуева «Страдание» (1974, № 2), Е. Осиповой «Спекулируя на тяге к социализму» (1974, № 11) и Н. Борозновой «Две жизни» (с бывшем священнике С. Н. Теплоухове — 1974, № 8).

Так благодаря «Раджоне» богатейший опыт советских атеистов становится достоянием свободомыслящих Италии.

МЕССИЯ АНТИКОММУНИЗМА

В. АНДРОНОВА,
кандидат исторических наук

...Чуть ли не в один день Нью-Йорк был облеплен ярко-голубыми плакатами. С них глядел улыбающийся мужчина с полным холеным лицом и раскосыми глазами, обещавший тем, кто придет послушать «преподобного Сан Мен Муна», не более и не менее как... «второе рождение».

Большие усилия приложил преподобный, чтобы поднять как можно больше шуму вокруг своей личности и привлечь к себе внимание нью-йоркцев. С этой целью он навербовал около двух тысяч молодых людей, которые растекались по наиболее многолюдным улицам, атаковывали покупателей возле крупных универмагов, скапливались у входа в станции метро. В их задачи входило беседовать с людьми, раздавать им аналогичные всюду расклеенным, но меньшего размера плакаты с фотографией своего шефа и бесплатные билеты на его выступление. В своем рвении молодые люди доходили до того, что ходили по квартирам нью-йоркцев. Таким образом они раздали сотни тысяч плакатов и 380 тысяч билетов — почти в 20 раз больше, чем вмещает крупнейший в Нью-Йорке публичный зал «Мэдисон сквер гарден», где должен был выступать их патрон.

В тексте, напечатанном на обороте его плаката-портрета, Сан Мен Мун сетовал на то, что Нью-Йорк и вся Америка все более и более отходят от бога. Признаки этого он видел в наркомании, росте преступности, распадении семей, в расовой вражде, экономическом кризисе и... «угрозе коммунизма». «Бог покидает американские дома, ваше общество, ваши церкви. Бог покидает Америку», и поэтому-де она нуждается в «духовной революции». И далее преподобный без излишней скромности говорит, что его в Америку послал бог и что ему предначертано свыше возглавить движение по возвращению бога «обратно домой — в Америку». Иными словами, Мун недвусмысленно намекал на свое мессианское призвание.

Инспирированная им рекламная шумиха принесла ожидаемые плоды: возле «Мэдисон сквер гарден» к вечеру собрались тысячи людей. Усиленные наряды полиции строго следили за порядком и с трудом сдерживали у входов напирающую толпу. 20 тысяч человек сумели разместиться в зале, еще около 10 тысяч оказались на улице, так как не смогли попасть на «явление мессии».

Собравшимся в зале, большинство которых составляла охочая до бесплатных представлений любопытствующая молодежь, новоявленный спаситель преподнес «новую интерпретацию Библии», основанную на «божественном откровении, божественном духе и идеях», — в отличие от распространенной, как он выразился, «человеческой интерпретации». При этом он ссылался на то, будто ему «явились» Иисус Христос и Иоанн Предтеча и поведали «подлинную истину». Самозванный пророк заявил, что

Мун выступает в крупнейшем публичном зале Нью-Йорка «Мэдисон сквер гарден».

мир в настоящее время находится в ожидании второго пришествия Христа, ибо в первый приход люди его не поняли и не приняли, и после Христа миром овладел сатана. Теперь же наступило время для нового явления спасителя, предрекал Мун. Нельзя допустить, чтобы люди повторили ошибку прошлого и вовремя не распознали мессию. Он так же будет из плоти и крови и сойдет не с небес, уверял преподобный, не оставляя у слушателей никакого сомнения в том, что имеет в виду самого себя. В качестве подтверждения скорого прихода нового мессии Мун даже назвал возможного предтечу — широко известного в Америке евангелистского проповедника Билли Грэхэма.

Если люди не распознают вовремя мессию, то им же от этого станет хуже, так как Христос будет вершить над ними свой страшный суд. Но тогда уже будет поздно что-либо изменить. «Если вы признаете мессию, этот день будет великим для вас, если нет, поистине ужасным»,— сурово пророчествовал Мун.

В качестве исходного географического пункта «нового будущего христианства», а следовательно, и местопребывания мессии Мун объявил Америку: «Когда Христос грядет, он остановит свой взгляд на Америке как центре современного мира, а Нью-Йорк станет его царством».

Выступление было лишено, казалось бы, подобающих богословских рассуждений: по существу, это была деловая речь, вполне соответствовавшая облику самого проповедника — энергичного и предприимчивого. К тому же было что-то экзотическое в появлении этого странного, приехавшего из далекой Южной Кореи человека, с тонким высоким голосом, с плавными танцующими движениями, резкими жестами и песенками, которыми он сопровождал свое выступление.

Однако уверения Муна не вдохновили польстившихся на бесплатное представление любопытствующих нью-йоркцев. Люди стали покидать зал, и в скором времени в нем осталось не более трети первоначальной аудитории. К этому надо добавить, что далеко не все пришедшие к «Мэдисон сквер гарден» ждали от него каких-то откровений. Многие были уже осведомлены о политическом лице новоявленного «мессии». «Фашист!», «Не давайте себя одурачить мистеру Муну: он работает на Центральное разведывательное управление», «Мун обогащается на крови корейцев», «Гитлер — святой преподобного Муна», — кричали плакаты, принесенные пикетчиками.

Кто же этот человек?

Ему за пятьдесят Прибыл из Сеула. Ведет далеко не аскетический образ жизни. Привлекался к судебной ответственности за двоеженство. В банках у него миллионы долларов. Он тесно связан с ультраправыми группировками сеульского режима и является совладельцем компании, контролирующей оружейные, фармацевтические, металлургические и многие другие предприятия Южной Кореи.

С 1954 года параллельно с предпринимательской деятельностью занялся проповедничеством. Тогда же порвал с пресвитерианской церковью, к которой ранее принадлежал, и основал свою — «Унифицированную церковь» — полумонашескую организацию, в которую были вынуждены вступать и работники его предприятий. Для них он установил военизированный образ жизни и в качестве заработной платы выдавал не деньги, а специальные талоны, отовариваемые в лавках хозяина. Но эта сторона жизни преподобного всячески замалчивалась. В частных разговорах Мун нередко говорит,

Новоявленный мессия Мун под сенью южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи. Карикатура из нью-йоркской газеты «Дейли уорлд».

что станет более знаменитым, чем Христос, и что мир будет у него в руках. Мун намеревается объединить все реакционные клерикальные элементы в лоне своей «Унифицированной церкви» для борьбы с завладевшим миром сатаной — коммунизмом.

Мун снискал доверие южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи своей непримиримостью в отношении коммунизма. В Японии он развил активную деятельность в пресловутой антикоммунистической лиге. С самого начала новоявленному «мессии» оказали моральную, а главное — огромную финансовую поддержку наиболее реакционные круги Южной Кореи, Японии и США.

Выступление в Нью-Йорке было лишь началом предпринятого Муном марша по завоеванию Америки и Европы. За Нью-Йорком последовали столь же шумные и скандальные спектакли еще в семи крупных городах США — Филадельфии, Вашингтоне, Атланте, Чикаго, Сиэтле, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. Затем преподобный антикоммунист отправился в Европу.

Одна лишь нью-йоркская кампания обошлась ему, по свидетельству местной прессы, в 350—500 тысяч долларов. Впрочем, Муну не пришлось брать их из собственного капитала — только в 1973 году он получил по самым минимальным подсчетам 2 миллиона долларов от богатых покровителей. Правда, силы, стоящие за спиной спасителя мира, предпочитают не афишировать свои привязанности к проповеднику антикоммунизма, видимо опасаясь за свою репутацию: ведь подобные лжемессии нынче не больно-то в чести. Даже падкие на сенсацию и мистику американцы презрительно отворачиваются от «потусторонних» посулов, когда те сдобрены набившей оскомину антикоммунистической пропагандой.

г. Нью-Йорк

Разоблачение клерикализма

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 18. М., изд-во «Мысль», 1975, 389 стр., 17 000 экз., 1 руб. 49 коп.

Центральная [redacted] 18-го выпуска — место [redacted] роль [redacted] [redacted] религии [redacted] современной идеологической борьбе.

Тема эта, красной нитью проходящая почти через все статьи основных разделов сборника: «Критика клерикального антикоммунизма», «Критика теологической интерпретации научного атеизма» [redacted] других, — неотделима от проблемы современно[redacted] клерикализма [redacted] [redacted] значительной мере сводится [redacted] выявлению [redacted] особенностей, идеологических [redacted] политических разновидностей. Нельзя сказать, чтобы [redacted] нашей атеистической литературе [redacted] уделялось [redacted] критике клерикализма, разоблаче[redacted] использования религии [redacted] идеологической [redacted] политической борьбе, которую буржуазия, [redacted] партии ведут против мира социализма, против единственно научного марксистско-ленинского мировоззрения. Однако отдельные авторы при этом иной раз рассматривают клерикализм [redacted] движение, будто бы ставящее своей целью установление идейно-политического господства церкви над всей жизнью общества. Такая трактовка [redacted] соответствует действительности, ибо современные клерикалы прекрасно понимают, что не может быть возврата [redacted] «старым добрым временам средневековья», когда духовенство [redacted] впрямь контролировало [redacted] направляло [redacted] [redacted] народа. Вот почему так важна ясность, какую, кстати, внес [redacted] определение клерика[redacted] один [redacted] предыдущих выпусков рецензируемого издания, квалифицировав его как идеологию [redacted] политическую практику буржуазии, использующей социальные доктрины тех [redacted] [redacted] конфессий против интересов народных масс*.

Таким образом, [redacted] наши дни уже [redacted] клерикализм стремится подчинить себе социальную действительность — [redacted] церковникам ныне явно [redacted] под силу,— а крупная буржуазия ставит его [redacted] службу своим классовым интересам, используя [redacted] одно [redacted] орудий своей антикоммунистической, антинародной политики.

Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, воплощением которой является традиционная политика разрядки международной напряженности, осуществляемая социалистическими странами во главе [redacted] Советским Союзом, такое выдающееся достижение этой политики, как проведение Совещания [redacted] безопасности [redacted] сотрудничеству [redacted] Европе (Хельсинки, 30 июля — 1 августа 1975 г.), созыву которого столь яростно противились наиболее реакционные империалистические круги, в том числе и [redacted] клерикальная креатура,— все [redacted] свидетельствует [redacted] необратимом характере изменений [redacted] соотношении [redacted] [redacted] международной арене [redacted] пользу мира, демократии [redacted] социализма, [redacted] тщетности попыток сторонников «холодной войны» снова вернуть человечество к [redacted] временам.

Вот почему было бы неверно переоценивать возможности международной реакции, чья активность [redacted] крикливость, как учит марксизм, лишь возрастают по мере ослабле[redacted] занимаемых [redacted] позиций. «Клерикальный антикоммунизм, — отмечают Л. Н. Великович [redacted] Н. М. Кейзеров, — усилил [redacted] идеологическую активность, [redacted] это [redacted] означает усиление его позиций. Обострение идеологической борьбы углубляет кри[redacted] клерикального антикоммунизма, который тщетно пытается предпринять наступление [redacted] марксизм-ленинизм».

Но, с другой стороны, [redacted] забывать, что реакция отнюдь не собирается складывать оружие, пытается всякое ослабление идеологической и политической борьбы [redacted] нашей стороны использовать для нанесения контрударов и идеологических диверсий. Журнал итальянских иезуитов «Чивильта каттолика», [redacted] частности, писал, что католики «должны не просто защищаться, [redacted] сами атаковать марксизм».

Вот почему так важно своевремен[redacted] [redacted] наступательно давать отпор непрестанным наскокам врагов мира и социализма, под каким бы флагом они [redacted] выступали,— это важнейшая задача нашей пропаганды, задача, ощутимый вклад [redacted] решение которой вносит и рецензируемый сборник.

Нельзя забывать, напоминают его авторы, что для современной идеологической борьбы характерна активизация [redacted] только откровенных противников коммунизма [redacted] лагеря империалистической реакции, включая клерикальных идеологов и политиков, [redacted] [redacted] сближение [redacted] ними [redacted] базе антикоммунизма [redacted] антисоветизма [redacted] современных ревизионистов типа Р. Гароди, Э. Фишера, М. Маховца и других, так [redacted] маоистов. Все эти ренегаты, подчеркивают Л. Н. Великович [redacted] Н. М. Кейзеров, [redacted] только искажают теоретические положения марксизма-ленинизма, но, так [redacted] [redacted] идеологи антикоммунизма, фальсифицируют политику коммунистических [redacted] рабочих партий [redacted] отношении религии».

Другая особенность идеологической борьбы [redacted] наши дни состоит [redacted] том, [redacted] заметное потепление международного климата, вызванное успешной реализацией Программы мира, заставляет наших идейных противников вырабатывать новые, более гибкие формы [redacted] методы пропаганды антикоммунистических идей, обновлять свой идеологический арсенал, тщательнее камуфлировать [redacted] реакционную сущность. Среди этих «миротворцев» встречаются [redacted] такие церковные деятели, «которые, не решаясь открыто выступать против поли[redacted] мирного сосуществования, даже признавая ее на словах, всю [redacted] идеологическую деятельность подчиняют интересам реакционных сил... пытаются использовать позитивные сдвиги [redacted] международных отношениях для усиления антикоммунистической пропаганды».

Сказанное в равной мере относит[redacted] также [redacted] и организационным (экуменизм) [redacted] [redacted] богословским (теологии «мертвого бога», «освобождения», «революции» [redacted] др.) разновидностям церковного «обновленчества». «При анализе богословских концепций социальной революции, под какими бы наименованиями они ни пропагандировались среди верующих [redacted] неверующих, — пишет Г. С. Янченко, — всегда надо учитывать тот факт, что под вывеской самых ультрасовременных концепций скрывается попытка дискредитации [redacted] фальсификации марксистско-ленинской теории социалистической революции. Именно та[redacted] цель «теологии революции» [redacted] «теологии освобождения», дезориентирующих массы верующих трудящихся в их стремлении к социальной справедливости [redacted] прогрессу».

Эти церковные «новаторы» [redacted] готовы примириться [redacted] некоторыми, как они выражаются, «разнообраз[redacted] направлениями марксизма», имея при этом [redacted] виду современных ревизионистов [redacted] [redacted] антимарксистской теорией религии. «Я хорошо знаю, — [redacted] председатель ватиканского секретариата [redacted] делам неверующих архиепископ Вены кардинал Ф. Ке-

* См.: Л. Н. Великович. Религия [redacted] современная идеологическая борьба. «Вопросы научного атеизма», вып. 12. М., 1971, стр. 21.

ниг, — что фактически нет единого марксизма, что скорее существуют весьма разнообразные направления марксизма. Среди них есть и такие, которые, хотя бы с теоретической точки зрения, могут установить контакт с христианством». Под этими «направлениями» имеется в виду прежде всего Р. Гароди и ему подобные ренегаты коммунизма.

Значительное место в рецензируемом сборнике занимает анализ всеобъемлющего и необратимого кризиса религии в современную эпоху. М. П. Гапочка и С. Н. Земляной подчеркивают, что «победа социализма в СССР, возникновение и развитие мировой социалистической системы являются наиболее глубокой социальной причиной того, что кризис религии приобрел глобальный характер». Авторы называют и другие факторы, обусловившие непрерывное углубление кризиса, переживаемого в наши дни религией и церковью. Это — международное рабочее движение, национально-освободительная борьба, последствия научно-технической революции и т. д.

Одним из следствий кризиса религии являются попытки иерархов и клерикалов «спасти то, что еще можно спасти», с помощью всякого рода «обновленческих» курсов (например, аджорнаменто в католицизме), то есть путем приспособления религии к современным условиям, а также посредством конструирования всякого рода богословских псевдореволюционных социальных доктрин, цель которых, как уже говорилось, — подладиться под настроение масс, под подъем национально-освободительного движения. Все эти проявления «духа обновления» отражают тот отмеченный Международным Совещанием коммунистических и рабочих партий бесспорный факт, что все современные конфессии «переживают идеологический кризис, расшатывающий их вековые концепции и сложившиеся структуры».

Одной из форм политического злоупотребления религией, практикуемого современной империалистической буржуазией, являются попытки использовать различные вероучения для обоснования или камуфлирования национализма и шовинизма. Разоблачению этой разновидности клерикализма в рецензируемом сборнике посвящен раздел «Буржуазный национализм и религия». В нем опубликованы статьи О. П. Осипова «Против фальсификации роли религии в развитии национальных отношений», Р. Г. Симоненко «Религия в идеологии и практике украинского буржуазного национализма» и М. А. Гольденберга «Религиозная апология сионизма»

«Буржуазные идеологи, отождествляя религию и нацию, — пишет О. П. Осипов, — пытаются навязать верующим советским гражданам религиозные, националистические представления и ценностные ориентации». Автор выделяет несколько основных направлений идеологических спекуляций подобного рода. Прежде всего это попытки искусственно перенести противоречия буржуазного общества на социалистические отношения. Далее, это расчеты на то, что «отождествление религии и нации поможет нерусским народам противиться интернационалистскому влиянию социальных изменений». Еще одной буржуазно-националистической спекуляцией на религиозных пережитках является преувеличение роли религии в жизни народа. При этом фальсификаторы игнорируют или замалчивают тот огромный вред, который религия и церковь причинили развитию большинства национальных культур. В исламе, например, долгое время под запретом находились некоторые жанры литературы и искусства. В России почти до XVIII века церковь боролась против народных гуляний, праздников и т. д.

Говоря об использовании иудаизма сионистской креатурой международного империализма, М. А. Гольденберг отмечает, что хотя «первоначально иудейское духовенство в массе своей враждебно встретило появление сионизма... однако теперь, когда сионизм стал господствующей идеологией еврейской буржуазии, раввинат прилагает все усилия, чтобы устранить даже воспоминания о былой размолвке». Вместе с тем, указывает автор, надо учитывать, что глубокая заинтересованность сионистских лидеров в возрождении традиционного иудейского вероучения объясняется отнюдь не какой-то исключительной набожностью последних (в Израиле лишь 15—20 процентов населения — верующие), а стремлением сионистской верхушки использовать религию для оправдания своей экспансионистской и расистской политики и для ослабления классовой борьбы на «земле обетованной».

Таков далеко не полный перечень сложных и противоречивых проблем, порожденных использованием религии в современной идеологической борьбе, которые рассматриваются в рецензируемом сборнике. Как и всякое печатное издание, он, естественно, не свободен от частных недостатков. Несмотря на это, сборник представляет собой заметное явление в нашей атеистической литературе и вносит весомый вклад в борьбу с антикоммунистическими идеологическими диверсиями, которые предпринимают силы политического клерикализма. Вышедшая книга — ценное пособие для пропагандиста и преподавателя общественных наук, для партийного и научного работника, для студента, изучающего основы научного атеизма, и слушателя сети политпросвещения.

В. МАЗОХИН,
кандидат исторических наук

Роль духовенства в Иране

Е. А. Дорошенко. ШИИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ. М., изд-во «Наука», 1975, 170 стр., 3 200 экз., 84 коп.

За последние десять лет в жизни Ирана произошли существенные перемены. Страна стремится преодолеть экономическую отсталость — результат длительного господства феодальных порядков и колониальной политики империалистических держав на Востоке. Национальная буржуазия ставит перед собой цель — превратить Иран в развитую капиталистическую страну, сохранив, однако, монархический режим. Идеологическая основа этого курса — доктрина иранского буржуазного национализма, составной частью которой является ислам.

Шиитское направление ислама — государственная религия Ирана. Это серьезная идеологическая сила, определяющая мировоззрение, мораль, нравственность иранского общества, освящающая его социальную структуру.

Шиитское духовенство в течение длительного времени занимало главенствующие позиции в государстве: ему принадлежала высшая духовная власть, под его контролем находилось образование и судопроизводство, оно активно влияло на политику государства. Востоковеды-иранисты не раз обращались к вопросу о роли духовенства в общественно-политической и духовной жизни иранского общества на разных этапах его истории, однако специальных исследований, посвященных этой проблеме, у нас еще не было. Е. А. Дорошенко сделала первую попытку всесторонне рассмотреть позиции религии и духовенства в современном Иране.

Книга открывается довольно обстоятельным очерком социального, пра-

вового и финансового положения духовенства, а также системы мусульманского образования. Автор показывает, что начиная с 30-х годов нашего столетия правящие круги Ирана постоянно стремятся ограничить экономическую и политическую мощь шиитского духовенства. Несмотря на такую направленность политики властей, позиции шиитского духовенства в стране и сегодня еще достаточно сильны. Об этом свидетельствуют приведенные в книге данные о его громадных вакуфных владениях и доходах, о деятельности шариатских судов, о роли духовенства в системе образования и просвещения. На наш взгляд, в этом разделе следовало бы более подробно охарактеризовать особенности шиизма и его догматики, что важно для понимания религиозной ситуации в стране.

В книге четко показана фактически сложившаяся в Иране организационная структура шиитского духовенства. Это большая заслуга автора — ведь из-за отсутствия в исламе системы официальной духовной иерархии, из-за множества религиозных титулов и званий, особенно в шиитском направлении, обычно трудно разобраться в принципах субординации и организации духовенства, нелегко определить социальное положение некоторых его категорий. А это имеет немаловажное значение для понимания сложной и неоднозначной роли духовенства в общественно-политической жизни страны. Как показывает Е. А. Дорошенко, духовенство в Иране, вопреки шиитской традиции, рисующей его единым и монолитным, весьма неоднородно по своему социальному положению, что и определяет место и роль различных слоев духовенства в классовой и антиколониальной борьбе.

История взаимоотношений высшего духовенства с правящими кругами на разных этапах столь богатого событиями периода 40—60-х годов предстает перед читателями как постоянная борьба духовенства против политики реформ, за сохранение своих исключительных позиций в экономической и политической жизни страны. Автор подчеркивает, что, несмотря на отдельные острые конфликты между духовной элитой и правящими кругами, власти никогда не были последовательными в своей политике по отношению к духовенству, они лишь стремились преодолеть консерватизм духовенства, устранить наиболее реакционных его представителей, не допустить или хотя бы ограничить его вмешательство в государственные дела.

Такого же курса придерживается и современное правительство. Высшее духовенство враждебно встретило земельную и другие реформы 60-х годов, в особенности мероприятия по эмансипации женщин. В ответ на это шах и правительство усилили контроль за деятельностью религиозных организаций и предприняли меры по подготовке таких кадров духовенства, которые проводили бы в жизнь принципы иранского буржуазного национализма и «белой революции» *.

Значительный интерес представляет характеристика взаимоотношений духовенства и народных масс Ирана. Пытаясь противостоять секуляристским тенденциям государства, духовенство не раз апеллировало к религиозно настроенным массам, вовлекая их в борьбу против реформистской политики шаха и правящих кругов. Однако, как убедительно свидетельствуют многочисленные факты, приведенные в книге, подлинные интересы народа никогда не были целью высшего духовенства. Так, в период второй мировой войны, когда в Иране начался подъем национально-освободительного движения, все реакционные силы страны объединились под флагом ислама. Против демократических, прогрессивных настроений, против коммунистического влияния была выдвинута религиозная пропаганда, превозносившая мусульманские «ценности» и традиции в их самой консервативной форме.

Рассматривая сложные перипетии борьбы иранского народа за национализацию нефтяной промышленности, Е. А. Дорошенко показывает, что в данном случае политика шиитского духовенства, провозгласившего движение за изгнание англичан из Ирана религиозным долгом мусульман, в какой-то степени способствовала объединению разнородных сил иранского общества. Но в то же время духовенство использовало эту борьбу для новых притязаний на участие в государственном управлении, для упрочения своего влияния во всех сферах общественной жизни.

Одна из глав монографии посвящена месту ислама в идеологии иранского буржуазного национализма — пехлевизма, а также религиозным концепциям современных шиитских богословов. Правда, этот раздел книги невелик и не претендует на полное освещение всех аспектов проблемы. Однако он все же дает представление о взглядах теоретиков пехлевизма и шиизма по таким вопросам, как роль и место ислама в жизни индивида и общества, отношение к реформации ислама, соотношение религии и науки и т. д.

Поскольку ислам необходим правящим кругам Ирана для идеологического обоснования их политики, он органически вошел в доктрину пехлевизма. Идеологи буржуазного национализма, как, впрочем, и теоретики шиизма, более всего озабочены возможностью упадка веры под воздействием политических и социальных перемен в странах Востока, достижений научно-технической революции, в связи с ростом популярности идей диалектического материализма и благодаря многим другим факторам современности.

Поддерживая авторитет ислама, и те, и другие проповедуют идею исключительности этой религии, ее превосходства над другими вероисповеданиями, представляют ислам единственным источником духовности в современном мире. Объединяет их и общая социальная платформа. Идеологи шиизма и пехлевисты враждебно относятся к идеям коммунистического учения.

В книге вскрывается антикоммунистический характер мусульманских концепций «исламского гуманизма», «исламской демократии» и так называемого «третьего» пути развития мусульманских стран. Антикоммунистические тенденции и противоборство идеям атеизма характерны и для теории и практики тех религиозных деятелей, которые ратуют за единение всех мусульман, за сближение с христианской церковью (в книге приводится немало фактов, характеризующих экуменическую деятельность шиитского духовенства).

Рассматривая проблемы реформации и модернизации ислама, Е. А. Дорошенко отмечает, что теоретики пехлевизма используют модернизированное толкование догм и положений ислама для обоснования политического и экономического курса правительства. Теоретики шиизма занимают по сравнению с идеологами пехлевизма более консервативные позиции, но и они начинают прибегать к более современной аргументации, к новой, согласующейся с требованиями времени интерпретации мусульманских догм и положений шариата. Можно, однако, упрекнуть автора в том, что в книге лишь декларируется стремление некоторых теоретиков шиизма «оживить» ислам, «освободить» его от средневековых догм, а каким образом это осуществляется, к сожалению, не показано. Однако, несмотря на некоторые недостатки, книга Е. А. Дорошенко является весьма интересным и полезным исследованием по одному из сложных вопросов востоковедения и религиоведения.

Т. СТЕЦКЕВИЧ,
кандидат исторических наук

---

* Так называются реформы 60-х годов в официальной иранской прессе.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Аширов. ИСЛАМ И НАЦИИ. М., Политиздат, 1975, 144 стр., 80 000 экз., 28 коп.

А. Белов. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. Изд. 2-е. М., Политиздат (Беседы с верующими), 1975, 80 стр., 100 000 экз., 10 коп.

В. А. Беляков. ВО ИМЯ РАЗУМА. Воронеж, Центр.-Черноземное книжн. изд-во, 1975, 77 стр., 4 500 экз., 12 коп.

Д. М. Генкин. МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ. М., изд-во «Просвещение», 1975, 139 стр. с илл., 106 000 экз., 45 коп.

А. Г. Гериш. П. Б. ГАННУШКИН. М., изд-во «Медицина», 1975, 63 стр., 15 000 экз., 7 коп.

Г. Р. Гольст. РЕЛИГИЯ И ЗАКОН. М., изд-во «Юридическая литература», 1975, 110 стр., 50 000 экз., 14 коп.

«ЗАРУБЕЖНЫЕ МАРКСИСТЫ О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ». Сборник. М., Политиздат, 1975, 246 стр., 90 000 экз., 49 коп.

И. Г. Иванов. ЗНАЧЕНИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 12), 1975, 64 стр., 56 760 экз., 11 коп.

Д. С. Лихачев. ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ. Классические произведения литературы Древней Руси. М., изд-во «Современник», 1975, 367 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 70 коп.

В. А. Мезенцев. НАУКА ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 11), 1975, 64 стр., 146 750 экз., 11 коп.

Р. К. Нарайан. БОГИ, ДЕМОНЫ И ДРУГИЕ. М., изд-во «Наука», 1975, 256 стр., 75 000 экз., 64 коп.

«НАСТОЛЬНАЯ КНИГА АТЕИСТА». Изд. 4-е. М., Политиздат, 1975, 448 стр., 100 000 экз., 1 руб. 42 коп.

«НОВГОРОД». Памятники архитектуры XI—XVII вв. Альбом. Л., изд-во «Аврора», 1975, 122 стр. с илл., 3 руб. 72 коп.

И. Л. Палтерович. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ. М., изд-во «Педагогика», 1975, 96 стр., 40 000 экз., 15 коп.

В. И. Пепеляев. КОММУНИЗМ, МОРАЛЬ, РЕЛИГИЯ. Минск, изд-во «Беларусь», 1975, 47 стр., 7 500 экз., 6 коп.

А. Д. Яндаров. СУФИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. Алма-Ата, изд-во «Наука» Каз. ССР, 1975, 176 стр., 1 600 экз., 1 руб. 6 коп.

Статьи в журналах и сборниках, разделы в книгах

И. Аничас. Христианская демократия и антикоммунизм. Рец. на кн.: В. Нюнка. Клерикальные партии и Ватикан. «Коммунист». Вильнюс, 1975, № 3, стр. 84—86.

В. Г. Ардзинба. Двоичные символы в хеттских придворных, стр. 262—272; **Б. Б. Маргулес.** О социальных корнях христианского гностицизма в Египте, стр. 157—171, «Древний Восток», 1975, сб. 1.

И. Л. Арончик, Г. С. Зыскин. Антропоморфизация природы как принцип религиозного и художественного сознания. «Природа и общество». Куйбышев, 1975, вып. 1, стр. 67—83.

Е. М. Борисов. Произведение Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и проблемы критики современной религиозной философии. В кн.: «Некоторые актуальные вопросы исторического материализма», вып. 2. М., 1975, стр. 18—36.

Н. Ю. Бубнов. Из собрания белокриницких митрополитов. В кн.: «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974». М., 1975, стр. 157—161.

И. А. Булыгин. Особая категория феодально зависимых крестьян в I четверти XVIII в. В кн.: «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.». М., 1975, стр. 190—212.

В. В. Бычков. Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве. В кн.: «Вопросы истории и теории эстетики». М., 1975, стр. 129—145.

К. А. Виммсааре. Эстонская лютеранская церковь в современной идеологической борьбе, стр. 35—43; **А. И. Горячева.** Религия и общественная психология, стр. 45—59. «Труды Таллин. политехн. ин-та», 1975, № 372.

Т. Г. Гайдурова. Марксистский метод анализа религии и проблема его конкретизации при исследовании религиозности в социалистическом обществе. «Труды Урал. политехн. ин-та». Свердловск, 1975, сб. 237, стр. 114—128.

С. Н. Гурвич. Отделение церкви от государства и партия радикалов (1902—1905 гг.). В кн.: «Французский ежегодник». 1973. М., 1975, стр. 97—117.

А. Я. Гуревич. Из истории народной культуры и ереси. «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве, стр. 159—185; **Е. В. Гутнова.** Средневековое крестьянство и ереси, стр. 28—38. В кн.: «Средние века», вып. 38. М., 1975.

Ц. Дугарова. Новым ритуалам — зеленую улицу. «Агитатор», 1975, № 22, стр. 61—62.

О. М. Зельдина. Политика Селевкидов в отношении храмовых общин, стр. 135—139; **М. А. Коган.** Идеализация Китая у французских просветителей XVIII в., стр. 118—122. «Герценовские чтения». XVII. Научные доклады. Исторические науки. Л., 1975.

«История о том, как епископ Саутуэркский поверил в свободу слова в Англии и что из этого получилось». «За рубежом», 1975, № 48, стр. 14.

С. Ф. Казакова. Атеистическая пропаганда в отделах истории советского общества краеведческих музеев. В кн.: «Музей и современность». М., 1975, стр. 65—86.

Н. Ксенофонтова. «Копи царя Соломона». «Азия и Африка сегодня», 1975, № 11, стр. 29—30.

Г. Кузнецов. Сионизм у позорного столба. «За рубежом», 1975, № 48, стр. 15—16.

Фолько Куиличи. Похищение огня. «Вокруг света», 1975, № 11, стр. 20—23.

В. Молчанов. Прометей «просветленный». «Иностранная литература», 1975, № 4, стр. 220—224.

Л. Р. Никитина. Новые обряды и праздники в борьбе с религией. В кн.: «Творчество молодых». Минск, 1975, стр. 161—166.

Ж. Орлова. Женщины и церковь. «Агитатор», 1975, № 23, стр. 43—45.

М. А. Родионов. Марониты в ливанском обществе. «Расы и народы», 1975, № 5, стр. 289—301.

Е. А. Тарвердова. Развитие культуры в Арабской Африке. «Народы Азии и Африки», 1975, № 5, стр. 83—95.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ТИНЯКОВА Ирина Петровна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Работает над проблемой «Женщина и религия».

ЦИПКО Александр Сергеевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Автор книги «Оптимизм истории», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1974 году. В нашем журнале печатается впервые.

ИТС Рудольф Фердинандович — доктор исторических наук, профессор, заведует кафедрой этнографии и антропологии в Ленинградском государственном университете. Автор многих статей и книг. В нашем журнале печатается впервые.

Адрес редакции: 109004. Москва Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51, 297-10-89. А 04811. Сдано в набор 18. XII. 75 г. Подписано к печати 22. I. 76 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 06799. Бумага 84×108¹/₁₆. Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.)

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», г. Киев. Брест-Литовский проспект, 94.

«Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое».

В. И. Ленин

Произведения народных мастеров — кладезь непреходящей красоты подлинного искусства. Щедрая многоцветность ярких чистых тонов росписи, причудливость рисунка поражают вас, когда вы проходите по залам выставки народного творчества в Академии художеств. Словно сами цветы заплелись в затейливые узоры на фантастических красных, черных, синих и ярко-зеленых полях. Это жостовские подносы.

Жостовский народный промысел не столь древний, как гончарный, как резьба по дереву, художественные ткачества, вышивка, тем не менее он известен уже 150 лет.

Роспись подносов — оригинальный и интересный вид народного творчества. Самое главное для мастера этих изделий — создать совершенный рисунок, который был бы одинаково красив с разных точек зрения: когда поднос стоит на столе, когда он как украшение висит на стене и, наконец, когда он в руках хозяйки. Существует устойчивая народная традиция расписывать подносы букетами цветов, реже — фруктами, но именно букет дает возможность художнику создать всесторонне красивую вещь. Несколько стен залов выставки увешаны круглыми, квадратными, овальными букетами. И каждое изделие художника неповторимо по цвету и композиции.

Художники

Е. Л. Лапшин

М. П. Савельев

Фото А. Казимирова

Цена 30 коп.
70602